

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Бабур АЛИМОВ
Абдулла АЗАМОВ
Абдулла АРИПОВ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Ольга ГРИГОРЬЕВА
Хуршид ДОСТМУХАММАД
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИПЬИН
Насреддин МУХАММАДИЕВ
Ирода РАХИМОВА
Абдухаким ФАЗИЛОВ

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Зиёдбек УРИНОВ

Редактор
Светлана ЩЕГЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

проза

Игорь ЭРНСТ

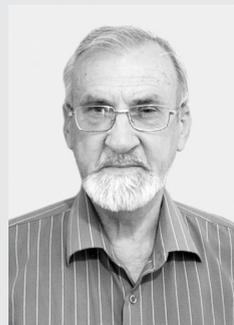
ТВОЙ РЕЙС

(Рассказ)

В дождь и слякоть позднего осеннего вечера, на пороге ночи, нас подберет запоздалый автобус. Горбоносый водитель подмигнет и понимающе улыбнется.

Я сяду здесь, в середине; новая подруга, от которой уже не избавиться, с усмешкой оглядит смолоду знакомых пассажиров, встанет возле меня и возьмется за поручни с обеих сторон.

Мы помчимся и многое увидим...

проза

Яна ТЕМИЗ

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ ТАШКЕНТА

(Рассказ)

Города, как люди.

В них или влюбляешься с первого взгляда, или любишь неосознанно, как бабушку, или ненавидишь и уходишь от них навсегда, или привыкаешь и так и живешь – с нелюбимыми...

И, как миражи, как летучие голландцы, живут в нашем сознании эти города-призраки.

Для меня таким стал Ташкент.

ПОЭЗИЯ

Баходыр АХМЕДОВ

О, ХРУПКОЕ СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ, КОГДА ТЫ ЗАБЬЕШЬСЯ ВО МНЕ?

К чему бесконечное «Кто мы?..» –
мы это узнаем не здесь.
Мы лишь примечания к тому,
которого нам не прочесть.

Мы только попытка контекста,
что вновь прорывается за
узорную изморозь текста,
где каждая точка – слеза.

ПОЭЗИЯ

Вадим МУРАТХАНОВ

ЧЕТЫРЕ ПОСВЯЩЕНИЯ ДЛЯ ЧУЖОЙ ПАМЯТИ

Не строили, не обрели силу,
не грезили, дыханье затаив.
Но мехом внутрь носили эту зиму
и темный лес делили на двоих.

Кто сохранить возьмется эти ели,
где повстречались Сирин и Семург?
Едва друг друга крыльями задели –
и дольше века год неожиданных мук.

литературоведение. литературная критика

Ирина РОДИНА

**ДУХОВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
«РЕЛИГИОЗНОЙ» ТЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

В современной прозе по-разному представлено художественно-нравственное осмысление духовно-эстетических «моделей богоискательства», актуализирующих не только в литературе, но и в современной культуре в целом, новый взгляд на духовно-культурологический комплекс проблем «Бог – бытие – человек». Анализ этого осмысления позволяет выявить специфику эволюции художественного сознания «кризисной» эпохи рубежа XX – XXI веков.

НОВЫЕ ИМЕНА

Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ

СТАККАТО ДЛЯ ВОРЧЛИВОГО СВЕРЧКА

Когда умру от нежности к тебе –
Твоим стихам, мелодиям, заскокам,
Закружится над кряжем Коктебель,
Опознавая душу по осколкам.
Когда умру от жалости к тебе...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- Баходыр Ахмедов.** О, хрупкое сердце Вселенной,
когда ты забьешься во мне? 5
- Вадим Муратханов.** Четыре посвящения для чужой
памяти 12
- Елена Пагиева.** Да будут ваши тайны святы 24

ПРОЗА

- Яна Темиз.** Фантомная боль Ташкента. (Рассказ) 9
- Игорь Эрнст.** Твой рейс. (Рассказ) 14
- Ариадна Васильева.** Время осенних птиц. (Роман) 28

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

- Борис Пак.** Почему Мишка мед ест один? (Сказка) ... 54

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Рубен Назарьян.** Газетное дело и книгоиздательство
в Самарканде 57

ПЕРЕВОДЫ

- Шодмон Отабек.** Балабан. (Рассказ) 63
- Переводы из узбекской поэзии** 67
- Улугбек Хамдам.** Одиночество. (Повесть) 71

НОВЫЕ ИМЕНА

- Наталья Крофтс.** Ветер странствий 102
- Даниэль Васильев.** Сказочник. (Повесть) 106
- Сергей Сутулов-Катеринич.** Стаккато для ворчливого
сверчка 119

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Игорь Рогов.** Октябрь – месяц туманов 122

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Александра Давшан.** Диалог культур в современном
литературном процессе Узбекистана 130
- Ольга Григорьева.** Мне душу наполняла осень 134
- Ирина Родина.** Духовно-культурологические основы
«религиозной» тематики в современной русской
и узбекской литературе 139

Звезда Востока

2012 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Reg. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).
Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Акбарали Мамасолиев

Подписано в печать 10.03.2012.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж экз. Заказ № 24-12

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи»

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и не
рецензируются.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

ПОЭЗИЯ

Баходыр АХМЕДОВ

Родился в Ташкенте в 1967 г. Окончил физический факультет Московского Государственного Университета и аспирантуру физфака МГУ. Кандидат физико-математических наук.

Стихи и проза Баходыра Ахмедова публиковались в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана и Эстонии, а также в антологии современной поэзии Узбекистана «АНОР». Финалист конкурса «Литературная Вена». Участник 6-го Ташкентского Фестиваля поэзии. Победитель ежегодного Международного поэтического конкурса «Пушкин в Британии» (2007) и призер турнира «Поверх барьеров», проводившегося в рамках фестиваля в 2012 году.

В своих стихах Баходыр Ахмедов исследует метафизику сингулярности пространства и времени внутри каждого из нас – границы и контуры нашего сознания, черновики памяти; перебирает струны ощущений, так что невольно задаешься вопросом, что реальнее – грубый материальный мир, или вселенная звуков, неуловимых образов, впечатлений?

Стихи Б. Ахмедова затрагивают сложнейшие вопросы мироздания – от квантовой физики души до теории относительности целых миров, но при этом его образы и символы близки и понятны читателю. Окунаясь в мир его поэзии, оказываешься участником таинства Со-творения целой вселенной вокруг себя, становясь одновременно и наблюдателем, и участником событий.

О, хрупкое сердце Вселенной, когда ты забьешься во мне?

Письма из пустыни

1.

Мне хочется запомнить этот день:
Пустыня, пыльный ветер, ожиданье.
И где-то рядом будущего тень,
Что каждый миг меняет очертанья.

И кажется, что в этой тишине,
Лишь время, ошущая беспредельность,
Поет о бесконечном нашем сне,
Где ищем мы утраченную цельность.

И это одиночество сродни
Былинке, что склоняется под ветром,
Пока текут сквозь пальцы наши дни,
Надеждой на бессмертие согреты.

2.

Остынет кофе, свет померкнет,
и ветер выронит тоску.
Здесь каждый куст почти что смертник
с присягой верности песку.

Здесь бесконечное движенье,
как зов безликой пустоты,
где время растворяет тени
и замечает все следы.

А если ветер вдруг затихнет,
придет такая тишина...
И небо звездное возникнет
из маленькой песчинки сна.

3.

Человек в пустыне растворим,
как крупинка соли в океане.
Может быть, и мы когда-то станем
океаном неба голубым.

Что такое время? Это след
на песке, меняющем пространство.
Не ищи в пустыне постоянства,
но и в человеке его нет.

Зыбко все: барханы и кусты,
юрты, миражи, надежды, люди.
Все исчезнет, только ветер будет
измерять границы пустоты.

* * *

В лепет сна вплетая шепот ветра,
Нарисуешь новую луну.
Чистота серебряного света
Медленно стекает по окну.

Ночь в снегу, как мира замиранье
На краю вселенской пустоты.
Кто-то завтра вновь тобою станет,
Чтобы изменить твои черты.

Незнакомый, странный и тревожный
В амальгаме хрупкого стекла...
Каждый день меняет память кожу,
Превращая время в зеркала.

Человек толпы

(по мотивам одноименного рассказа Эдгара По)

Он вышел из прошлого в легком пальто.
Он знал, что за ним увязалось Ничто,
как пес, одинокий и старый,
оставший от стаи.

По улицам шумным весь вечер бродя,
он видел на лицах наброски дождя.
В толпе растворялся, как капля,
статист незаметный в спектакле...

А время читало судьбу по слогам,
вплетая свое бормотание в гам
весною отравленных улиц,
где мы навсегда разминулись.

И в зеркале темном витрины пустой
старик разглядел, как Ничто за спиной
смотрело в глаза по-собачьи:
казалось, вот-вот, и заплачет.

* * *

Ночные странствия души,
как черновик метемпсихоза.
Холодный свет луны дрожит
на лепестке уснувшей розы.
И то, что завтра обретет
рассудок, память, пониманье,
сквозь ночь прохладную плывет,
меняя сны и очертанья.
То птичий радостный язык,
то немота и страх разлуки...
То незаконченный дневник,
где есть тоска о точном звуке.
И кажется, последний шаг,
и вдруг сольются воедино
к любви летящая душа
и тела призрачного глина.

* * *

К чему бесконечное «Кто мы?..» –
мы это узнаем не здесь.
Мы лишь примечания к тому,
которого нам не прочесть.

Мы только попытка контекста,
что вновь прорывается за
узорную изморозь текста,
где каждая точка – слеза.

* * *

Отверженным трудно смеяться.
Поверженным больно любить.
Но, словно улыбка пространства,
Сверкнет золотистая нить.

И снова поднимаешься, чтобы
Морозной надеждой дышать.
Прозрачное пламя озноба
Пройдет по душе не спеша.

Густой обжигающий воздух
Струится по зеркалу лет.
Над нами соленые звезды,
За нами – усталости след.

Но в этом ознобе, в томленьи
Уже предначертан итог:
Высокое преодоление –
Последней свободы залог.

И жизнь принимая смиренно,
Подставишь ладони весне...
О, хрупкое сердце Вселенной,
Когда ты забьешься во мне?

проза

Яна ТЕМИЗ

Яна Темиз писатель, журналист, балетный либреттист, филолог-русист, преподаватель, автор нескольких учебных пособий, а также детективных романов: «Рай на земле», «Сад камней». Колумнист русско-турецкого журнала «Компас-Pusulа».

Живет и работает в Измире (Турция).

Фантомная боль Ташкента

Рассказ

Города, как люди.

В них или влюбляешься с первого взгляда, или любишь неосознанно, как бабушку, или ненавидишь и уходишь от них навсегда, или привыкаешь и так и живешь – с нелюбимыми.

Есть города, которые мечтаешь увидеть. Кажется, знаешь о них все, даже если никогда там не был. Париж, Петербург, Стамбул... Возникают перед глазами знакомые (откуда?) силуэты, башни, купола, колонны... у каждого свой фантом, свой собственный тайный, вымечтанный Рио-де-Жанейро.

И, как миражи, как летучие голландцы, живут в нашем сознании эти города-призраки. Для меня таким стал Ташкент.

– У москвички две косички, у узбечки двадцать пять! – важно декламирует московская первоклассница, маленькая я. И кружится по сцене, радостно демонстрируя все двадцать пять косичек.

Это было давно, очень-очень давно, в королевстве у края земли... в том королевстве одной семьей жили люди разных национальностей, и маленькой это казалось мне чудесной сказкой, из тех, что я так любила читать.

И мой первый бал оказался праздником, где мне предстояло примерить на себя роль восточной принцессы – такой казалась мне неведомая, живущая в загадочном Ташкенте девочка-узбечка с двадцатью пятью косичками. Я немножко балерина, немножко сказочница, немножко актриса... я первоклассница из Москвы, на улице мокрый снег, в школу нужно носить серый мешок со сменкой, а сегодня еще и сумку с маскарадным костюмом.

Почему-то никто не хотел быть узбечкой: мои подружки соперничали за пышные короткие юбки, яркие вышитые жилетки и атласные ленты принцесс из ближайших королевств, а я... у меня есть своя волшебница, которая может превратить меня в любую принцессу – или, может быть, я уже тогда предчувствовала восток, который манит магнитом и вскоре покорит меня навсегда?

Бабушка шила – и, несомненно, была волшебницей. Уже во время примерки все наши гости из обыкновенных усталых женщин превращались принцесс – что ей стоит превратить и меня в восточную принцессу... «Я буду узбечкой!» – к облегчению учительницы поднимаю руку я.

Где и как раздобыла бабушка в снежной Москве начала семидесятых настоящую вышитую тюбетейку? И этот странный шелк с яркими узорами для недлинного халата? А для малиновых шаровар пришлось пожертвовать подкладкой старого атласного одеяла... нет-нет, я все равно была настоящей узбекской царевной, никто бы не узнал в них подкладки – и старые шлепанцы, которые дома называли «старик Хоттабыч» были переделаны как-то так, что я чувствовала себя Царь-девицей.

Вот только косички – две у меня были свои, мы поделили их на четыре, потом на шесть, но я настаивала на двадцати пяти, я плакала и отказывалась идти в школу: я не могу быть узбечкой без ровно двадцати пяти косичек. И я их получила. Моя бабушка могла все: косички были сплетены и пришиты к тюбетейке – что это было: конский волос? остатки шерсти? У нас было веретено, бабушка умела прясть... я и сейчас помню их наощупь – мои узбекские косички.

Я крутилась на сцене – и мне завидовали все русские сарафаны, молдавские юбочки, украинские ленты, мои косички летели, мой личный восток неумолимо приближался... как хорошо, что где-то есть волшебный город Ташкент, я вырасту и обязательно туда поеду.

Я ездила в Мурманск и Ленинград, в Волгоград и Одессу, я побывала во многих городах нашего тогда еще единого и немножко, наверно, волшебного королевства – Ташкент оставался мечтой, миражом, ускользающим оазисом в пустыне.

Да и из костюма я давно выросла, косички острижены, а бабушка умерла.

«Если ты хороший писатель, – сказал ты, – опиши... ну хоть вот узор на ковре! Только так, чтобы хотелось читать, не отвываясь, сможешь?»

Ковер был тогда под самым носом: мы лежали на нем, и ворсинки были так близко, и я видела одну – неправильно черную среди белых. Черный завиток начинался чуть дальше – но одна ворсинка почему-то торчала здесь, бросаясь в глаза... нет, если встать, даже не встать, а чуть приподнять голову, ничего не заметно... и казалось, что нет ничего проще, как описать что угодно, хоть этот узор... почему нет?

Черный завиток и неправильная ворсинка – какой сюжет! И темный завиток волос на твоей шее... и я закрываю глаза, утыкаясь в него... какой прекрасный ковер.

Бухарский – красно-коричневый, с орнаментом по мотивам «райского сада»: я гуляю вокруг центральной клумбы-медальона, я прохожу по его дорожкам, я влюблена в тебя – и в этот ковер... мне хочется читать его, не отрываясь... поедем в Бухару? Или в Самарканд... знаешь, я с детства почему-то мечтала съездить в Узбекистан... у меня даже была тюбетейка с косичками... поедем? Пусть это будет ковер-самолет...

Кажется, там же, рядом, изгибы вездесущей бардовской гитары, и ее цвет так подходит к тому ковру, и ты поешь про Бричмуллу, и Чимган освещает дорогу мою, и безумно прекрасен собою...

Узор, как на картинах Верещагина, восточный ковер нашей жизни – нет, ты так и не вплеся в мой узор, черная ворсинка была случайной – надо ткать что-то новое, свой собственный орнамент... я все равно когда-нибудь поеду в Ташкент.

– Смотри, что написано! – почти кричу я мужу. – Написано «Таш-кент»! Мы будем жить здесь? Почему Ташкент?!

– Не знаю, – пожимает плечами муж. – Так уж кооператив назвали – «Каменный город». Да наверно, на всех тюркских языках это значит «каменный город». Здесь и будем жить, да.

– Знаешь, я всегда так хотела в настоящий Ташкент... но я не знала, что это значит «каменный город». Как красиво... как «Каменный цветок» из сказки... может, когда-нибудь мы?..

– Красиво, да... конечно, поедем когда-нибудь!

Но пока мы в Турции – тоже восток, ковры, минареты, слишком яркое для москвички небо, те самые или очень похожие орнаменты и узоры.

И постоянные встречи с людьми, для которых «Ташкент» – не мечта и не город-призрак: для кого-то – хореографическое училище, для кого-то детство в эвакуации, для кого-то солнечная юность... а у меня – только двадцать пять косичек и несбывшийся ковер-самолет.

Существует ли тот Ташкент, куда я так хотела поехать?

Я смотрю на фотографии – современный город тонкой тканью накинута на старый Ташкент. Несколькими слоями – каждый со своим узором и орнаментом – накрывает любой город время.

Иногда кажется, что ткань времени рвется, проступает другой слой... появляется город-мираж, манящий и удаляющийся, город-призрак, город-символ – с его узорчатыми башнями, арыками, цветущими садами.

Город – как узор на старинном ковре, повторяющийся мотив в орнаменте моей жизни.

...Старый город

Тихонько живет в каждом городе мира.

Старый город –

Лишь повод вернуться туда,

Где когда-то любила.

Старый город

Есть в каждом из нас, он невидим, внутри:

Минареты, арыки, чинары, углы, фонари.

Старый город везде –

Даже там, где его уже нету.

Он снесен –

Но мы все же тоскуем по Старому Свету.

Старый город прекрасен всегда.

Он чужим не бывает.

Старый город

Секреты хранит и старинный мотив напевает.

Без прикрас

Его стены, старинная кладка, развалины башен.

Навсегда

Эти улочки, пыль и ворота – все в памяти нашей.

Я вхожу в старый город, как в свой –

Ну и пусть не из детства

Моего эти лестницы – нет,

Никуда мне не деться:

Старый город – любой –

Нас упорно к себе возвращает

Старый город нас ждет.

Не зовет, да и не обещает

Нам чудес.

Он молчит, но однажды, случайно

Находим мы повод –

Как с небес –

Чтоб пойти и найти

В любом месте земли

Для себя только свой

Старый город.

...И я пишу свой бесконечный узор, тку свой ковер из букв и слов, и из некоторых вдруг получаются балеты или музыка, или орнамент стихов.

Я заплетаю косички своим дочкам: старшая, средняя, младшая – у москвички две косички, приговариваю я, у узбечки двадцать пять, и Узбекистан представляется им сказочным королевством с узорчатыми коврами и восточными принцессами. Сколько же их было у меня – заплетенных мною косичек?

И я опять хочу в Ташкент... кажется, это неизлечимо.

Миражи, фантомы и призраки сильнее нас – и безумно прекрасны собою.

Мне кажется, он тоже полюбил бы меня – этот где-то, конечно же, существующий город Ташкент...

ПОЭЗИЯ

Вадим МУРАТХАНОВ

Вадим Муратханов – поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1974 году во Фрунзе (ныне Бишкек). В 1990 году переехал в Ташкент, где в 1996 году окончил факультет зарубежной филологии Ташкентского государственного университета. Один из основателей объединения «Ташкентская поэтическая школа», альманаха «Малый шелковый путь» и Ташкентского открытого фестиваля поэзии. Ведущий сайта «Два берега», ответственный секретарь журналов «Новая Юность» и «Интерпоэзия». С 2009 г. член Союза журналистов Москвы.

Автор шести книг. Имеет публикации в журналах «Звезда Востока», «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Звезда», «Арион» и др.

Живет в Московской области.

Четыре посвящения для чужой памяти

А.

* * *

С тобой все выглядит не так,
как принято: больней и резче.
Словно поднялся на чердак,
где спят диковинные вещи.

Какие странные часы:
в них стрелки (двадцать, девятнадцать...),
как сумасшедшие усы,
топорщатся и шевелятся,

со временем утратив связь.
Так жизнь мелькнет и растворится
в колодце неотступных глаз.
И дверь со скрипом затворится.

* * *

Синюю птицу заметил
вдали от людей.
Чем-то он будет светел,
пасмурный день.

Ни наград, ни славы
мне не стяжать.
Лесом бродить сосновым,
счастье свое остужать.

Может, знакомые лица
встретятся тут.
Молча за мной пристроятся,
следом пойдут.

Кто их за нитку стянет?
Мой караван
кто пересчитывать станет
по головам?

Пролетит птица синяя
над зеленой пустыней,
голову повернет –
и продолжит полет.

* * *

Не строили, не обретали силу,
не грезили, дыханье затаив.
Но мехом внутрь носили эту зиму
и темный лес делили на двоих.

Кто сохранить возьмется эти ели,
где повстречались Сирина и Семурга?
Едва друг друга крыльями задели –
и дольше века год нежданных мук.

Еще скрипит вершина осевая
и, шорохами сна заселена,
чужую память снегом засеивает.
Но ветер выдувает семена.

* * *

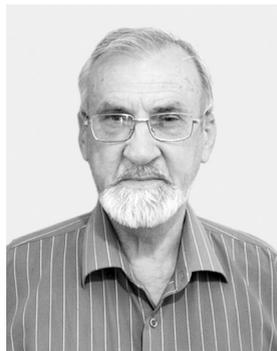
Долго на осень глядя в окно,
можно забыть и тебя заодно.

Видеть, как в парке женщина с дочкой
до темноты собирают листочки
и на мою фигуру в окне
пальцем показывают, как на скульптуру.

Ты оказалась в это мгновенье
лишь безымянной пишей забвенья,
точкой неясной, рожим листочком.
Может, поднимут – в темноте не увижу.

проза

Игорь Эрнст

Эрнст Игорь Васильевич родился в 1946 году в Шахрисабзе. Инженер-электромеханик. Работает в Ташкентском государственном техническом университете. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Твой рейс

Рассказ

I

Весь день я бродил среди развалин тевтонского замка, стоявшего на холме, взбирался на огромные обломки стен и башен, больше похожих на скалы, и сверху оглядывал окрестности, воображая себя безраздельным властелином здешних мест.

День выдался пасмурным, изредка пробивалось солнце сквозь неплотную завесу туч. С невидимого отсюда моря дул ветер. Море волновалось, играя кораблями. Ветер же, пролетая между камнями, издавал необыкновенно выразительные звуки, напоминавшие то отдаленный лай собак или топот мчащихся коней, то призывный звук рога или свист коварной стрелы.

Увлечшись, я не заметил, как настал вечер, и к шоссе спустился в темноте. Дорога была пуста, пуст был весь мир; в тишине шумел мелкий дождь и блестел асфальт.

Ждать пришлось долго. Под навесом остановки мне стало душно и, стоя на обочине, я совсем промок к тому времени, когда из-за поворота появился автобус, второе живое существо в озябшей осенней Вселенной.

Немногочисленные пассажиры, мужчины, сидели в разных концах салона и, погруженные в свои мысли, смотрели в холодные, словно зеркала оконные стекла.

Рассеянный свет, мягкое движение машины, непогода снаружи, там, где сельская дорога вилась меж холмов, поросших теряющим листву лесом, приглушенная музыка, – кто другой только что был в одиночестве? Я был молод, жадно впитывал впечатления, находил удовольствие в резких переменах, и сейчас началась новая вечность, такая короткая, – бесконечный путь в теплом коконе сквозь чужую промозглую тьму.

Вскоре автобус подобрал еще кого-то.

Я мельком взглянул на нового пассажира и снова отвернулся к окну.

Он сел рядом на свободное место.

Снова мы мчались в ночи. Прилетел лист, застрял между рамой и стеклом и ни встречный поток воздуха, ни удары дождевых капель не могли сорвать его.

Непрошенный сосед прикоснулся к моему рукаву.

– Простите, что-то есть трогательное в старых песенках, правда? – он отвел взгляд от листа и кивнул головой в сторону кабины водителя. – Жаль, они быстро забываются и так редко передаются, что невольно вызывают воспоминания. Столько утрачено...

Что ему нужно? Зачем он сел здесь? И почему модные мотивчики стары? Думаю, что улыбнулся в ответ достаточно вежливо. Навязчивый попутчик продолжал:

– Похоже, вы издалека. Не секрет ли, откуда?

Я сказался, но почувствовал себя задетым от того, что во мне легко угадали приезжего.

– Интересно, – произнес он еле слышно. – Невероятно.

Я испытывал неловкость от того, что меня откровенно и внимательно рассматривают, и, желая изменить ситуацию, посмотрел на наручные часы.

– Да, конечно, – он улыбнулся и сказав: – Всего хорошего, – поднялся и пошел вперед, на ходу обнажая запястье левой руки как бы проверяя время.

Водитель резко притормозил; странный пассажир чуть не упал на спящего на переднем сидении мальчика.

Автобус остановился. На ступеньках этот человек оглянулся, вышел в дождь и навсегда исчез из моей жизни.

II

Любимый городок неузнаваемо изменился. Живописные холмы покрылись многоэтажными домами, по улицам, прижимаясь к земле, крались автомобили, тротуары заполнили равнодушные прохожие. Я поворачивал за угол, зная, что увижу милый с детства уголок и испытывал потрясение – серые железобетонные конструкции заменили причудливые старинные здания, на месте скверов с густой зеленью вилась пыль над горячим асфальтом.

Навсегда исчезнувшие городские пейзажи остались в памяти свидетельствами существования иного мира, в котором мне посчастливилось побывать.

Связи с родственниками давно распались; я устроился в гостинице, полагая, что двух-трех дней достаточно, чтобы утолить грусть о прошедшем.

Не все, однако, изменилось, что-то сохранилось. Сохранился и мой пригородный маршрут.

На следующий день после приезда, часов в десять утра, автобус отправился в путь. Замелькали привычные картины: лес, холм с развалинами на вершине, просторная пойма реки. Выйдя на повороте и обогнув пригорок по еле угадываемому проселку, я пришел к хутору. Крепкий некогда дом покосился, крыша просела, в разбитых окнах свистел ветер. Сколько страстей бушевало!

До заката было далеко, а в замке на высоком холме много лет ждут старые друзья – благородные принцы и принцессы, нарядные придворные, храбрые и молчаливые солдаты. Они, поселенные здесь моим мальчишечьим воображением, так и кружились в беззаботном и ярком хороводе.

К замку вела мошенная в древности дорога. Брусчатка плотно ушла в землю, расползлась, в щелях пробилась трава. А как, должно быть, звонко цокали копыта рыцарских коней!

Груды камней, некогда бывшей цитаделью, усеивали лишайники, в укромных местах, куда не проникали солнечные лучи, рос мох. Остатки сводов вырисовывались на фоне неяркого неба.

Вот, прощаемся...

От развалин вел короткий проселок на старую дорогу, но хотелось на шоссе, к людям.

Подкатил рейсовый автобус, тот самый – утренний, и повез назад, в городок.

Перспектива одинокого и скучного вечера в гостинице не привлекала. Подчинив-

шись внезапному порыву, я сошел с автобуса в широком распадке, заросшем соснами. Здесь начиналась тропинка, минут за сорок приводившая путника на городскую окраину.

Сложный рельеф местности заставлял тропинку петлять по холмам, спускаться в овраги, обходить валуны, подниматься на обрывы, откуда далеко была видна туманная волнистая равнина.

Догорал закат, прочерченный фиолетовыми полосами туч.

К наступлению темноты на поляне, возле бьющего прямо из склона родника, я засмотрелся на первую звезду, поскользнулся, упал в лужу, ушибся и испачкался.

Раздосадованный, я добрел до скалы возле заброшенной старой дороги. Нагнувшись, чтобы обтереть обувь пучком травы, я услышал звук работающего на высоких оборотах дизеля. Звук нарастал, и по дороге промчалась громадная неуклюжая машина, усеянная светящимися окнами. Инстинктивно я подался назад не отрывая взгляда от непонятного видения – в одном из окон мне почудилось чье-то лицо, лицо, несомненно, знакомое, но оно промелькнуло и исчезло. Шум стих.

Смахнув со лба холодный пот и огорчившись окончательно от очередного ушиба, теперь уже о скалу, – поиск новых впечатлений не всегда закачивался удачно – я вернулся в гостиницу, сел на стул, призадумался, а наутро уехал.

III

Всегда мне нравилась осень с ее богатством красок, нравились долгие глухие вечера, одинокие прогулки под дождем. Переменчивая погода, меняющееся освещение в течение дня создает такое же настроение: то веселое, то грустное, но обязательно приподнятое, и душа смутно ожидает чего-то необычного. Как, наверное, и многие другие, я с удовольствием видел полет пожелтелых листьев, слушал унылый стук оголенных веток, смотрел на мокрые, сторбившиеся кусты, ступал по лужам, провожал взглядом потерянное, заблудившееся среди мрачных туч, отчаянно загулявшее летнее облачко, теперь отважно и торопливо пробирающееся на юг к своим благоразумным сестрам. А иногда вдруг ошущалось движение воздуха, вызванное взмахами тысяч крыл, – стремились птицы в теплые дальние страны. Сколько раз повторялась осень и столько раз она оказывалась первой. Время взросления давно прошло, теперь я становился старше, старее, но мир не утрачивал своей притягательности и каждый день приносил новые неожиданности.

Вот и сегодня вечером по моей просьбе водитель с едва уловимой улыбкой оставил автобус в середине леса, и я пошел тропинкой, настолько знакомой с детства, что даже в темноте не сбивался с ноги.

Только что я разговаривал с парнем, на которого обратил внимание, едва войдя в автобус, и рядом с которым сел не спрашивая разрешения. Облокотившись на раму, он бесцельно смотрел в черное окно. Встречный ветер снаружи прижал к стеклу кленовый лист. На листе рельефно выделялись не успевшие пожелтеть крепкие прожилки.

Возможно, что в юности мы с этим юношей ходили друг на друга и внешне и характерами – многим молодым людям скучно взаперти поздними осенними вечерами. Им не хватает чуть-чуть твердости, чтобы навсегда уйти из дома и стать морскими разбойниками, конкистадорами или просто бродягами.

Я стал задавать вопросы парню, но держался он скованно. Чтобы показать, что ему докучают, он взглянул на свои ручные часы. А я невольно прикоснулся к своему запястью, ведь у меня были точно такие же – подарок бабушки на окончание школы. Они отличались простым и строгим циферблатом, ни разу не ломались за тридцать лет, и я с ними не расставался. Ряд совпадений: внешнее сходство, часы, мы оба здесь приезжие и оба из одного южного города, навел на мысль, что наша встреча не первая, что она уже была и была именно такой. Мысль исчезла, не успев оформиться, и как

будто забылась; чего ведь только не случается! Но все-таки что-то очень важное, не осознаваясь, ускользало, беспокоило, и, пожалев, что больше не увижусь с этим молодым человеком, я посмотрел вслед исчезнувшему в темноте автобусу. Там, где прошла машина, тянулась полоса голубоватого света.

Накрапывал дождь. Светлой лентой вилась тропинка в осенней мгле. Краина, несколько переулков – и вот приют, дом дядьки, старшего брата моей матери. Войти я не торопился и, стоя на мошеном тротуаре, слушал, как осыпаются листья с березы у калитки, поглядывал на окна, где порой скользили тени.

У соседей также горели огни; с хозяйкой, состоявшей с нами в близком родстве, мы дружили с детства. Она, пожалуй, была единственной, от кого у меня не было секретов. Наши отношения напоминали отношения младшего брата и старшей сестры; муж ее здоровался со мной приветливо и равнодушно. Я бросил к ним камешек в ставень и поднялся на крыльцо. Отворил хозяин и сказал:

– Заходи. Ты все такой же. Если б она, – он назвал жену по имени, – так угадывала мое возвращение.

Из распахнутой двери на крыльцо лился сноп желтого домашнего света.

За столом сидели гости.

Мы разговаривали. Я обмолвился, что пришел лесной тропинкой. Кто-то сказал:

– А у нас в роду есть предание, связанное со старой дорогой, с той, которую пересекает тропинка.

Все оживились, засмеялись:

– Ну-ка, расскажи.

По лицу хозяйки пробежала тень, но возражать она не стала. Предмет досужих разговоров – старая дорога, заброшенная, но хорошо сохранившаяся, имела плохую славу, ходить по ней остерегались. «Не ходи там, – приговаривал дядька, – не ходи». Разумеется, к добрым советам я не прислушивался и не раз с замирающим сердцем бегал в опасное место.

– Так вот, – начал гость, приняв стопку, – с кем и когда в нашем роду случилась эта история, не знаю, но помню родича, от которого впервые ее услышал. Его, кстати, не любили в округе, так как был он человеком странных и необычных знаний, собирал травы, делал отвары и настои, много времени проводил в развалинах на холме, что-то там разыскивая. Так вот, – повторился рассказчик, – двести ли, триста ли лет тому назад один из наших предков, назову его Якоб, загулял и очутился поздним вечером на старой лесной дороге. Он уже присматривал какое-нибудь развесистое, удобное дерево, на ветвях которого можно было бы в безопасности дожидаться утра, как вдруг услышал топот копыт. Обернувшись, он различил в темноте повозку, запряженную парой лошадей и ташившуюся в сторону города. Якоб попросился в повозку, где на мешках лежали несколько мужчин. Они молчали. Якоб был навеселе и ему хотелось поговорить. Он толкнул локтем сидящего рядом, приглашая к беседе. Тот оказался молодым парнем, рекрутом. Кто-то ударил кремнем, чтобы раскурить трубку. Слабая вспышка осветила лица, и Якоб вскрикнул от изумления – рекрут был как две капли воды похож на него самого, но только молодого и безусого. И тут же Якоб вспомнил, как лет тридцать назад, он, такой же молодой, при таких же обстоятельствах ехал рекрутом на сборный пункт. Возница, услышав восклицание, громко засмеялся, хлестнул лошадей и отпустил вожжи. Лошади понесли. Якоб крепко схватился за борт повозки и увидел, что за ними на дороге остается и мерцает полоса голубоватого пламени, в отблесках которого стояли деревья, теснившие дорогу. Вдруг возница натянул вожжи, пытаясь остановить безумный бег лошадей. Сильный удар пришелся в дно повозки. Якоб вылетел наружу и, падая на обочину, успел заметить, как полыхнуло яркое пламя, в котором исчезло все – люди, повозка, лошади.

– Утром Якоба нашли крестьяне, шедшие на городской рынок, и отнесли его домой. Вскоре о ночном происшествии узнал градоначальник и распорядился сделать запись в городских архивах. Так что...

Я вспомнил голубоватый след в воздухе, оставшийся после автобуса, скользнувшего в ночное небытие.

Разумеется, всерьез рассказанного никто не принял. Утром дядька, уже глубокий старик, отмахнулся от расспросов, но обронил: «Придет время, и, может быть, сам узнаешь».

Некоторое время я размышлял об услышанном, потом забыл.

IV

Злые языки утверждали, что моя бабушка ведьма; шутили, конечно. Она одиноко жила в просторном доме, стоявшем на отшибе небольшого хутора. Повсюду на вбитых в стену крюках, на дверных косяках и оконных рамах, подоконниках и сундуках висели или лежали связки трав. Травы издавали запахи, каждая – свой. Запахи смешивались, и у человека, впервые входившего в дом, кружилась голова. Если приходилось вставать ночью, то в темноте можно было видеть переливчатые облачка – засохшие цветы светились. Мерцающие огоньки не пугали, я привык к дому с младенчества.

Каждый год меня привозили сюда на лето, но нынешней осенью домой почему-то не забрали, а оставили на зиму, записав в городскую школу. Я же захотел жить на хуторе и рано утром пригородным автобусом уезжал на занятия, а после уроков или ближе к вечеру возвращался домой.

Среди ежедневных событий поездки в автобусе были самыми интересными. Я старался встать на ступеньках у лобового стекла или занять сиденье возле передней двери, откуда открывалась панорама на местность, по которой пролегал наш путь.

Сельская дорога вилась меж холмов и полей, перебегала речки, кружила над оврагами. В одном месте шоссе проходило по краю высокого берега, с которого пойма крупной реки представляла как на ладони. Далеко на западе река впадала в море, и в ясную погоду в той стороне удавалось различить над горизонтом свинцовое пятно – морские испарения. В другом месте, за рекой, из окна долго виднелись развалины замка, осыпавшимися стенами черневшем на одиноком скалистом холме. Тут фантазия разыгрывалась безудержно: я был пажом или оруженосцем, тайно влюбленным в прекрасную даму, или становился во главе армии рыцарей, еще лучше – я могущественный феодал и не снимаю шляпу перед самим королем, но, в любом случае, преодолел суровые испытания, добывал мечом славу, богатство и любовь белокурой красавицы. Но замок исчезал, дорога упиралась в школу и начинались уроки.

Прошедшее лето подарило новые и яркие впечатления. Бабушка брала меня с собой собирать травы. В мои обязанности входило носить корзины вслед и не двигаться, пока бабушка, согнувшись и что-то шепча, искала нужные растения. Они росли по лугам и по обочинам дорог, на лесных опушках и в самом лесу, на речных берегах, у озер и болот – словом, везде. Бабушка радовалась самой незначительной травинке и самому непритязательному соцветию, в которых она угадывала скрытую силу. Мы поднимались и к развалинам замка, где у обрушившихся ворот по черным камням стлалась дикая роза; бабушка бережно срывала красные цветы, не все подряд, а выбирая. Они казались одинаковыми, но бабушка сказала, что думать так неправильно. Бывали мы и на старой дороге, именно там, как нигде обильно, белели, голубели, желтели целительные травы.

Выходили мы рано утром или на закате, реже днем, а то и по ночам, в полнолуние. Наши тени скользили по земле и кустам, причудливо изгибаясь. Луна порой пряталась в тучи, тогда становилось темно и жутко, особенно если рядом шумел лес. Меня пробирала дрожь, а бабушка, занятая поисками, ничего не замечала. Найдя цветок, она становилась на колени и бережно обрезала тонкий стебель. Не помню случая, чтобы она вырывала растение с корнем. Говорить не разрешалось, по знаку руки я молча подходил и подставлял корзину.

Родители ничего не знали о наших ночных походах до тех пор, пока я сам не проговорился, хотя и обещал помалкивать. Получилось это следующим образом. В конце октября проведать нас приехала моя мать. Докладывая о своих успехах, я рассказал обо всем, и даже о том, что мы видели на старой дороге. Она насторожилась и узнала секрет: однажды ночью на старой дороге мимо бесшумно промчалось странное пятно с желтыми огнями посередине. Я бросился к бабушке и схватился за ее одежду. Она обняла меня и пристально посмотрела в глаза. «Вот ты какой, – после долгой паузы сказала она. – Не каждому удастся увидеть свой рейс. Но не бойся и никому ничего не говори».

Я так и не понял, что тогда произошло, забыв бабушкин наказ, поделился с матерью впечатлением о том событии. И пожалел.

– Ты здесь не останешься. Ты немедленно уедешь в город, – твердо сказала мама. Старуха молчала и так же, как и той ночью, смотрела с любопытством.

Через полчаса мы стояли на остановке в ожидании. Уже стемнело, холодными порывами налетал ветер. Вскоре подкатил последний на сегодня автобус и приветливо распахнул двери.

Выглянул, здороваясь, водитель. В свете фар встречной машины, осветивших шоферскую кабину, лицо его показалось отталкивающим. Глаза блестели зеленым, что ли, огнем, злая улыбка обнажала клыкастые зубы, острая борода и горбатый нос придавали ему ужасный вид. Я отпрянул назад и прильнул к матери.

– Что? Не узнаешь? – посмеиваясь, недобро спросил дьявол.

Мама недовольно сказала: «Посмотри внимательно, это же наш городской сосед». «Мне страшно ехать с ним», – прошептал я, еще крепче прижимаясь к матери. «Ничего, ничего», – успокаивающе произнесла она.

– Не бойся! – воскликнул водитель и нажал на клаксон.

«Насмотрелся здесь со своей бабушкой», – мама как будто оправдывалась. – «Я переночую на хуторе, а утром вернусь».

Мы попросились. Свет из окна автобуса падал на лицо матери. В ее карих живых глазах тоже вспыхивали огоньки. Она махнула рукой и исчезла в темноте.

Водитель, напевая, включил радио. Мягкие звуки музыки, тепло, полумрак – я забыл свои страхи, чувствовал себя уютно, словно дома, и, достав из сумки книжку «Война миров», первую в жизни самостоятельную покупку, начал читать. Глаза слипались. Книга упала, какой-то пассажир поднял ее и подал мне, что-то спросив. Что я ответил – не знаю, так как мои глаза сами собой снова закрылись.

...В старом замке устроили праздник по случаю победы над соседним княжеством, и в толпе придворных вдруг выделился дворянин, высокий и статный. Наши взгляды встретились, он снял парик – и я вскрикнул от неожиданности – это был водитель автобуса. Он подошел и протянул руку к шпаге, висевшей на поясе, и вдруг кто-то толкнул меня...

Надо мной склонился водитель и тряс за плечо. «Спишь! – насмешливо сказал он, протягивая «Войну миров». – Опять уронил. А мы приехали. Выходи». Он открыл двери у дома дядьки. Заработал дизель; когда автобус завернул за угол, темнота на улице резко сгустилась. Уже лежа в постели, я подумал, что сегодняшним вечером избежал большой опасности.

V

– Бойтесь! – с презрением выкрикнул парень по кличке Здоровый. Здоровому через год следовало в армию, вот он и командовал нами.

– Нет, не боюсь, – заплетаясь языком возразил каждый из семерых юношей.

После полудня мы купили водки, ушли в лес подальше от чужих глаз, с непривычки быстро захмелели и пришли в возбуждение. Нам требовалось выплеснуть энергию, показать, какие мы храбрые – и тут кто-то крикнул: «Старая дорога!»

Услышав о старой дороге, все притихли, но Здоровому идея понравилась. Он стал уговаривать нас пойти туда и вызвать нечистую силу, которая, как рассказывали, там водилась. Мы немного протрезвели и несмело переглядывались между собою, не решаясь двинуться с места. Вот тут-то Здоровый, выпивший больше других, и стал упрекать соратников в трусости. Упрек был справедливым и потому очень обидным.

– Бойтесь, бойтесь, трусы вы, дураки, – он употреблял другие слова. – Да я один пойду, а, вы, салажата, сидите тут, пузырьки сосите. С кем связался!

Здоровый двинулся вперед. Поразмыслив, я пошел следом. Через несколько шагов Здоровый оглянулся.

– Ну, ты молоток – сказал он, увидев меня. – Настоящий мужик!

Похвала, приятная и необходимая, пришлась по душе. Во-первых, Здоровый, сильный и уверенный, пользовался влиянием среди подростков городка, во-вторых, я не был местным и для укрепления моих позиций даже сомнительный комплимент оказывался весьма кстати. Замечание Здорового остальным мальчишкам не понравилось и они, переглянувшись, неохотно последовали за нами. Один парнишка, самый робкий или самый умный, так и не знаю, повернулся и убежал в город.

Мы вышли к старой дороге, когда заходящее солнце освещало лишь верхушки деревьев.

Странное дело – дорогой не пользовались много лет, но она не зарастала. Колея была так хорошо накатана, словно последняя машина прошла только что и движение прекратилось на минуту.

Стемнело.

Деревья, обступавшие дорогу, угрюмо приблизились, чернота между стволами стала плотной и похожей на бархат. Все боялись; никто, разумеется, не признавался в этом, но каждому хотелось, чтобы испытание мужества закончилось поскорее.

Время шло, но ничего страшного не происходило. Ребята осмелели и заговорили громче, принялись дурачиться, кричать и бегать. Хмель еще не выветрился из наших голов, опасность никто не ощущал.

– Э-ге-гей! Ау! – раздавалось в разных местах, и в ответ слышался молодецкий по-свист. Возмущенная луна с негодованием пряталась в тучи.

Незаметно мы разбрелись по сторонам.

Как обычно, соседский мальчишка, прихорюлившийся нам родственником, держался рядом. Его старшая сестра велела мне присматривать за ним. Хотя он и считался среди нас самым слабым, Здоровый распорядился дать ему водки столько же, сколько и другим. Я хотел вмешаться, но, придавленный авторитетом Здорового, к своему стыду, промолчал. И потом долго винил себя за слабохарактерность.

Мы с мальчиком стояли на обочине, когда внезапно посветлело и откуда-то стремительно вылетело что-то черное с ярко горящими желтыми пятнами спереди и по бокам. Оно двигалось посередине дороги, заливая голубоватым светом просеку позади себя.

Прикрыв глаза ладонью, я сквозь неплотно сжатые пальцы видел, как оно мчится мимо, и мне показалось, что из одного желтого огня, словно из окна, кто-то пристально смотрит на нас.

Занятый странным зрелищем, я совсем забыл о соседском мальчике. А он вдруг с воплем бросился на чудовишное пятно.

Глухой звук удара, плеснуло огнем, и тело подростка, отброшенное в сторону, упало на траву.

Перепуганные, мы собрались возле него. Ожидание грядущей кары было страшным. К счастью, мальчик оказался жив; он сильно ожегся и тихо стонал.

Здоровый не растерялся. Он приказал сделать носилки из веток и мы, сменяя друг друга, понесли нашего товарища в больницу.

На следующий день дядя жестоко избил меня, а еще через день отвел на вокзал, посадил в поезд и отправил домой, запретив когда-либо приезжать к нему. Я не сопротивлялся, понимая, что наказание слишком мягко.

VI

Я провел день в гостях, в крошечной деревеньке из нескольких домов, стараясь задержаться допоздна только потому, что мне хотелось вернуться домой последним рейсом. Наконец хозяин, бывший одноклассник, проводил меня до околицы. Мы попрощались, не зная, доведется ли увидеться еще раз. Сначала я решил пройти через хутор, где когда-то жила бабушка, но раздумал – идти долго и можно опоздать на автобус, смотреть же нечего – после смерти бабушки продать дом не удалось и он медленно разрушался.

Был восьмой час, следовало поторопиться, и я пошел напрямую по лугам и косограм. Моросил дождь, уныло и безостановочно.

Так пусто и одиноко было в темном поле, среди дождя и ветра, как будто весь мир обезлюдел и печально слушал крики ворон, собравшихся на опушке недалежного леса.

Шоссе так же пустовало; не торопясь я двинулся в сторону города. Вскоре меня догнал автобус, последний. По обыкновению я сел у окна и осмотрелся. Казалось, что такие автобусы давно сошли с дорог, но нет – тепло, чисто и уютно, сиденье удобно и мягко. Безмятежность, ровный ход, молчаливые пассажиры; я погрузился в состояние среднее между сном и бодрствованием. Чувства без участия сознания замечали остановки; несмотря на поздний час, неведомая нужда куда-то гнала людей. Влез мальчишка с большой сумкой, кто-то вошел, кто-то вышел, – огромные события в движущемся маленьком мире.

Я же грезил, так, ни о чем. Обрывки воспоминаний проносились в голове, случайные фразы, прочитанные или слышанные, приходили на ум, лица, когда-то виденные, мелькали перед мысленным взором, а то вдруг какой-нибудь старый навязчивый мотив звучал словно наяву. Иногда, очнувшись, я глядывался в мрак за окном, надеясь увидеть в ночи знакомые очертания приметных мест, ведь дорогу, по которой двигался автобус, знал наизусть, знал, что увижу за следующим поворотом. Вот миновали мост через реку, вот черным пятном мелькнул вдаль холм с развалинами, вот машина, разбрасывая мокрые листья, помчалась по лесу.

Водитель включил радио и зажег дальний свет.

Музыка убаюкивала, уносила, увлекала в иные миры.

Вдруг салон автобуса ярко осветился и дремота исчезла, возникла непонятная напряженность. Невольно я поднялся с места и пошел вперед, к шоферской кабине. На переднем сидении, возле двери, спал мальчик, рядом с ним на полу лежала книга. Подняв книжку, обложка которой о чем-то смутно напоминала, я вложил ее в руки мальчику. Разбуженный подросток буркнул слова благодарности и снова заснул.

Между тем водитель добавил скорости.

Я встал на ступеньки и облокотился на поручень у лобового окна. Автобус летел по блестящему асфальту, светом своих фар выхватывая из темноты стволы деревьев и дорожные столбики по обочинам.

Когда мы подъезжали к месту бывшей развилки, водитель что-то громко сказал, почти закричал. Я ничего не расслышал из-за шума набирающего обороты двигателя, так как автобус снова увеличивал скорость.

Здесь был поворот налево, очень своеобразный. Прямо и справа высилась насыпь, заросшая деревьями и кустарником. Построенная давным-давно, она перегоразживала выезд на старую дорогу.

Но водитель и не думал поворачивать!

С ревом мы мчались прямо на насыпь.

...Лучше не видеть момент катастрофы...

Ничего не произошло.

Я несмело приоткрыл глаза. По-прежнему быстро мы ехали вперед, но как-то странно снаружи все изменилось. Лес, холмы, дорога, деревья – они были теми же и вместе с тем какими-то другими, непривычными. Справа по движению два челове-

ских силуэта четко различались на поляне в свете наших огней; я обернулся и сквозь боковые окна успел увидеть, как одна фигурка метнулась к другой, высокой, и та сделала жест как бы обнимающий, защищающий, словно мать прикрывала ребенка. «Эй!» – окрикнул водитель. – «Смотри по ходу!» Я подчинился. Через некоторое время слева показалась скала, также озаренная нашим светом; возле скалы стоял пожилой мужчина в испачканном грязью коричневом плаще. И лицо его, изумленное и испуганное, было так знакомо!

Я был поражен так же, как и человек у скалы, и невольно отшатнулся от окна. Тени на обочине тоже качнулись, но автобус пролетел дальше, дальше.

И снова, примерно через километр, на пути появились люди, на сей раз мальчишки. Один, ослепляемый светом, прикрывал глаза рукой, другой, явно младше, шатался и широко открывал рот, что-то крича. Я смотрел на них не отрываясь, и по мере того, как мы проезжали, передвигался назад по проходу между сиденьями, чтобы не терять детей из виду. Вдруг младший бросился прямо на автобус. «Тормози!» – крикнул я водителю, но тот не слышал.

Слабый удар о наружную обшивку автобуса, тело несчастного подростка летит на землю...

Я вздрогнул очнувшись и некоторое время не мог прийти в себя. Полумрак в салоне, мастерски ровное движение, тихая, почти неслышная популярная мелодия – сон ли приснился?

За окном во тьме сияли редкие фонари; мы ехали по пригородному поселку.

Смысл сновидений был достаточно неприятен. Я передернул плечами, стараясь избавиться от тяжести, оставленной кошмаром.

На автостанции из своей кабины выпрыгнул водитель. Он потянулся и сказал пассажирам: «Приехали».

Шаги эхом отдавались на темных улицах городка, и что-то из случившегося за вечер не давало покоя, но, наконец, понял: книжка, которую уронил мальчик в автобусе, называлась «Война миров». Когда-то у меня была такая, именно такая.

VII

Потоптался я на дорожке возле палисадника, посмотрел на светящиеся окна, повернулся спиной к дому, где уже не был нужен, и пошел прочь.

Затянувшийся роман тяготил, он никому не принес счастья, и сейчас, наверное, мы оба испытывали облегчение.

До главной дороги два-три километра; еще можно успеть на последний пригородный автобус.

Далекая луна мелькала между быстро бегущими тучами, облетающие с деревьев листья укладывались на земле в мокрый пружинящий ковер.

Судьба вознаградила пустяком – я ступил на шоссе и подкативший немедля автобус принял меня в свое лоно.

Отряхнувшись, я снял плащ, сел возле окна и задумался.

Все же сегодня вечером грустно. Грустно от того, что на дворе ненастье, от того, что сбылось ожидаемое; грустно потому, что теплые и манящие огни горят для других.

Рассеянно я проводил инвентаризацию событий своей тридцатилетней жизни и веселее не становилось. Правда, вот: парень с девушкой, держась за руки, шли по улице. Одеты просто и лица обыкновенны, но многие с завистью смотрели им вслед. Как лучились его глаза! Дай Бог каждому...

Припозднившиеся пассажиры, такие же промокшие, сквозь холодные стекла старались что-то увидеть в черноте ночи. Атмосфера, царившая в автобусе, была хорошо знакома, я не раз ездил вечерними рейсами и не раз ошущал некое единство случайных граждан маленького сообщества, складывающегося на коротком пути и распадающегося на конечной станции.

Я представил себя на месте водителя, уверенно ведущего машину по высветленному фарами пространству. Из темноты вылетают откосы холмов, парапеты моста, стволы деревьев и уносятся назад. Отблески наших огней играют в косых линиях дождя и лужах на асфальте. За спиной у меня сидят люди, сведенные вместе на краткий миг ночного рейса, незнакомые, разные, но очень похожие.

Человек за рулем таинственно улыбнулся.

Утомительные современные ритмы, видимо, раздражали водителя; он настроил радиоприемник на другую волну. В тон настроению зазвучала фортепианная музыка. Гениальный каприз, неуловимая «Элизе» кольнула сердце и вернула мысли к неудавшейся любви. Как жаль, что случилась разлука, как жаль, что..., но даже плохие стихи не получались.

Мы приближались к городу.

На выезде из леса, на подъеме, автобус вдруг заскользил и потерял скорость, словно натолкнулся на невидимую преграду. В сложной ситуации водитель не потерял управление и выправил движение. Пассажир, стоявший на ступеньках у передней двери, что-то одобрительно сказал; водитель в ответ рассмеялся.

Прибыли на автостанцию, попутчики исчезли в улицах. Автобус развернулся и уехал, оставив голубоватый след под огромными заполненными дождевыми каплями шарами, внутри которых горели уличные фонари.

Поездка закончилась.

VIII

Тело еще слушается, но не так быстро и легко, как когда-то. И мысли потеряли стремительность. Взгляд стал несобранным и отрешенным. Прошлое расплылось и потеряло значение. Как и все старики, я живу ожиданием неизведанного.

Вдруг скажут:

– Вот и пришла твоя смерть. Сама себя позвала. А то с тобой в девках засидишься, – и похотливо схватят за высохшую руку.

Возьмет она мою душу и потащит за собой. Куда мы поспешим, я знаю.

В дождь и слякоть позднего осеннего вечера, на пороге ночи, нас подберет запоздалый автобус. Горбоносый водитель подмигнет и понимающе улыбнется.

Я сяду здесь, в середине; новая подруга, от которой уже не избавиться, с усмешкой оглядит смолоду знакомых пассажиров, встанет возле меня и возьмется за поручни с обеих сторон.

Мы помчимся и многое увидим...

Вот, заснув с книгой в руках, уроню ее на пол; вот, пробродив весь день по развалинам, нетерпеливо посмотрю на часы, когда я, невообразимо взрослый и не желающий ни о чем догадываться, спрошу у нечаянного спутника – «Сколько времени?», вспомню побег розы по черному камню, вспомню улыбку Джоконды любимых женщин, вспомню блеснувшую на небосводе одинокую звезду; снова услышу возглас водителя, ведущего автобус на насыпь, бабушка вновь с любопытством посмотрит мне в глаза.

Мы помчимся, и на опустевшей дороге протянется за нами голубоватая полоса.

Вскоре она растает, и кто-то другой выйдет в потемках к своему последнему рейсу.

ПОЭЗИЯ

Елена ПАГИЕВА

Пагиева Елена Николаевна родилась в 1946 году в городе Красноярске (Россия). Детство и школьные годы прошли в г. Кувасае Ферганской области. Окончив художественно-графический факультет Ташкентского Государственного педагогического университета имени Низами, работала преподавателем, дизайнером, в 1992-2001 годах главным художником издательства «Марка Узбекистана» при Агентстве печати и телекоммуникации Республики Узбекистан.

Стихи пишет с юности. Публиковались в республиканских журналах «Звезда Востока», «Молодая смена», «Восток свыше»; ташкентском журнале «Гармония», республиканском альманахе «Молодость» (1979, 1986, 1991 г.); в альманахах: «Юность» (Ашхабад. 1990 г.), «Истоки» (Ташкент); в антологии «ARK» (2007 г.); в республиканском сборнике поэтов Узбекистана «Признание» (2007 г.) и на страницах республиканских газет.

Да будут ваши тайны святы

Солнечный ветер

Тот солнечный ветер, что судьбы решает незримо, –
Гудящего пламени плазменный выплеск в пространство –
Пустоты и тьму межпланетную знавший своими, –
Что время колышет, диктуя закон постоянству.

И как он далек, этот ветер, как сказочно близок
Полярным сияньем, магнитным смятением бури...
С ним будущих снов и прошлого тени ошибок
В мой день невозвратный, как в слезный котел мой, шагнули.

И властным потоком мерцает сметающий атом,
Не зная, что пламя все счеты наземные сводит,
Что свежесть воды и цветущих садов ароматы,
Как жизнь, незаметно, сквозь слабость ладоней уходят.

И день опустевший уже не окликнет. Не спросит
Все знавших, все смевших, и вдаль уходящих, и встречных,
Как боль расставаний с собой очевидность уносит
Сквозь солнечный ветер, – мой верный, мой солнечный ветер...

Запах пряностей

Ветер – утренний странник –
 Ветер древних поверий,
 Распаленным дыханьем
 Запах пряностей стелет
 Тянет пряным настоем,
 И гвоздичным, и тминным
 Над базарным прибоем,
 Над притихшей долиной...
 Растворясь безвозвратно,
 Это облако специй
 Веет нежностью мяты,
 Зреет мужеством перца.

И Вселенная дышит
 Разных пряностей смесью,
 Той, что ветер колышет
 Или кружит на месте.
 В скуку знойного края
 Безошибочно целит
 Запах, что зазывает
 К бурным рекам ушей.
 И терзает и лечит
 Запах терпкий и тонкий –
 Этот запах навстречу,
 Этот запах вдогонку...

Заклинаниям вторя
 В исполнении лучших,
 Вслед идущему в гору
 И под гору идущим,
 На Восток и на Запад,
 На все стороны света...
 Не устал этот запах
 Разговаривать с ветром.
 На безвестных полянах,
 Травы пряные зная,
 Полнолуние упрямо
 Ввысь ростки выгоняет...

В час чужой и случайный,
 В час душевных смятений
 Отдает свои тайны
 Древний запах растений.

Горная река

На камни гор, на берега,
 На все, что рядом
 Кидалась бурная река,
 Теряя разум.
 В потоке яростном своем,
 В своем веселье
 Все, что любовью мы зовем,
 Сметая селем.

Опять вершины торопя, –
 Кому-то мало –
 Жарой коварная чилля
 Снегам шептала.
 Настигнуть вновь и гнать в угон,
 Смешать все с тиной,
 Взломав беспомощный заслон
 Любой плотины....

Смотришь, река, в глаза ничьи –
 Где твой оазис?
 Корнями вверх карагачи
 Торчат из грязи.
 Где тень листвы? Где мед цветов?
 Где сада спелость?
 Лишь бесполезных валунов
 Теснится серость...
 Прошел бессмысленный поток, –
 Проник – не в вас ли?
 В горах высоких кишлаков
 Огни погасли...
 Какие силы, и знамен
 Какое имя
 Взломали разума заслон
 Людской лавиной?

Очнись, душа, чтобы начать
 Свой день без битвы,
 И по-другому зазвучать
 Иной молитвой.
 И чтобы весело текла
 Сквозь лед вершины
 Воды прозрачная река
 В покой долины.

Пустыня

Твоя ли, Денница¹, твоя откровенная скука
В пустыню вошла и пустыню в себе растворила?
И времени мелкий песок, и несбыточность снов,
Из ладони просыпав в ладонь, окликает безлюдность?
Лишь от устья реки дано безобразнице мухе
И проворной пчеле, пролетев запустеньем постылым,
Всю злую обыденность скал и колючих кустов
Узнать и изведать, их пробуя горечь и лютость.

Денница, твоими заботами вырублен сад,
И сняли деревья с себя помертвевшие листья.
Изменчивый ветер глотает дымы лихолетий.
По солнцу тоскующий корень – надежда немногих.
И даже обиды подобья туда не глядят, –
Лишь призрак воды горизонта колышет безликость.
Сомненьем распахнуты в умыслы пропасти этой
Вздыхают и плачут ворота широкой дороги,

Где неверье и страх, давая мечам имена,
Висят над народом шумящим, грозя мятежами.
И держит дыханье души опьяняющим мшеньем
Разрушения час, что гнев ликованием метит.
Солнце знает свой запад, но тайно колеблет луна
Прилив и отлив, слепым повинуюсь желаньям.
Веселясь криводушно обманами позднего зренья,
Дурман смертоносного сна не находит ответа.

Какое, Денница, искуплений познаешь число,
Над пахучей водой раскола слова выкликая,
Где скуки твоей отголоски сметают твой след,
Как птицы ночные скрывая незримые гнезда?
Над простором немом, что когда-то песком занесло,
Небесами любимое милости слово витает,
Зеркалами озер, как шитами незримых побед,
Отражая, Денница, от тебя отдыхающий воздух.

¹ Денница – падший ангел. (Словарь Даля)

Фаюмский портрет

Да будут ваши тайны святы,
Погасших лиц,
Рассветы ваши и закаты,
Покой гробниц.
Таят в себе имен забытых
Седую был
Фаюмской чаши приоткрытой
Песок и пыль.
Где мир остался отдаленный,
Как древний клад,
Встречает запад воспаленный
Восточный взгляд.
Где мысли огненной поры –
Пророчеств дым –
Прочел костер сухой травы
Ветрам ночным.

Незримо плыл полынный запах
Грядущих мест,
Перемешав восток и запад
В густую смесь.
Переменив и перемерив
И долг, и власть,
Чтоб в души солнечные верить,
Чтоб не пропасть.
Скрывая смех и память слез,
Победы гром,
Густые краски кляли в воск
И жгли огнем,
Чтоб как прозрачное стекло,
Роняя свет,
Последней славы торжеством
Сиял портрет.

И знать, что будет не случаен
Наш день и час,
Что будет святость этих тайн
Глядеть на нас.

проза

Ариадна ВАСИЛЬЕВА

ВРЕМЯ ОСЕННИХ ПТИЦ

Роман

5

Сева зачастил к Булановым. Подолгу рылся на полках, где книги стояли в два ряда, и еще поверх них воткнуты были тома, зачитанные, с пометками на полях.

После долгих пререканий Севе оказана была особая милость. Весной ему позволили копать землю в саду, но только там, где Софья Сергеевна знала наверняка, что лопата не заденет корни растений и не повредит их.

На работе вьедалась и пилила за каждый промах. Так вьедалась и пилила, что не будь он предан ей, давно бы сбежал, где легче и выгодней добывать деньги на хлеб с маслом. Но о хлебе насушном Сева заботился меньше всего. Жить ради денег? Скучно, бесперспективно. Только творчество способно спасти человека от повседневной рутины! Только оно одно! Сева всячески старался развить этот тезис среди коллег, но не все прислушивались к нему благосклонно. Одни считали, что он рисуется, ловко делает карьеру, пуская воду на мельницу Софьи Сергеевны. Которая тоже в какой-то мере блаженная.

Иные считали, что Сева дурит по молодости. Темперамент играет. Все кончится (настаивал Иван Денисович Загурский), как только юноша отыщет себе достойную пару, особенно, если вторая его половина будет похожа, скажем, на некий метеорит, залетевший однажды в лабораторию Софьи Сергеевны в образе Жанны Семеновны Дергач, переводчицы технических английских текстов. «Тогда он попрыгает, Всеволод Аркадьевич, тогда ему придется туго», – потирал ручки Загурский, самый яростный его оппонент.

Доведенный шуточками Загурского до крайности, Сева однажды рассвирепел и ехидно поинтересовался, намекая на его семейную жизнь, уж не потому ли так хлопочет Иван Денисович, что прельстившись когда-то в молодости звездным блеском, сам попал как карась в ловко расставленные сети? Загурский погас, отвернулся и перевел разговор на другую тему.

Что касается прелестной переводчицы, то Сева при случае проявлял любезность, говорил комплименты, но за грань им самим очерченной линии не выходил. Сама Жанна Дергач брала круто по ветру, играла в другие игры, – начинающий молодой специалист с туманным будущим был ей не пара.

Нет, к Севиному отрицанию принципа материальной заинтересованности никто не относился всерьез. Даже для большинства его друзей он частенько представлялся непонятным явлением, чудачком, и если бы не страх обидеть хорошего парня, ему бы давно посоветовали сходить куда-нибудь полечиться.

Сева самонадеянно считал себя человеком крепкого не только здоровья, но и духа, однако, будучи неоднократно битым, со временем прекратил проповеди и ушел в себя.

Он не мог не сознавать, что жизнь, лишенная материальных благ, есть жизнь беспросветная. Его молодой организм все равно требовал пищи, а при неумеренном расходе умственной энергии – калорийной пищи. В этом было обидное противоречие и несовершенство земной жизни, поскольку мама с папой продолжали кормить, а мизерная зарплата уходила на приобретение анафемских, трижды проклятых шмоток.

И тут случай привел его в дом, где жила несговорчивая ученая терка. Он с первых дней работы в лаборатории присматривался к Софье Сергеевне, стараясь разгадать, что она за человек. Уж не тот ли это единомышленник, разыскиваемый им так долго и безрезультатно. Но их разделяли возраст и положение. Он – подчиненный, начинающий, она – высокое начальство.

Ему повезло. Он и не думал напрашиваться, сама неожиданно пригласила в гости вместе с Верочкой, сама познакомила с сыном, очень умным человеком. Таких людей Севе прежде не доводилось встречать. С Андреем Константиновичем они в первый же вечер перешли на «ты», а потом проговорили допоздна об интереснейших, но отвлеченных предметах: об истории, философии, о судьбах человечества. Сева чувствовал себя легко, говорил свободно, не опасаясь наткнуться на иронический взгляд и унизительно насмешливое слово.

Милыми, добрыми, на редкость образованными людьми оказались Софья Сергеевна и Андрей Константинович, и Сева был несказанно рад, что ему посчастливилось стать причастным к их жизни.

По неопытности Сева не все понимал в производственных отношениях, и у него нередко возникали сомнения и вопросы, но с ним у себя дома о работе Софья Сергеевна никогда не заговаривала. Он пытался не раз улучшить момент и выскочить с какой-нибудь проблемой, но все его попытки немедленно пресекались. Особенно мучила давняя, но так и не получившая разрешения, история с его статьей.

Неуверенный в себе, постоянно краснея и запинаясь в словах, вчерашний студент с трудом привыкал к новому положению. Вокруг него жили, работали, спорили, искали истину не бывшие однокурсники, а настоящие ученые. Это окрыляло.

Но прошло несколько месяцев, он обвыкся, преодолел робость, стал участвовать в дискуссиях и даже сделал маленькое, но, как ему казалось, очень важное открытие. Софья Сергеевна внимательно ознакомилась с работой. Перебирала страницы, несколько раз одобрительно кивала головой, признала элемент новизны и посоветовала написать и издать в институтском сборнике статью. Обласканный и окрыленный, Сева решительно сел за первый научный труд.

Он стеснялся лишний раз беспокоить Софью Сергеевну, а консультации ему были нужны. И ему их давали. Кто? Николай Валентинович.

Николай Валентинович охотно отрывался от основных дел, тем более что Сева работал по его теме, приносил ему нужные книги, словом, покровительствовал. Это было так приятно! Наконец, после долгих мучений статья была написана, и перед Севой встал совершенно естественный вопрос: нужно ли считать этого активнейшего помощника своим соавтором? Хотя идея принадлежала исключительно ему самому, и он трясся над нею, как любящая мать над первенцем. Как быть?

Вопрос не праздный. В последнее время Протасенко недвусмысленно намекал, как много он приложил усилий, причисляя лохматые Севкины соображения. Но, с другой стороны, кто такой зам. начальника лаборатории Протасенко и кто такой без году неделя инженер Дягилев? Нужна ли Николаю Валентиновичу крохотная чужая статья при его научном активе? У него их вон, сколько.

Сева отправился за советом к Софье Сергеевне. С глазу на глаз он, мучительно краснея, рассказал ей о своих сомнениях.

Софья стала хмуриться, стала рассеянно постукивать линейкой по разложенным на столе бумагам и, отведя глаза в сторону, сказала ему, юному ученому.

– Видите ли, Всеволод Аркадьевич, – сказала она ему, – это сложный и деликатный вопрос, вот, который вы затронули. Как в анекдоте: с одной стороны нельзя не сознаться, с другой стороны нельзя не признать. Ваша идея, безусловно, самостоятельна, но задание по данной тематике вы получили от Николая Валентиновича, не так ли?

– Так, – сказал Сева, – пытаюсь поймать взгляд Софьи Сергеевны.

– А раз так, – продолжала она, упорно избегая этой встречи, – то нужно исходить из соображений обоюдной пользы. И пусть вас это не шокирует. Не исключена возможность, что вашим научным руководителем станет именно Николай Валентинович.

– И не стоит заранее портить с ним отношения, – достал сигарету и стал задумчиво разминать ее Сева.

– Вам жалко статьи? – зажгла для него и для себя спичку Софья Сергеевна.

Они закурили, спичка погасла.

– Мне важен принцип. Я хочу разобраться...

И тут Софья Сергеевна нарушила собственное правило – запрет на дружеские отношения в стенах лаборатории.

– Севочка... – тронула она его руку коричневым прокуренным пальцем.

Но Сева даже не подумал воспользоваться ее минутной слабостью.

– Я не Севочка! – прорычал он, разгоняя ладонью дым от первой затяжки.

– Да, хорошо, извините, – покорно согласилась Софья Сергеевна, и ее рука привычно потянулась к стоявшей на краю стола керамической пепельнице в виде застывшей в ухмылке усеченной головы Мефистофеля, – как вам угодно, Всеволод Аркадьевич. Вернемся к нашим баранам. А может, в статье-то ничего выдающегося и нет? Тогда имя Николая Валентиновича вам не повредит, а работе придаст солидность. Вы подумайте хорошенько.

– Так не выйдет, – отозвался Сева, – если это, – он поддел ногтем заветные четыре страницы, – если это пустяк, то ему место в корзине, а не в сборнике.

– Вы неправы, – устало возразила Софья Сергеевна, на таких, как вы изволили выразиться, пустяках, строится наука. Из этого пустяка впоследствии может сформироваться крепкая работа. В остальном...

От прямого ответа она уклонилась. Остался на сердце Севы упрек к такому ее подходу и смутное подозрение, что не все так просто в этом храме чистой науки.

Дружба с Андреем крепла, несмотря на разницу в возрасте. Они были предельно честны друг с другом, хотя часто спорили. Яростно, забывая о времени, не шадя голосовых связок. Является ли информация материей? Могут ли «мыслить» машины? За что и почему преследовалась кибернетика? Сколько надо платить ученому? Является ли генетика опровержением теории Дарвина?

Андрею было забавно наблюдать за Севой, когда этот задиристый петушок смело, хоть и по-дилетантски, кидался в атаку.

– Я убежден – не все покупается и далеко не все продается, как думают некоторые. Пусть это громко сказано, но есть иные понятия – верность, честь, любовь, отечество, и их нельзя ни продать, ни купить за деньги! Да! Мы должны вернуться к идее гуманизма, мы должны содрать с современного человека шелуху продажности, корысти, стяжательства, вернуть его к природе. Мы слишком дорого платим за сомнительные прелести цивилизации!

– Стоп, – поднимал обе руки Андрей Константинович, – это, мой дорогой, тебя занесло в сторону Жан-Жака Руссо. Но подумай хорошенько вот о чем: первобытный человек обладал не только добродетелями, как это мы в детстве читали у Купера. Первобытный человек был, ко всему прочему, еще и людоедом!

– Пусть! Людоедом! Но он не был продажной тварью!

Тогда Андрей хватался за голову и с хохотом убегал в другую комнату, крича:

– Мама, мама, ты слышишь, до чего он договорился?!

Софья Сергеевна посмеивалась, распахивала дверь и церемонно приглашала обоих к столу.

– Мальчики, хватит бодаться, вы скоро глотки друг другу перегрызете. Я испекла кекс и заварила чай.

За столом сидели чинно.

Софья Сергеевна ушла из лаборатории, что для Севы было полной неожиданностью. Он погрузился, еще больше замкнулся, с головой погрузился в работу, а когда в один прекрасный день внимательно огляделся вокруг, то обнаружил, что лаборатории, какой она была при Софье, больше не существует.

Как стояли столы в забитой приборами комнате, так и стоят. Но раньше не было, а теперь появились между ними невидимые стены. Каждый сам по себе.

Верочка стала недоуменно коситься на Ольгу Павловну, та теперь дулась на нее без причины. Иван Денисович Загурский подсел к начальнику поближе, к Протасенко. И часто можно было видеть их склоненные головы, слышать неясный шепот. После чего Загурский брал с места третью скорость, исчезал на день, на два, на неделю. Явившись из командировки, подмигивал Николаю Валентиновичу, и тот отвечал ему понимающим взглядом.

Зайчик стал поговаривать о каком-то телеателе, дескать, его зовут туда на работу. Девочки-лаборантки разбрелись кто куда. Вроде бы и на месте в положенные часы сидят, а неуловимыми стали и неуживчивыми. Даже в обеденный перерыв поговорить не с кем.

Грустно сделалось Севе. Затосковал он по Софье Сергеевне. И вот тогда он сказал Зайчику свое слово, а Зайчик его поддержал, и делегация на небесно-голубом «Москвиче» покатила в лабиринты улицы Садовой.

6

На кухне продолжался смотр имеющихся в наличии продуктов. Софья Сергеевна извлекла на свет и свои припасы. Появился на столе пакет с мукой, горкой насыпаны были орехи, банки с вареньем и маринадами подвергнуты тщательному отбору.

Сева дождался Андрея Константиновича, посмеялся над его изумлением перед лицом свалившейся неизвестно откуда заботы, и мужчины, имея в руках подробный список, отправились на добычу.

Дамы повязали передники поверх нарядных платьев, взялись растирать желтки с сахаром, в тугую пену взбивать белок; в крохотной кастрюле заваривали крем, помешивая его непрерывно на малом огне.

Росла на столе горка очищенной зелени, спор стоял, какой ложкой удобнее замешивать бисквитное тесто – мельхиоровой или деревянной. А еще надо было приготовить салаты, испечь мясной пирог. Дел много – голова кругом!

«Черт знает что, – вдруг поскучилась Софья Сергеевна, – зачем я согласилась! Влетели, опомниться не дали, вертись теперь полдня на кухне».

Вслух ни гу-гу. Молчит Софья Сергеевна, трудится наравне со всеми, а настроение падает, падает. Такая вдруг злость навалилась – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Откуда взялась, зачем?

И вот чувствует, – растет раздражение, а сделать ничего не может, и придаться не к чему. Ольга Павловна действует со сноровкой доброй хозяйки, горит дело в руках. Верочка летает от стола к плите, поминутно роняя то нож, то вилку, хотя это не мешает и ей делать поварское дело на достаточно высоком уровне. А взгляды бросает на помрачневшую Софью Сергеевну самые понимающие. Изучила, знает, как действовать в такие минуты. Сейчас либо разговор затеет животрепещущий, либо нарочно, будто ничего не видит, уткнется в пироги. Нет, это нужно пресечь, эти взгляды из-под ресниц! Буркнула:

– Довольно, Вера Алексеевна, мы не в рентгеновском кабинете.

– А что? – сделала большие глаза Верочка.

– Просвечиваете меня, вот что. Глазами своими распрекрасными. Отчитайтесь лучше, как живете, про что мыслите... Вон ту миску подайте мне, пожалуйста... Итак, я жду отчета.

– Жизнь протекает однообразно, Софья Сергеевна.

– Внесите элемент разнообразия.

– Не получается. Работа – дом, дом – работа. Одним словом, сплошная рутина, – она потянула губы к ложечке с кремом, – остается любовника завести.

– Фу, Верочка, это банально.

– Почему? Кому-то можно... До чего же у нас вкусный крем получается... Кому-то можно, а нам, простым смертным, нельзя?

– Опять? – подняла строгие глаза Ольга Павловна, а Софья Сергеевна, поймав враждебность в ее взгляде, подумала, что эти задушевные подруги, пожалуй, уже и не подруги.

Она и прежде не вполне верила в искренность их дружбы. Рядом с эффектной Верой Алексеевной Ольга казалась не то, чтобы совсем уж серой мышью, но... Гладкая прическа с небольшим узлом на затылке, тонкие губы, вечно настороженные, неопределенного цвета глаза, все какое-то тусклое, заурядное, обыденное, хоть она и старалась не отставать от моды, всячески изворачивалась, чтобы выглядеть вполне прилично и современно.

– Что я вам расскажу сейчас, Софья Сергеевна, – никак не отреагировала Верочка на реплику Ольги Павловны, – вы умрете. Оказывается, наш Николай Валентинович имеет дикий роман с безызвестной вам Жанной Дергач.

Не будь Вера Алексеевна так увлечена заварным кремом, она бы успела заметить промелькнувшую на лице Софьи Сергеевны досаду. Ей даже в голову не могло придти, что для бывшей начальницы сделанное сообщение не является сенсационным открытием.

Во времена подготовки к поездке в Англию в лабораторию срочно потребовалась грамотная переводчица. Протасенко порекомендовал Жанну Дергач. При виде юной красавицы Софья насторожилась сразу. Потом на какое-то время подозрения рассеялись. Жанна держалась скромно, добросовестно выполняла обязанности, но, как впоследствии выяснилось, полностью загрузить работой очаровательную переводчицу не получилось. Софья Сергеевна вернулась из Англии, и теперь Жанна, как правило, полдня болталась в лаборатории без дела.

Тогда ей стали давать дополнительные задания: сбегать в архив института за документами, перепечатать несколько страниц, или поехать в смежную организацию по срочному делу. Все поручения Жанна безропотно выполняла, хотя при этом уголок ее рта презрительно опускался вниз, но так, чтобы это не было заметно никому, кроме покровителя. При ее образовании и должности инженера (хотя, какой с нее был инженер!) раздражающие, пустяковые поручения были ниже ее достоинства.

Но все это довольно скоро кончилось. Однажды Николай Валентинович, помогавший Жанне разобрать чей-то почерк, умудрился, возможно, что даже неожиданно для самого себя, доверительно и интимно прижать к столу ее тонкий пальчик с ноготком, покрытым свежим, вишнево-красным лаком. Софья Сергеевна заметила и похолодела. Больше всего на свете она опасалась так называемых «служебных романов». Что в таких случаях бывает – известно. Начинаются пересуды, двусмысленные намеки. Но главное – идут кувырком производственные отношения, и это сразу сказывается на работе. Софья Сергеевна решила немедленно пресечь любовные игры в лаборатории. Уж что-что, а рубить при необходимости под корень, это она умела. В тот же день попросила Николая Валентиновича задержаться после работы, имела с ним непродолжительную беседу, и через неделю Жанна Дергач уволилась из института по собственному желанию. Теперь по какой-то причине давно забытая история воскресла, и Софье Сергеевне это было неприятно.

– Терпеть не могу сплетни, Вера, – сердито буркнула она.

– А это не сплетни. Не только мы с Ольгой, многие их засекли. Там роман головокружительный! А вы помните, какой он ее к нам привел? Тихая такая лапонька, воды не замутит. Сидела, сидела, вдруг раз – и уволилась. Теперь понятно, почему.

Софья Сергеевна настороженно посмотрела на Верочку.

– Это ее личное дело. Она уволилась по собственному желанию.

– И Николай Валентинович с этим был полностью согласен! Как привел, так и увел. Почему? Чтобы избежать лишних разговоров!

– Вы не любите Протасенко? – отвернулась к плите Софья Сергеевна. Довольно безразличным голосом спросила.

– Я? – Верочка сделала очаровательный жест рукой. Казалось, скажет что-нибудь легкомысленное, а припечатала зло, – ненавижу!

– За что?

Верочка очень удивилась.

– То есть как за что? Разве не по его вине распался наш дружный и на редкость сплоченный коллектив? – в ее голосе проскользнула ироническая интонация и тут же исчезла. – Разве не по его вине вы ушли? Не будь его, вы бы работали. Так или не так?

– Не так.

– Тогда почему вы ушли?

«Здравствуйте, – промелькнула в голове Софьи усталая мысль, – что это? Наивность, дурость, игра? Или попытка оправдаться? Да Бог с ними, пусть живут спокойно».

– Мне шестьдесят девять лет, Вера Алексеевна, – тихо заговорила она, обращаясь непосредственно к горке нарезаемой зелени, – почему вы об этом забываете? Я есть анахронизм.

Она поклонилась с легкой иронией, но на Верочку так и не посмотрела.

– Странно, – дернула плечом Вера.

– Ничего странного. Времена меняются. Сегодня вопрос истины второстепенен, сегодня нужны показатели, – тут Софья Сергеевна немного покривила душой, в разговорах с сыном свой уход она трактовала иначе. – У меня, Вера Алексеевна не стало сил бороться со всем этим, да и не пожелала я переделывать себя.

– И при этом ему удалось занять ваше место. – Вера задумчиво усталилась на ложку в руке.

Тогда Софья Сергеевна все же сорвалась, хоть говорила спокойным голосом.

– И при этом вы в противовес ничего не делали. Сколько раз я просила освободить меня от рутины! Но как же! Это отвлекало вас от научной работы! Вот он и взвалил все на себя. Кстати, не так уж он плох.

Верочка даже покраснела от возмущения.

– Да ведь он... хищник! Дайте ему полную свободу, он вам такое покажет! Это же не случайно, что они снюхались. Дергач и он.

– Хватит, – стукнула ножом по краю стола Ольга Павловна. – Кто тебе дал право вмешиваться в чужую жизнь! У них любовь.

– Вот как? Помнится, ты раньше говорила совсем другое. Правда, тогда он был на равных с нами. «Как им не стыдно! Эти взгляды, эти улыбки! Мерзость!» Что, Оленька, власть переменялась?

– Да какая там власть, господи! Почему тебе хочется думать обо мне плохо? Вечно мы смешиваем работу и личные отношения. Пойми, люди не всегда могут управлять чувствами. Да, он женат, да, будет еще один развод. У нас на каждом шагу разводы. Взять хотя бы тебя. Видишь, за примером далеко ходить не надо.

Верочка начала месить тесто. Лицо ее напряглось. Ольга Павловна продолжала:

– Ты с большим удовольствием избавилась от своего супруга.

Вера набросилась на тесто. Мяла, вбивала в доску. Бурчала под нос:

– С удовольствием, это точно.

Ольга Павловна удовлетворенно кивнула.

– Вот видишь, все просто. Вы не могли жить вместе и разошлись. Твой бывший муж сходу нашел новую жену. Не знаю, хорошая она или плохая, но факт, что новая.

Здесь Ольге Павловне остановиться бы. Она не заметила, что взгляд Верочки стал нехорошим. Очень нехорошим. Видно не по душе пришлось, что в качестве наглядного пособия привлекли ее жизнь, спрятанную-спрятанную, в самый дальний угол сознания задвинутую. А тут еще Софья решила за нее заступиться.

– Но ребенок остался без отца.

– Лучше никакого, чем ее бывшее «счастье», – увлеклась Ольга Павловна, будто и нет Верочки, будто этот разговор происходит без нее. – Я о ней заговорила к примеру. А на сей счет кой-что читала. Везде пишут черным по белому, что в наше время разрушение семей, разводы – процесс закономерный. Конечно, кто-то остается в одиночестве, не охваченный, так сказать, семейными узами... Что ж, видно так предопределено: есть женщины, и есть рабочие пчелы.

– Вы считаете, это справедливо?

– Да! – Ольга Павловна сотворила легкий поклон в сторону Софьи Сергеевны, – да!

– Роскошно! Слышите, Вера? Как вам нравится теория рабочей пчелы? Все предопределено. Пожила с мужем, родила, уступила. И пусть он катится на все четыре стороны, свободный, как ветер. А ты работай, работай, работай! Что ж, по-вашему, если я с войны мужа не дождалась, я потом всю остальную жизнь ушами прохлопала? Простите за вульгарное выражение.

– Вы – это другое дело.

– Естественно, по вашей теории я – не женщина. Впрочем, мы уклонились от основной темы. И что же, Ольга Павловна, в прочитанных вами книгах оправдывается подобное положение вещей?.. Не трудитесь отвечать, по глазам вижу: оправдывается... Над чем вы смеетесь, Верочка? Обсуждается очень важная проблема.

Вера Алексеевна смеялась и смеялась. Она даже плюхнулась на стоявший возле нее стул и согнулась пополам. Сыпался, звенел ее звонкий хохот.

– Я... мне пришло в голову... Оля, ты не обижайся, – смех увял, стерся с ее лица. Пальцем, испачканным в тесте, она описала параболу, и конец ее уткнула в грудь Ольги Павловны, – вот с тебя мы и начнем. Иди, мамаша, гуляй с ребеночком, а я закадрю твоего Витю.

Ольга Павловна передернула плечами.

– Ты как-то буквально поняла меня.

– А как иначе тебя понимать?

Хотела Верочка продолжать в том же духе, да скучно стало. Хватит, порезвились.

– Тоже мне, – обронила, – теоретик. Да не бойся, ты. Я себе найду. Загурский ко мне подъезжает... Хамоват, правда, но при таком дефиците... Что смотрите на меня, Софья Сергеевна? Весело живем. Вот и сегодня повеселимся. Чтоб напоследок. Перед тем, как разбежаться в разные стороны.

Ну, отомстила, Верочка, натешилась. Умолкла. Стул одинокий нож, рубил пышный пучок укропа. Скворчало на сковороде масло, в открытое окно заглядывал день, пробежавший половину пути.

– Знаете, Софья Сергеевна, – снова заговорила Вера, – вот эта самая Ольга с некоторых пор стала на меня подозрительно поглядывать. Стой! – обрезала она Ольгу Павловну. – Не говори ничего. Пускай сначала я скажу. Раньше мы с нею – ниточка с иглолкой, водой не разольешь. А теперь? Конечно. Разделил нас. Как маленьких девочек по разным углам развел.

– Кто? – отозвалась Софья Сергеевна.

– Да Протасенко. Он яду подпустил. На меня, впрочем, не действует. Мне, по Ольгиному мнению, море по колено – диссертация в кармане. А вот ей... ей достается. Так и бросается на всех. Чуть ли не рычит. Бойтся, как бы ее великие открытия перед защитой никто не похитил. Как все это мелко, мерзко... О, смотрите, она реветь собралась, губка дрожит. Пусть поревет, полезно, а у меня зато тесто готово, – шлепнула по колобку последний раз и руки стала мыть над раковиной.

Ольга Павловна и впрямь прослезилась. Резко двинула табуреткой, выскочила в открытую дверь, на террасе села возле стола и голову опустила на согнутый локоть.

– Полно, полно, – вышла следом за нею Софья Сергеевна.

Тогда Ольга Павловна подняла на нее глаза, полные слез, пальцы в шепот сложила и шепотью стала стучать по ямочке, где сходятся ключицы. Для того стала стучать, чтобы протолкнуть ком, застрявший в горле, и ответить ровным, спокойным голосом.

– Я ничего такого не думаю. Я ничего плохого ей не сделала. Что ей нужно от меня? Она, – Ольга Павловна стала показывать на Верочку, стоявшую на пороге кухни,

– грызет, грызет. Она же знает, я звезд не хватаю, как некоторые. Я горбом, горбом вытаскиваю работу. Мне трудно... Но я тоже хочу иметь свой кусочек. Я же немного прошу. Я ничего не прошу вовсе, я все сама делаю. Я устала уже, как она не может понять! Я устала от этой проклятой волокиты: минимумы, максимумы, оппоненты, внедрения, подношения. Когда это кончится! Нервы уже не выдерживают. Сколько я могу у нее же таскать займы, чтобы дотянуть до зарплаты? У меня – сто двадцать, да у Витьки сто пятьдесят – инженеры! У меня уже вот, где стоят эти долги, долги, долги! – Ольга Павловна плотно перехватила ладонью горло. – Вера не понимает этого. Так кто же из нас стал бездушным – я или она? Я не умею, я не хочу быть крестоносцем, у меня, как у вас, не получается так, чтобы жить ради одной науки. Я просто пожить хочу. А она – свое: работа не цельная, работа не завершена... Пусть. Она и в таком виде пройдет. Золотухина, дура набитая, уже год как зашила, а ты – нет, не моги, у тебя недоработки. Ну и что? Кончается у всех одинаково. Ты карабкаешься, не шадя живота, лезешь из последних сил, потом приходит некто с наглой рожей...

– Ага! – крикнула Вера, но Ольга Павловна не повернулась даже.

– ... и спихивает тебя. И ты летишь кубарем, считая ступеньки. Что остается после этого? Я спрашиваю, что остается?

Софья Сергеевна зажмурилась, словно ее по глазам хлестнули. Та не видела, та не замечала.

– Ничего не остается, кроме раскаяния, что жизнь прожита бездарно, что ты ничего не успел. Для себя. Да! Я не боюсь так говорить, потому что я говорю правду. Мне, мне дайте спокойно пожить. Дайте пожить в полное мое удовольствие. Так, как хочу я.

На минуту тяжелая тишина повисла в воздухе. Ольга Павловна, перевела дыхание, сузила глаза:

– Почему, скажите на милость, директор нашего гастронома едет домой после работы на новеньких «Жигулях», а я, специалист, научный сотрудник, трюхаю в переполненном автобусе? Почему я должна отказывать своим детям в элементарных вещах? Почему мой муж донашивает один единственный костюм, а другого у него нет? Она ... – Ольга Павловна снова ткнула пальцем в сторону Верочки, не может пережить, что я метнулась в лагерь Протасенко. Метнулась... Это она так считает. Не метнулась, а полностью разделяю его взгляды. Почему? Вот спросите меня, почему?

– Почему? – без всякого выражения спросила Софья Сергеевна.

– Потому что он – человек перспективы. Вера считает его хищником и дельцом, а я считаю, что он мыслит рационально. Подумаешь – делец! Это мы – чистоплюи, а он знает, чего хочет. Он делает то, что ему выгодно. Выгодно в хорошем смысле этого слова. Делает и живет в свое удовольствие. И выживет. А мы с нашим слюнявым благородством – подохнем, – глаза ее давно высохли. – Вот отсюда у нас с Верой конфликт. Она косится на его комбинации. А как иначе? От последней премии она даже не подумала отказать! А теперь ищет, как бы Протасенко укусить, и даже в личные дела его влезла! Пикантную тему для разговора нашла! А я, если он поможет ускорить защиту, в ножки ему поклонюсь. Вот так! – не вставая, нагнулась и кончиками пальцев тронула пол.

После этого возникла неловкая пауза. Верочка вдруг засуетилась.

– А давайте, Софья Сергеевна, я покажу, какой мы вам подарок принесли.

Сбегала в комнату и поставила на стол хрустальную вазу. Заглянула в глаза и спросила с мольбой в голосе:

– Нравится?

Софья Сергеевна смотрела невидящим взглядом, но головой кивнула. Надо было что-то говорить, благодарить за доброту и заботу, но слов не было. Она почему-то закашлялась и сквозь кашель попросила Верочку, чтобы та взяла ножницы, срезала несколько хризантем в саду и наполнила вазу водой.

Сияли золотом кудрявые головки хризантем, пускала радужные искры тяжелая, изрезанная традиционным орнаментом ваза. Софья Сергеевна смотрела на нее, смотрела, глаз не могла отвести. Неясно было, любитесь она недавно распутившимися цветами, или другие мысли, не связанные с богатым подарком нахлынули, и она никак не может с ними справиться: ни отогнать, ни высказать.

Да и что скажешь? Одно лишнее слово – вечер может не состояться. А зачем обижать хороших людей.

«Фарс получится из их затеи. Фарс. Фарс».

Не заметила, как вслух произнесла последнее слово.

– Что же мы сидим! – всполошилась Ольга Павловна. – Мы фарш не успеем приготовить.

Софья Сергеевна дико посмотрела на нее и ничего не ответила.

7

С чего это взяла Вера Алексеевна, будто Протасенко Николай Валентинович – хищник? Ему, человеку деловому, как было не входить в конфликты с коллегами! По службе он многих из них обошел. Он резко взял с места, да так и полез, так и полез в гору, и никто ему сверху для облегчения усилий веревок не кидал. Напротив, он помогал всем, кто просил о помощи, он всегда делал так, чтобы не только ему было хорошо, но и другим доставалось. Он и с Зайчиком точно так же хотел поступить, да вышло наперекосяк, и, как показали события, с Зайчиком Николаю Валентиновичу связываться не стоило.

Уже год как состоял заместителем Софьи Сергеевны товарищ Протасенко, уже у Михаила Потаповича успело сложиться о нем особое мнение, но своих соображений он никому не навязывал. Во-первых, никто не требовал от него отчета, во-вторых, не в его привычках было распространяться о своих симпатиях и антипатиях. С Николаем Валентиновичем держался строго официально, все задания его выполнял добросовестно, никаких трений между ними не намечалось.

Тот день не предвещал ничего особенного. Был, прошел и завершился пунцовым закатом. Он раскинулся веером перистых облаков на полнеба, окрасил одну из стен лаборатории в оранжевый цвет. Институт постепенно затихал. Где-то в отдалении хлопали двери, удалялись чьи-то шаги, умолкали разговоры. Михаил Потапович, не уложившись в срок, задержался возле стенда. Что-то там нужно было допаять, чтобы к утру все было готово для проведения опыта.

Вечерело. Оранжевая стена погасла, стала привычно холодной, белой. В лаборатории давно уже не осталось ни единой живой души кроме Николая Валентиновича. Он изредка шелестел бумагами и что-то быстро-быстро писал. Друг другу они не мешали. Зайчик даже забыл, что в комнате он не один и начал потихоньку насвистывать, но сразу перестал, потому что именно в этот момент Николай Валентинович приблизился к нему и стал рядом, заложив руки за спину. Зайчик метнул в него раздраженный взгляд. Не любил, когда кто-нибудь стоял над душой, хотя сказать ничего не сказал. Заговорил Протасенко.

– А что, Михаил Потапович, мы будем делать с этими резисторами? – спросил Николай Валентинович и небрежно махнул рукой на коробки, горкой составленные на полу.

– Что с ними делать, – отозвался Зайчик, – я сразу говорил, нам этот номинал не нужен. Сдадим на склад.

– Зачем на склад? Выписали уже, значит, надо было, – словно вслух с собой рассуждая, произнес Николай Валентинович и внимательно посмотрел на Михаила Потаповича. А Зайчик посмотрел на него и подумал: «Сейчас цепляться начнет: лишние номиналы, лишние номиналы! Шел бы ты домой, у меня работы по горло».

– Они не подходят туда, – оправдываясь, ткнул паяльником в сторону стенда.

– Кто об этом знает? – буркнул под нос Николай Валентинович и стал прогуливаться за спиной Зайчика.

Зайчик подумал: «Это что-то новенькое». А Николай Валентинович стал смотреть на подернутый пеплом закат за окном.

– Резисторы сдавать нельзя, – молвил он и внезапно глянул в упор на Михаила Потаповича. – Сколько там?

– Полторы тысячи, – недовольно отрапортовал Зайчик и заспешил, – я сам знаю, что нельзя сдавать. А что делать? Не вешать же их на шею?

– Продать можно, – тихо, но твердо сказал Николай Валентинович.

– Как это – продать? – не понял Зайчик.

– Очень просто. – Николаю Валентиновичу почудилось, что рыбка клюет. Уселся на край соседнего стола, покачивая ногой, стал отечески смотреть на Зайчика. «Чего уж там, – говорил его взгляд, – свои люди. Ты – мне, я – тебе».

Никогда раньше он не позволял себе такого с Мишей Не-Греми-Цепями. Он стал с ним говорить как с младшим по положению, но старшим по возрасту, вполне надежным товарищем.

– На проспекте Калинина есть электромагазин. Сходи и договорись. Естественно, что-то достанется продавцу, остальное нам, а в целом, польза лаборатории. – Он подобрал на столе скрепку, повертел ее, для чего-то выпрямил, отшвырнул, понизил голос до шепота, – сдадим резисторы – скандал поднимется. Шум. Зачем выписывали, зачем торопили, зачем с завскаладом в кабинете директора ругались!

Михаил Потапович отложил паяльник. Вытер лоб и щеки клетчатым носовым платком, потом не спеша, сложил его, в карман затолкал. Он понял.

– Значит так, иду в магазин, договариваюсь с продавцом, и он мне полторы тысячи штук налево гонит. Со скидкой. А скидка, поди, большая, процентов так сорок – пятьдесят.

Николай Валентинович ждал. Он был спокоен. И ситуацию со складом Миша сразу усек.

– Так, – продолжал Зайчик, – возьмем худшее – пятьдесят процентов. Это по сколько же нам останется? Слышь, шеф, вон машинка на столе стоит, таши сюда, посчитаем.

Николай Валентинович обалдело глянул в яростные глаза собеседника и увидел – сорвалось!

– Но-но, вы давайте тише на поворотах, – он вскочил с места, – вы мое предложение не извращайте. Это для пользы всей лаборатории!

– Для пользы? – Михаил Потапович тяжело сел на стул. – Для пользы четыреста пятьдесят рублей на двоих разделить? Или Софью Сергеевну мы тоже в долю возьмем?.. Вот что, сынок, я завтра резисторы сдам, а разговора этого между нами не было. Уразумел?

Николай Валентинович уразумел, больше никаких таких разговоров с Зайчиком не вел, и ругательски ругал самого себя за неосторожное поведение.

А Михаил Потапович мучился. «Как же так? Ну, ладно, продал бы я тебе резисторы. Кто есть я? Какой с меня спрос? Но ты же – Ученый! Мало тебе твоей зарплаты, мало тебе твоей должности и звания. Ты куда, не побрезговав, полез! Что же ты в следующий раз продавать нацелишься?»

И тут ушла Софья Сергеевна. Нехорошо ушла, с обидой на сердце. Не утай Зайчик разговор с Протасенко, может оно по-другому бы сложилось. Почему утайл? Слово дал: между нами останется. Или не надо было слово давать?

Зайчик пытался наедине с собой разыграть такую картину: вот он приходит к кому-то, неважно к кому, и докладывает: «Так, мол, и так, пытался Николай Валентинович впутать меня в грязное дело. Я, как честный человек...» и так далее, и тому подобное.

Зайчику становилось стыдно. За себя ли, за Протасенко – не поймешь. Вроде сам чист, а стыдно. Вроде бы тот, другой, нечист, – все равно стыдно. Ничего разобрать нельзя.

Как и предвидел Николай Валентинович, сданные на склад резисторы вызвали крупный скандал. Снабженцы насторожились, даже обыкновенную писчую бумагу стали выдавать с предварительными нравоучениями. Дошло до того, что однажды лаборантка Женечка Фетяскина пришла в комнату заплаканная и сказала, что ноги ее больше не будет на складе.

Николай Валентинович успокоил Женечку, сам отправился выяснять отношения. Выходя, успел послать Зайчику осуждающий взгляд: «Я же предупреждал!»

Он решительно и бесповоротно вычеркнул Мишу из списка своих сторонников, жизнь потекла, будто ничего не произошло. Позже обстоятельства сложились так, что если бы и захотел Зайчик обмолвиться с кем парой слов об этом деле, у него ничего бы не вышло. Авторитет лаборатории непомерно возрос в результате полезной деятельно-

сти Протасенко. На общем собрании похвалили, премия за полугодие была обеспечена. Бывший заместитель, а теперь без пяти минут начальник, сходу поставил дело на широкую ногу, такой успех и не снился Софье. В этой ситуации любое брюзжание воспринялось бы как элементарный подкоп и предвзятость. Да, еще не погас в памяти Зайчика неловкий вопрос, который он осмелился задать Софье Сергеевне незадолго до ее ухода.

– Ты боишься его, что ли? – показал он на спину Протасенко.

– Кого? – невинно спросила Софья Сергеевна и твердо посмотрела на Зайчика.

Он не стал уточнять. Какое он имел право вмешиваться в производственные отношения своего начальства!

Почему Зайчик мог так фамильярно обратиться к Софье Сергеевне, об этом в свое время, а пока о том, как он искал человека, который мог бы дать отпор Николаю Валентиновичу.

Неугомонный Зайчик! Он не мог смириться с тем, что новый начальник пребывает во славе, окруженный всеобщим уважением и даже почитанием. Он искал борца за справедливость и боялся признаться себе самому, что такого человека нет. Впрочем, кажется, был. Нечто юное, незрелое, иной раз возникало и топорило вопреки здравому смыслу. «Сева, Сева, – вздыхал Михаил Потапович, взлетишь ли ты, стригунок, хватит ли у тебя силенок?»

Но все-таки загадал Зайчик. Смешно, по-детски, наивно так загадал: пойдет Сева против Николая Валентиновича, когда и как это случится – неважно, но если пойдет – есть правда на свете. Ну, а если не пойдет, если смирится, значит, правды нет. Пусть все катится в тартарары, а сам Зайчик отправится в телеателье, будет там спокойно доживать оставшееся до пенсии время. Ждать не долго.

8

Усталое солнце зависло над крышами домов, во дворе у Булановых появились первые гости. Хлопотливые хозяйки с помощью мужчин выдвинули на середину комнаты стол, накрыли его белой скатертью, заставили вкусной едой – красота! Манит, притягивает взоры традиционное оливье в хрустальной салатнице, рядом колбаса, – нарезана тонкими лепестками; копченая рыба истекает янтарем, в центре – гвоздь программы – мясной пирог...

Глянули хозяйки на дело своих рук и сказали, что это хорошо.

Софья Сергеевна попросила перед началом минут десять отдыха. Дамы предложили было сделать ей прическу, но она заворчала: «Какая есть, такая есть», – и удалилась к себе.

Верочка и Ольга Павловна снимали передники, повесили их на гвоздик, вбитый в кухонную дверь, завертели перед зеркалом. Причесались, подмахнули тушью ресницы и из работниц кухни и метлы снова превратились в ученых дам.

Гостиная опустела, гости разбрелись по саду.

– Кого мы ждем? – не выдержал Михаил Потапович, плотно усаживаясь на скамью под кустом жасмина, где любила отдыхать после трудов праведных Софья Сергеевна.

Возле Зайчика пристроились Сева и Андрей Константинович, они продолжили свой разговор. Речь шла о путях развития общества в обстановке стремительно развивающегося технического прогресса.

Зайчик прислушивался краем уха, время от времени совершенно отвлекался от заумной, на его взгляд, темы, и снова задавал несколько потерявший остроту вопрос:

– Кого, собственно говоря, мы ждем?

Ждали директора института, ждали Николая Валентиновича. Они должны были явиться к семи.

– Еще полчаса, – вздохнул Михаил Потапович и забарабанил пальцами по спинке скамьи, бросив на нее руку.

Возле ученых дам гоголем ходил Загурский. Доносился из этой группы взрывной смех и грудной голос Верочки. О чем там беседовали, не было слышно, слова заглушал воробьиный гомон с вершины могучего древнего вяза, росшего за калиткой на улице.

Повеяло вечерней прохладой, и прохлада принесла с собой рокот автомобиля. Он заглох, стукнула калитка, и все обернулись ожидая, кто первым войдет во двор. То был Николай Валентинович. Следом за ним, чуть поодаль, женщина, и хотя в лаборатории ее никогда не видели, все сразу сориентировались – жена.

Некоторые были настолько удивлены ее появлению, что не сразу заметили еще одну очень странную деталь. Андрей Константинович на полуслове оборвал умный разговор и как замороженный направился встречать неожиданную гостью.

– Зина? Какими судьбами? – молвил он жене Протасенко и склонился над ее протянутой рукой.

Она не успела ответить. Тяжело ступая, на террасу вышла Софья Сергеевна в новом темно-зеленого цвета креплешинном платье.

– Зина? – тихо удивилась она. – Какой приятный сюрприз!

У Веры Алексеевны от такой неожиданности вытянулся носик. Иван Денисович Загурский криво усмехнулся и зашептал ей в ухо:

– Ай-я-яй, Верочка, нехорошо так явно проявлять необузданное любопытство.

Она рассеянно отмахнулась:

– Молчи, Загурский, молчи, здесь что-то неспроста, убей меня.

Еще об одном подумала, но вслух не сказала Вера. Она подумала, что где-то, когда-то уже встречалась с женой Протасенко, но где? Где? Терла лоб, и не могла вспомнить.

– Убивать женщину в преддверии роскошного ужина – это преступление, Вера, – снова согрел дыханием ее ухо Загурский. – Я думаю... О, а вот и главное начальство пожаловало... Позвольте мне, милая леди, быть сегодня вашим кавалером и осуществить торжественное сопровождение вашей персоны к столу.

Верочка расхохоталась. Ей польстила галантная тирада Загурского. Положила белую ручку с перламутровым маникюром на сгиб любезно подставленного локтя, и они двинулись по садовой дорожке мимо пышно зеленеющей яблони, мимо остающейся в одиночестве собаки Дони, прямо туда, где толпился народ и слышались нестройные восклицания, относящиеся к появлению директора института.

И вот настал миг! Гости входят в дом, весело рассаживаются. Мужчины озабоченно откупоривают бутылки, бережно наклоняют их над высокими фужерами, наливают дамам вино.

– Кому водочки? Водочки кому? – шумит Загурский.

Через некоторое время за столом устанавливается тишина и слышится одинокий голос, приятный баритон, специально предназначенный для высокого начальства. Это директор поднялся для приветственной речи. Остальные скромно потупились, будто взгрустнулось каждому.

– Товарищи! – так начал директор, – мы собрались сегодня в этом гостеприимном доме, чтобы...

«Во здравие, во здравие, Сергей Платонович!» – хотела крикнуть Софья Сергеевна, но сдержалась. Дернула плечами.

Сергей Платонович продолжал:

– Дорогая Софья Сергеевна! Сегодня мы можем с полным основанием говорить о том, что вы были в числе тех, кто, так сказать, создавал наш институт. Вклад, который вы внесли в общее дело, несоизмерим ни сорока пятью годами вашей научной деятельности, ни количеством опубликованных вами работ. А поскольку сейчас представился удобный момент, я хочу вспомнить одну историю, – он обвел веселыми глазами слушателей, понизил голос, и продолжил почти интимно, – дело было, когда мы с Софьей Сергеевной ездили в Англию. Уже после всех официальных мероприятий, как водится, был дан прощальный банкет. И вот один известный, можно сказать, выдающийся ученый с мировым именем, обратился к нашей Софье Сергеевне с тостом. Он говорил о русских женщинах с восторгом и, я бы сказал, с некоторым удивлением. Его восхищала точность их научной мысли, умение сконцентрироваться на главном, волевые качества. Но англичанина удивляла при этом способность Софьи Сергеевны оставаться женщиной и по-королевски сохранять чувство собственного достоинства. От себя добавлю,

слушать тогда все это мне было чрезвычайно приятно. – Он сделал небольшую паузу, затем продолжил, – Софья Сергеевна, я не совершу никакого, так сказать, прегрешения перед истиной, если скажу, что большинство из нас: и те, кто присутствует здесь, и те, кого нет за этим столом, мы... преклоняемся перед вашей неутомимой энергией, вашей верой в дело научного прогресса, перед вашими заслугами. Вы... – он долго перечислял заслуги и закончил традиционно: «я хочу выпить этот бокал за ваше здоровье. Я хочу пожелать вам долгих лет жизни и добавить одно... Я знаю, вы – человек скромный, не любитель долгих речей... Я хочу добавить одно: помните, Софья Сергеевна, мы не думаем прощаться с вами, мы всегда ждем вас в институте в качестве, так сказать, научного консультанта, в качестве бесценного советника и учителя. И последнее. Долгий труд должен быть вознагражден заслуженным отдыхом. Вы его заслужили. Пусть ваш отдых и вообще вся ваша дальнейшая жизнь будут заполнены только счастливыми днями. А теперь позвольте мне вручить вам этот памятный адрес...» – все зааплодировали, и он передал Софье Сергеевне красивую, пухлую, красного цвета папку с золотым тиснением, – ...а также месячный оклад и туристическую путевку по Волге. – Освободившись от конвертов, директор поднял бокал, – ваше здоровье!

Зазвенело. Кто не мог дотянуться до бокала виновницы торжества, подходил к ней, не ленился подняться с места, и она растроганно и серьезно выполняла положенный обряд.

Какой бы ни была официальной речь директора, Софья Сергеевна была польщена. Разумеется, насчет «консультанта и учителя» – слова, но... даже это можно принять, в конечном счете.

Заблестели глаза у гостей, потекли поздравления и тосты, короткие и длинные, удачные и неудачные. В общем шуме все воспринималось легко и весело. И многим стало казаться, что нет ничего лучше на свете, чем это застолье, эти обрывки легкомысленных разговоров и светлых воспоминаний.

Даже Сергей Платонович, человек недоступный на работе, шутил и смеялся вместе со всеми, и присутствие его нисколько не связывало языки подчиненных.

В какой-то момент веселый шум прервался. Поначалу даже не все поняли, отчего произошла заминка, а взгляды многих вдруг обратились в сторону Николая Валентиновича. Рука его с бутылкой вина дрогнула, на белой скатерти тут же появилось небольшое красное пятно. Протасенко растерялся.

– Ничего страшного! – крикнула сидевшая рядом с ним Ольга Павловна и незамедлительно засыпала пятно солью.

Николай Валентинович хмуро проследил за ее действиями и тяжело поднялся. Он понял, чего от него ждут. Бросил взгляд на Софью Сергеевну, почувствовал, как она напряглась, замерла, опустив глаза, слегка прокашлялся, и как это не представлялось трудным, практически невозможным, заговорил.

Он говорил банальные, казенные слова. За что-то благодарил бывшую начальницу, что-то всеми давно забытое вспоминал. Ему самому было противно и стыдно, но почему-то речь лилась помимо его воли, и, что самое страшное, он никак не мог остановиться. Под конец смешался, спутался, Софью Сергеевну назвал почему-то Софьей Андреевной, вызвав тем самым веселый блеск в озорных глазах Верочки, покраснел и плюхнулся на место, не осмелившись протянуть через стол свой бокал.

Все сделали вид, будто ничего не заметили, загладели веселей прежнего, встретили восторженными криками блюдо с дымящимися кусками мяса, картошкой фри и аккуратными белыми головками цветной капусты.

Зинаида Федоровна пригубила из своего бокала и отставила его в сторону. Грустно покачала головой, когда Андрей Константинович попенял ей за это.

– Зина! Зина! – крикнула с другого конца стола Софья Сергеевна, – вы совершенно ничего не едите. Товарищи, передайте ей этот салат! Зина, уверяю вас, это необычайно вкусно.

Зинаида Федоровна с растерянной улыбкой смотрела, как кладут ей на тарелку салат.

Что ей нужно было здесь, в совершенно чужой и несоответствующей ее настроению обстановке? Сама напросилась, сама уговорила Николая, зажав в кулачок гордость. Нарядилась в шумящее шелком платье, надушилась, немного переборщила с косметикой – сильно подвела глаза, покрасила губы слишком яркой помадой, а теперь в ожидании своего часа ежилась и робко оглядывалась по сторонам.

9

Год назад, не имея к тому никаких видимых оснований, Зинаида Федоровна Протасенко внезапно почувствовала, что ее семейная жизнь висит на волоске. Встревожилась, заметалась. Что делать? Устроить сцену, завалиться с сердечным припадком, призвать к ответу? Бесполезно. Она знала, Николай Валентинович изобразит на лице легкое недоумение, пожмет плечами, и конеш.

Тезис о том, что «жена узнает последней», был известен Зинаиде Федоровне, и она положила, во что бы то ни стало, отыскать людей более, чем она, осведомленных. Выйти на таких людей было непросто, но случай ей помог.

В тот день разгулялся дождь, будто взял обязательство затопить не только город, но и весь остальной мир. Земля перестала впитывать влагу, вода стремилась широкими рукавами по асфальту, разливалась ручьями в проулках. Ручьи разбегались по дворам, там стояли прудами на детских площадках.

Зинаида Федоровна шла на стоянку маршрутного такси. Обходила лужи, перешагивала через ручейки, шарахалась от пролетающих в веерах брызг автомобилей. На остановке очередь. Встала за двумя женщинами. В иное время сразу бы отметила, что женщины весьма респектабельны и обладают вкусом к хорошей одежде, но сейчас ей было не до этого. «Все прошу, – думала она о муже, – лишь бы обошлось. Что там у него, что?»

Сердце не давало ответа. Было безразлично, прекратится или не прекратится дождь, она даже была благодарна ненастью – оно заставило людей заслониться от нее зонтиками. Именно такой зонтик находился сейчас прямо перед ее лицом, и она с каким-то тупым упорством разглядывала пестрый его рисунок.

Неожиданно одна из стоящих впереди дам назвала фамилию Протасенко. Зинаида Федоровна вздрогнула, сдвинулась чуть в сторону, чтобы лучше разглядеть говорившую, но из этого ничего не вышло – по-прежнему мешал зонтик.

Тогда сморщившись, как от зубной боли, и почему-то зная наперед, что речь идет именно о том, о ее Протасенко, она вернулась на место и стала ловить каждое слово.

Эти две говорили вполголоса. Одна перемывала косточки бедного Николая Валентиновича – он, де, карьерист, каких мало, и делец, и в довершение любовницей обзавелся, такой пантерой, что добром для семьи эта связь не кончится. Другая ей подпевала: «Как они смеют в нашем присутствии! Эти взгляды... эти улыбочки... Мерзость! Мерзость!»

Стояла и слушала случайный разговор Зинаида Федоровна, и, казалось, с нее живьем сдирают кожу. О-о, как ей было больно, как хотелось закричать: да замолчите вы, будьте вы прокляты! Но она ничем не выдала своего присутствия, своей заинтересованности.

Она обязана была увидеть, непременно увидеть, знает она в лицо этих женщин или не знает. Кто они, что так запросто, коротая минуты ожидания, разбивали ее сердце, отнимали надежду. Она же тлела, тлела, надежда!

Зинаида Федоровна сделала вид, будто оступилась, и как бы стремясь удержать равновесие шаркнула ногой по воде на асфальте. Брызги разлетелись в разные стороны. Несколько холодных капель попало на чулок той, что стояла ближе. Зонтик приподнялся, из-под него глянули два удивленных, но совершенно незнакомых глаза. Зинаида Федоровна стала извиняться, но тут подкатила маршрутка, дамы засуетились, захлопнули зонтики, погрузились в числе последних пассажиров и уехали. Через двадцать минут и Зинаида Федоровна дождалась своей очереди.

Дома никого не было. Муж, как обычно в последнее время, еще не пришел с работы, сын в тот день ночевал у бабушки. Она выгрузила на кухне сумку, прошла в ванную

комнату, открыла краны. Скоро вода набежала, она быстренько разделась, полезла отпариваться, чтобы унять разгулявшуюся дрожь. Слез не было. А как они были нужны, как нужны были слезы, чтобы глубже ошутить обиду, тоску смертную, жалкую, бабью.

Позже, когда она забралась под одеяло, навалившееся на нее душной тяжестью, пришло решение – бежать! Схватить сына в охапку и бежать из поруганного дома, бежать от позора и смрада. Да, да, да, уехать в другой город, никого не зная, не видя. Он... он пусть остается со своей...

Она откинула одеяло. Воспаленные глаза забегали по вещам. Что она может увезти отсюда, чтобы начать новую жизнь не с нуля, а хоть с каким-то заделом? Ужас, на ее долю оставались только тряпки, только то, что можно завернуть и затолкать в чемодан. Смешно, разве можно забрать, убегая, эту мебель, эти ковры, эти вазы?

Тогда она подумала: «С какой стати!» С какой стати она собирается сдавать позиции. С какой стати она и сын всю оставшуюся жизнь, не имея ни кола, ни двора, будут скитаться по частным квартирам! Ребенку нужен свет, нужен дом, тепло.

Николай Валентинович проявит благородство, швырнет ей без суда и следствия алименты, а эти вещи, эти подобранные в тон гарнитуры, этот тщательно ухоженный быт, будет служить не ей.

Получается что-то несусветное: она всю жизнь посвятила семье, бросила учебу ради любимого мужа, устраивала, создавала, строила, а теперь ей же убираться в небытие, чтобы кто-то другой взял отсюда высокий старт. А само положение брошенной жены? За что? Разве не она предупреждала его малейшую прихоть!

«Ну, нет!» – скрипнула зубами Зинаида Федоровна и опустила ноги на пушистый ковер палевых и горчичных цветов. Протянула руку и нащупала теплый домашний халат. Пошарила ногой возле кровати и сунула узкие ступни в меховые тапочки. Нет, нельзя было отдавать мужа и дом другой женщине. Зинаида Федоровна стала разрабатывать стратегию.

Она заходила по комнате, потом спохватилась, опустила тяжелую занавесь на окне. Дернула шелковый шнур – из матовой чаши торшера полился золотой, очень ясный свет. В голове Зинаиды Федоровны стал рождаться вполне определенный план.

Первое. О том, что ей довелось сегодня узнать, она Николаю ни слова не скажет. Она продолжит роль ничего не ведающей жены, а сама потихоньку, как мышь, станет следить за каждым его шагом. Она соберет на разгулявшегося муженька такой материал, такое досье... Она помнит, он всегда говорил: «Я человек науки, а следовательно, человек факта». Вот она ему и подаст на тарелочке... факты.

Второе. Он привязан к сыну. Что бы там ни было, какой бы ни завязался у Коли роман... Роман! Зинаида Федоровна чуть не произнесла вслух гадкое слово. Так вот, сын. Сын станет ее защитой. Нет, не защитой – шитом. Она поставит сына впереди себя и станет поворачивать его именно в ту сторону, откуда ей ждать угрозы. Она перетянет мужа на свою сторону рукой сына.

Третье. Третье... Ничего больше в голову не приходило, кроме того, что сдавать позиции она не намерена.

И она размахнулась! Борьба! Борьба не на жизнь, а на смерть. Да любая женщина, любая, любая, какая ни есть на земле, встала бы на ее сторону! Нашлись близкие подруги, кому она поведала свою беду, свое горе. Ей массу ценных советов надавали. Квартиру, дом, где жила «та», она могла бы теперь найти с закрытыми глазами. Иногда приходила в магазин, что стоял наискосок от ненавистного жилища, наблюдала сквозь витринное стекло, как эти двое, безнаказанные, раскованные, весело болтают о своем, скрываются во дворе. Тогда она выскакивала на улицу, перебежала дорогу, ныряла во двор и успевала увидеть, как дверь на сильной пружине с размаху хлопает им вслед, словно сообщница.

Пиковую даму она узнала сразу. Как! Та самая? Прелестная застенчивая девочка, фея, с безупречным английским произношением! Как весело она шептала в ее доме о том, о сем за чашечкой кофе после урока с Антошей, с какой скромностью принимала ласковые комплименты Зинаиды Федоровны. С какой трогательной заботой учила мальчика, как терпеливо сносила его капризы и лень.

Познав, кто ее враг, она забеспокоилась. Правильно говорила дама на остановке – пантера. Зинаида Федоровна прекратила слежку – занялась делом.

Капля по капле она собрала столько сведений о муже, что казалось, всего этого хватит, чтобы держать его в узде до скончания века, но ей было мало. Она терпеливо ждала часа, когда сможет выйти из засады и предъявить счет.

Тысячу раз она представляла себе эту сладостную минуту. Вот она тычет в физиономию растерявшегося Николая свои записи, вот она требует оправданий. Тебе факты? На, на тебе факты! Она не боялась риска. Она знала его характер. Знала, он разгневется, закричит, в высшей степени оскорбленный, затопает ногами. И только. И только. Знала, Николай Протасенко никогда не сделает шага в сторону, где есть хоть малейшая неясность, «туманец», по его собственному любимому выражению.

Что там было в досье? Естественно, встречи с пантерой. По датам. И раньше, и раньше, с другими, ох, слепа была Зинаида Федоровна. Незначительные эпизоды, их можно бы и не упоминать, но теперь все шло в общий котел.

Неясности с деньгами. К примеру, в правом кармане мужниного пиджака обнаружилась расписка о погашении долга в пятьсот рублей в кассу взаимопомощи института, а из семейного бюджета эти деньги изъяты не были, он всю зарплату до последней копейки приносил домой.

Зинаида Федоровна следствие вела профессионально. Вечерами, когда она твердо знала, что Коля «на совещании или в командировке» (он по-прежнему держал ее за дурочку), рылась в его бумагах. Просеивала каждый листок, каждую карандашную пометку с тщательностью археолога, уверенно стоящего на пороге открытия. Действия его замедлены, в пальцах сжат тонкий, самый нежный инструмент, дыхание приостановлено.

Прибегал Антоша, она нежно целовала его волосы, отправляла играть в детскую. Она торопилась, время работало против нее.

Однажды обнаружила несколько разрозненных листков бумаги. Два из них были отпечатаны на машинке и кем-то исчерканы карандашными пометками, один переписан с какого-то документа самим Николаем Валентиновичем.

Сердце Зинаиды Федоровны глухо тукнуло, строки на миг потеряли ясность. Переписанное от руки было копией, снятой с письма заместителя директора института по хозяйственной части в народный контроль. Это был документ, оправдывающий действия Протасенко Н. В. Какой-то прибор он приказал пустить на запасные части для нужд лаборатории, тогда как по закону его следовало передать в другое ведомство. Что за прибор и что за ведомство Зинаида Федоровна толком не поняла, но теперь можно было бы спросить Николая Валентиновича, действительно ли он использовал детали для лаборатории или пустил их налево. Скорее всего, налево, это объясняло карманные излишки в сумме (ничего себе!) двойного оклада. Но письмо подписал заместитель директора, и в этом тоже была определенная неясность.

Зинаида Федоровна хотела его отложить, потом вновь поднесла к глазам, внимательно прочла, задумалась. В сущности, дело не стоило выведенного яйца. Подумаешь, прибор, какая с него особая прибыль! Но что, если это только видимая часть айсберга? Она обвела глазами комнату и вдруг почувствовала, что стоит на пороге какого-то открытия, откровения, и оно, не вполне осознанное, грозит неприятностями не только ему, но и ей, вознамерься она хоть кому-то шепнуть словечко.

Внезапно ее бросило в жар. Даже лоб покрылся испариной. Вот оно! Слишком частые командировки «в поле»! Простая и практически не поддающаяся учету кормушка для Николая Валентиновича, уж он-то знал, как попользоваться выделенными на исследования деньгами. Там, вдали от института, от того же народного контроля, в его распоряжении машины, бензин, полевые, командировочные. Наконец, временные рабочие! Там можно накрутить все, что угодно!

Да, но с каким удовольствием она брала в семейный бюджет привозимые из командировок деньги! Зинаида Федоровна откинула голову на спинку кресла и посидела так некоторое время, стараясь успокоиться. Затем потянулась к следующему документу.

Разрозненные листки оказались черновиком письма Н. В. Протасенко по поводу последнего отчета, выполненного под руководством Софьи Сергеевны.

Мысли тов. Протасенко излагал последовательно и конкретно. И вывод: «Предложенные разработки хотя и представляют некоторый научный интерес, однако требуют при их внедрении дополнительного финансирования, что на данном этапе развития народного хозяйства является неэффективным и может привести к неоправданному разбазариванию государственных средств». Выяснить, кому предназначалось письмо, Зинаида Федоровна не смогла, черновик был безадресным, но для Софьи Сергеевны это было убийственно. А еще в конце письма была приписка почти хулиганская: «Вот и песенке конец, кто печатал, тот молодец» – и дата – ноябрь прошлого года. Почерк был знаком. Зиночка порылась в собственных бумагах и таки нашла давнюю записку Жанны Дергач с просьбой перенести урок на другой день. По какой-то нелепой случайности она сохранилась. Почерки даже сличать не пришлось, все было ясно.

«Горячо, горячо», – прошептала Зинаида Федоровна и аккуратно переписала в свою тетрадь оба письма. Подлинники положила на место, как было у Николая Валентиновича.

Из разговора с мужем она знала, что работа Софьи Сергеевны получила плохой отзыв. Кстати, о письме-доносе он никогда не обмолвился ни словом. Зинаида Федоровна сопоставила свое открытие с давними неясными намеками мужа на неуклонно падающие акции Софьи Сергеевны.

Николай Валентинович говорил с женой крайне осторожно, но при этом суетливо махал руками, сетовал на возраст, лишивший доктора наук Буланову возможности работать на прежнем уровне, когда-то очень высоком. И что-то еще в таком же духе, сочувственным тоном.

Все встало на место. Какая же она была слепая, Зинаида Федоровна! Именно тогда, во времена тонких намеков на старость Софьи Сергеевны, ей бы, Зине, не молчать, не кивать согласно головой, а заступиться, вникнуть, помочь человеку. Ведь она всегда любила и помнила Софью, и никогда не хотела ей зла. Мир тесен. Их знакомство было давним. Голоногой девчонкой Зина часто бегала в гости к соседям, таскала с грядки клубнику, а после оправдывалась, она-де не хотела, а ягоды сами прыгнули ей в рот. Софья Сергеевна, притворно сердясь, грозила длинным пальцем и в наказание отправляла легкую, как перышко, Зинку на самый верх дерева за оставшимися переспелыми яблоками.

Приходил из школы Андрей. Они усаживались втроем на скрипучей террасе, ели яблоки. Зинка жмурилась на солнце, поддразнивала серьезного мальчика, он не умел так ловко влезать на деревья.

Потом они выросли, стали бегать в кино на вечерние сеансы, что строжайше запрещалось как одному, так и другому, целовались возле Зинкиного дома перед расставанием.

Еще через пару лет Зина вместе с родителями переехала в другой район города. Связи не прервались, но стали не такими тесными. Потом она поступила в институт, и дорогу ее пересек однокурсник – великолепный Протасенко. И уже через много-много лет судьба заново столкнула ее с Булановыми, но уже в другом качестве. Действительно, тесен мир. Николай Валентинович стал заместителем Софьи Сергеевны.

10

Праздничный ужин был в разгаре. Но Зинаида Федоровна почти не принимала в нем участия. Неожиданная встреча поразила ее. Обе дамочки, те, с остановки маршрутного такси, так врезавшиеся в память, сидели напротив и, либо действительно не узнали, либо искусно притворялись, будто им незнакомо ее лицо.

Ольга Павловна оживленно говорила со своими соседями. Тема показалась интересной, остальные стали прислушиваться, о чем она шебечет, показывая в улыбке мелкие, но очень ровные зубки.

– Совсем недавно, – повествовала Ольга Павловна, – мне попался в руки журнал мод. Журнал как журнал, самый обыкновенный, но вот на последней странице – статья. Мне она показалась крайне любопытной! Знаете, о чем? О том, как одевались женщины

Древнего Рима. Что примечательно: мы, при всех наших достижениях, до сих пор не знаем секрета многих римских причесок. Как вам это нравится? Их косметика – это что-то умопомрачительное! Наши хваленые современные косметические средства в подметки не годятся тому, что знали тогда. Вот представьте себе: одна дама, очень знатная, жена...

– Крупного специалиста, – подсказал Загурский.

– Цезаря, – мило улыбнулась Ольга Павловна, оценив подсказку. – Так вот: эта дама имела обыкновение принимать ванны из молока ослиц.

– Сколько же нужно ослиц, чтобы искупать одну даму? – повел головой Михаил Потапович и опасливо огляделся по сторонам.

Грянул хохот.

– Несколько сотен, – услужливо ответила Ольга Павловна. – Но это, как говорится, предисловие, слушайте дальше, – лицо рассказчицы стало таинственным. – Муж отправляется в поход. Война там и всякое такое. Жена, естественно, при нем. Но! Следом за войском гонят стадо. Разве может она прерывать свои ванны? Вот это, я понимаю, жизнь. Роскошь, вкус, красота! Что еще нужно для женщины, скажите мне откровенно?

Андрей Константинович внимательно смотрел на нее. Ольга Павловна так и зашлась мелким смешком, отчего тряслись ее плечи.

– Вы... не знаете, быть может, одной маленькой детали...

– Какой? – весело повернулась к Андрею Ольга Павловна.

– Эти римляне, простите, они вымерли.

– То есть как это – вымерли? От ослиного молока, что ли? – Ольга Павловна призвала всех посмеяться над репликой сына Софьи Сергеевны.

– Причем там молоко! Они вымерли от такой жизни. Они потеряли способность к выживанию. К примеру, ради сохранения фигуры женщины перестали рожать, а еще...

– Положим, вымерли они по другой причине, – бросил фразу Николай Валентинович, – насколько я осведомлен, древний Рим пал по милости варваров. Варвары их попросту истребили.

– Ах, боже мой! – восторженно вскричала Ольга Павловна. Ее тема оказалась в центре внимания, и ей это страшно льстило. – Варвары – не варвары! Они шикарно жили, они были материалистами, и прекрасно понимали, что человек живет на земле только раз. Вымерли! Истребили! Рано или поздно гибель любой цивилизации неизбежна. О-о-о, римлянки знали, чего хотят. Каждая морщинка воспринималась как трагедия. А мы? Вы посмотрите на нас. Я думаю, к тем ослицам относились лучше, чем к нам. Да я вам скажу с полной откровенностью: половину жизни отдала бы я за то, чтобы пожить вот так, не зная, ни забот, ни хлопот. И это еще надо посмотреть, от какой жизни скорей вымирают.

И она самодовольно откинулась на спинку стула.

– Речь идет не об отдельном человеке, Ольга Павловна, речь идет о нации...

– Андрей Константинович, оставьте, пожалуйста! Вы углубляетесь в такие возвышенные материи, – она легонько пробежалась по столу пальчиками, будто перебрала невидимые клавиши, – нам, технарям, это недоступно, это теория, – снова откинулась на стуле и пренебрежительно махнула ручкой в сторону оппонента, – а практика показывает другое. Каждая женщина мечтает пожить так, как ей хочется. И ради всего святого, не обременяйте ее заботами о судьбах человечества. Иначе, – она лукаво покачала головой, – вым-рем!

– Друзья мои, друзья мои! – Загурскому не терпелось высказаться. – Вы напомнили мне один анекдот! К случаю. Позвольте доложить.

– Загурский! – предостерегающе насупилась Верочка.

Но он приложил ладонь к сердцу и заверил честную компанию, что анекдот его будет совершенно безобидным.

– Инженер опоздал на работу, – начал он, – на два часа. Директор спрашивает: «Вы почему опоздали?» Тот отвечает: «Понимаете, жена утром потеряла десять рублей». «Ну и что?» «Вот она и искала их». «А вы что, помогали искать?» «Нет, я на них стоял».

После анекдота Загурского, после отзвучавшего прохладного смеха, интерес к спору Андрея Константиновича с Ольгой Павловной угас. Андрей наклонился к сидевшей возле него Зине, стал задавать привычные вопросы о жизни, но она беззвучно шепнула:

– Потом. Потом.

С места поднялся Зайчик. Разгладил воображаемые усы, а кругом одобрительно закричали:

– Тост! Тост! Давай тост, Потапыч!

– Мой тост будет коротким, – начал он, – я приготовил, было, другой, с перечислением заслуг, с пожеланиями, но об этом так много говорили, что не стоит повторяться. Я полностью присоединяюсь к сказанному выше.

– А говори – короткий тост! – протестуя перебил Сева.

– Я еще не начинал, – задиристо остановил его Зайчик. – Вот мой тост: «Короля делает свита» – написано, не помню у кого, кажется, у самого Вильяма Шекспира. Я думаю, с полным основанием это можно отнести и к королеве, – услышав нарастающий гул, он понял, что тост удался и торжественно закончил, – пьем за королеву и ее свиту!

Зинаида Федоровна хоть и посмеялась вместе со всеми, но обратила внимание, что «королева» смотрит на Зайчика пристально, словно хочет проверить, от чистого сердца он говорил или с прищелом, с особым, но пока неясным смыслом.

Официальная часть быстро увядала. Мужчины ослабили тугие узлы галстуков, разговор начинал было скатываться к производственным темам, что неизбежно случается, когда за столом собирается десяток людей одной профессии, но почему-то вдруг уходил в сторону. Говорили о чем-то незначительном, постороннем, и никому не было дела до Николая Валентиновича. Он сидел несколько в стороне, у края стола, и, скуки ради, а ему было определено скучно, подливал и подливал себе коньячок, и цедил потихоньку рюмку за рюмкой. Он и не заметил, как слегка осоловел, как отяжелели, налились кровью его веки. Угрюмым, пристальным взглядом посматривал он на жену, но она делала вид, будто не замечает его состояния.

Курильщики, спросив разрешения, схватились за сигареты. Потянулись к потолку струйки дыма, слились в облачко. Оно, медленно наклоняясь одним сизым крылом, поплыло к открытому настежь окну на улице. За окном в палисаднике о чем-то своем шептались невидимые кусты давно сбросившей цвет сирени, тянуло холодком, и ничто не нарушало покоя опустевшей улицы.

11

«Наши застолья все на одно лицо. Для затравки, как положено, произнесут подходящую случаю речь. Или заковыристый тост, иногда в стихотворной форме. Позже, когда языки развяжутся, найдется остряк – солоноватый анекдот подпустит и насмешит присутствующих до икоты. Потом, глядишь, кто-то в рассуждения о внешней политике ударится, и пошло, поехало, вплоть до выяснения причин падения Древнего Рима.

Если вдуматься хорошенько, кому он нужен, Древний-то Рим? Это ж когда было! Так нет, такой сыр-бор затеется, только держись. Тут тебе и варвары и цезари...

На самом деле, как ни крути, ни верти, человек всегда остается человеком, свое дыхание ему дороже всего. Разве важно знать, как там сидящая в молочной ванне матрона взаимодействует с историей, и какие последствия в результате этого взаимодействия получаются? Да, скорее всего, нет его вовсе, взаимодействия, наше существование – сплошной хаос. Сумеешь вынырнуть, подняться наверх – твоя взяла. Не сумеешь, ну и грош тебе цена», – так рассуждала Зинаида Федоровна, когда выбиралась из-за стола следом за Андреем Константиновичем.

О политике и впрямь заговорили: гадали, когда закончится война в Афганистане, в связи с этой больной темой вспомнили Олимпиаду, об отношениях с Америкой...

Загурскому до политики дела нет. Загурский как фокусник из рукава сыплет анекдоты. Верочка сидит возле него, кулачком подперлась, рот искривлен в снисходительной улыбке. Нет, на волю, на волю!

И вот он – воздух! Ах, как дышится, ах, как свежо! За ворот, под легкий шелк отлично сшитого платья пробирается холодок и бежит по телу мурашками.

На террасе полумрак. Лампочку здесь не зажгли, но из окна и застекленной двери в гостиную легли на пол светлые пятна. И тихо. Шум из комнат слегка доносится, но приглушенный, неразборчивый.

– Посидим здесь, Зина. Если хочешь, я могу зажечь свет.

Он сел, но она не стала садиться.

– Не нужно света, – проговорила тихо и стала рядом.

Лица Андрея она разглядеть не могла, оно светлело неясным пятном в полумраке.

– Скажи, – Зинаида Федоровна оглядела темный сад, – а куда подевалась яблоня? Неужели высохла?

– Зачем же высохла? Вон она, за теми кустами.

– Да, да, верно. А мне почему-то казалось, что она росла ближе к дому.

Видно было, что о яблоне спросила просто так, лишь бы начать разговор. Чувствовала, что Андрей присматривается к ней, изучает. Бросает взгляд в те мгновения, когда она озирается по сторонам, вспоминая давно забытую обстановку.

– У вас, – сказала она, наконец, – ничего не изменилось. Только заросли стали гуще. Тот же дом. И даже этот столб, каким был, таким и остался, точно так же подпирает крышу. Вот я стою возле него, и мне кажется, что это не сейчас я стою, а тогда, и что никакого провала во времени не было. А?

– Нет, Зина, время ушло. И столб другой. Его заменили три года назад, а то терраса грозила обвалиться. Здесь многое изменилось. Столько лет прошло. Ты лучше расскажи, как живешь, – он повернулся в ее сторону.

Теперь она могла лучше рассмотреть его лицо. Сумрак скрыл отметины времени, но упрямая прядь волос, как прежде, падала на лоб, он небрежным привычным жестом убирал ее на место.

Внезапно Зинаиду Федоровну охватила такая слабость, такая жалость к себе, – чуть слезы не брызнули из глаз, но она не позволила им пролиться. Зажмурилась, трянула головой, потом открыла глаза и улыбнулась ртом. Низко наклонилась к перилам террасы и для чего-то потрогала лежавший на них точильный брусок.

– Андрей, ты прости меня, но ответь на один вопрос. Ты не обидишься, а? Ты скажи... скажи, почему ты до сих пор не женился? Я чувствую себя виноватой, честное слово.

Он тихо засмеялся, для чего-то подергал ее за рукавчик.

– Ты чудачка. Нет, ты ни в чем не виновата. Просто не получается пока. Да ведь еще не поздно. Как ты думаешь?

Ей стало досадно. Как чувствовала, что ответит именно так, уильнет. И снова жалость к себе поднялась горячей волной от сердца и ударила в голову. Неужели именно здесь, в этом доме, в этом саду, проворонила она свое счастье?

– Ты лучше расскажи, – продолжал он, – сама как живешь. Не отстану, пока не расскажешь.

– Плохо живу, – неподвижно и мрачно уставилась она в темноту невидящим взглядом, – так плохо, что не приведи Бог никому так жить. Есть еще вопросы, Андрей Константинович?

Батюшки, откуда такая ярость? Он опешил от неожиданного наскока. Он-то причем? Он виноват, что ли?

Она не стала ждать, пока он раскачается и ответит, заторопилась.

– Ты мой друг, ты очень большой мой друг. Вот можешь ли ты честно сказать все, что думаешь об этом человеке, – она повела головой на освещенное окно, – о Николае, о моем муже? Можешь сказать, а?

Он удивленно глянул, ничего не ответил, и ее голос внезапно сел. Пришлось слегка прокашляться, прочистить горло.

– Почему ты молчишь?

– Соображаю, как бы смягчить ответ.

– Я привыкла к жестким ответам.

– Видишь ли, Зина, будь мы с тобой малознакомые люди, я бы не стал думать. Но в данной ситуации приходится. Я не знаю, какова твоя цель, но ты поставила меня... прости, пожалуйста, за грубость... в совершенно идиотское положение. Неужели ты не понимаешь? С какой радости я должен говорить с тобой о твоём муже?

– Верно, верно, ты абсолютно прав, – она стиснула руки, будто хотела раздавить орех, – но что, если вся моя дальнейшая жизнь зависит от твоего мнения... Я буду предельно откровенна, – она просительно заглянула ему в глаза, – я все помню про нас с тобой, Андрюша... Ах, не то. Я запуталась. Я... я... Помоги мне разобраться в нём, в себе.

И все-таки она водила его за нос. Ни в каком разбирательстве она не нуждалась. Все было гораздо проще. Наверняка и он, и Софья Сергеевна не раз говорили между собой о Протасенко, они не могли не говорить о нём.

Андрей Константинович отвернулся, затем отошел от нее и стал медленно шагать по террасе. Скрипнули разошедшие половицы. Он остановился напротив закрытого окна в гостиную, постоял, посмотрел, что делается за столом. Там о чем-то говорили, передавали друг другу тарелки с едой, подносили к губам бокалы. Потом он вернулся к Зине.

– Не понимаю, зачем тебе это понадобилось. Разобраться в нём... Но я совершенно не знаю твоего Николая Валентиновича.

– Все ты знаешь, не притворяйся. Ты же умный, умный... давай-ка сядем, – она почти силком усадила его на расшатанный стул, сама пристроилась напротив, на крышке сундука, – говори!

Он заметил, как дрогнули ее руки, напряглось лицо, и растерялся.

– Да что я могу сказать! Так, общие впечатления, со слов мамы...

– Вот-вот...

– Хорошо, скажу со слов мамы... – ему не хотелось быть грубым, он изо всех сил сдерживал себя, – он хороший специалист. Трудолюбив. Мошная хватка. Ты же знаешь, мама судит о людях только по одному признаку – насколько человек пригоден к работе. А мое впечатление... Знаешь, по-моему он принадлежит к типу людей совершенно новой формации. И он не одинок, а... – Андрей Константинович сделал движение, словно хотел взять в руки что-то большое, круглое, – это такое, знаешь, странное и неожиданное явление в нашем обществе... Черт знает, когда они вылупились из эмбрионального состояния. И у нас на работе такие есть, ты уж прости, я обобщу. Прульные. Так про них говорят. Но тяжелой работы они не боятся. Тянутся друг к другу – это их общий стиль. Поначалу они показались мне интересными. А потом я понял, – у них маленькие и вполне достижимые идеалы: карьера, машина, квартира, дача – вот и вся любовь. Я когда разглядел их, мне их жалко стало. Честно тебе говорю – совершенно несчастные люди. И потом их могут легко использовать.

– Кто?

– Те, кто сильнее, те, кто наверху. Они нужны, понимаешь, нужны.

– Не понимаю.

– Поясню. За тем столом, – он слегка повернул голову и кивком показал на окно, – сидят люди, убежденные, будто твой Протасенко, как теперь модно выражаться, «съел» своего начальника – Софью Сергеевну. Но это не совсем так. Доктор наук Буланова стала неугодной кому-то другому, где-то там, в главке. А Николай Валентинович вовремя подвернулся и сделал все, как надо. Он думает, что при этом свою игру сыграл, а на самом деле чужую. – Андрей Константинович внезапно опомнился. – Ты чего? Да ты вся дрожишь, – он болезненно сморщился, – я увлекся, прости.

– Увлекся, увлекся. Лекцию прочел, спасибо. Он изменяет мне, понял?

– Это как? – Андрея Константиновича словно с небес на землю сдернули.

– Как! Как! Очень просто. Нет у меня больше семьи, кончено. А ты мне про формации, про тенденции...

– Но ты же сама начала этот разговор!

– Ты же, ты же! Вот и все, – опустила лицо в ладони Зина.

Он наклонился к ней.

– Ты плачешь?

– Какая тебе разница. Я думала, ты захочешь помочь. Скверна, скверна кругом. Куда от нее? Никого рядом. Пустота.

Она зябко скрестила руки, обхватила плечи, потом отвернулась, а он робко дотронулся до ее руки.

– Так ты уйди, Зина, оставь, если скверна. Теперь я тебя понимаю. Понимаю. – Он полез в карман за сигаретами.

– Много ты понимаешь. «Оставь, уйди». С какой стати! – поджав губы, она упрямо уставилась в темноту.

Ни о чем не спрашивая, он достал для нее из пачки сигарету и даже помял, чтобы легкой была затяжка. Вскочил, отыскал на перилах старый коробок спичек, стал чиркать, но спички одна за другой ломались, он со злостью бросал их на пол. Наконец, огонек вспыхнул, озарил ее лицо с застывшим выражением безысходности. Закурила, вскинула голову, будто ее взнуздали.

– Куда я пойду? А сын? Почему я должна калечить ему жизнь? Сейчас у него есть отец, и вдруг окажется, что отца нет. Как я могу пойти на такое?

– Ты задала слишком много вопросов, Зина.

– А это вопросы риторические. Один у меня вопрос – что делать? Не подскажешь?

«Чтоб тебя!» – рассердился Андрей Константинович. К нему, не к кому-то другому приползла с перебитым хребтом. Ему в свое время она перебить хребет не побоялась. Он помнит, не забыть вовек, как она советовалась с ним – выходить ей или не выходить замуж. А он ей советы давал. Эх, Зина!

Что делать? Как помочь? Предложить руку и сердце? Совершенно свободную руку и совершенно свободное сердце. Уж не за этим ли прибежала? Нет. Он отогнал эту мысль.

– В профком что ли обратиться, – пробормотала она.

– А вот это уже совсем глупо. Ты еще встань нагишом перед всем честным народом. Пускай тебе какая-нибудь любительница до сплетен поможет собрать компромат...

– А мне помощники не нужны. Зачем? Компромат у меня есть. У меня есть такое... Хочешь, покажу, а? Хочешь, покажу одно письмо? Именно из-за него Софья Сергеевна оказалась не у дел. И именно Протасенко написал это письмо. Так что твоя теория, будто она была негодна кому-то там в высших сферах, не проходит, дорогой мой.

Вот тут он растерялся. Каждое ее слово дышало злобой. Даже непонятно было, к кому эта злоба относится – к Протасенко или к нему, Андрею Константиновичу.

– Ты зачем к нам пришла сегодня?

Она будто не расслышала.

– Показать письмо? Деловое. Гениально и тонко состряпанное. А?

Тогда он неожиданно для самого себя разозлился, схватил ее за руку и больно сжал пальцы.

– Не смей! Не смей вмешивать маму. Я... я запрещаю!

Она опомнилась, поняла, что перегнула палку, вырвала руку, сделала виноватые глаза и жалко зашептала:

– Прости. Прости меня, Андрюша. Я глупая, несчастная баба, я сама не знаю, что говорю. Я мужа, я отца своего ребенка хочу удержать, понимаешь ты или не понимаешь? Боже, что я болтаю. Прости, прости, – она затрясла головой, отвернулась.

– О чем вы толкуете здесь, добрые люди? – с насмешливой улыбкой возник на пороге Николай Валентинович.

– Курим, болтаем о всякой всячине, – равнодушно отозвалась Зина, и Андрей Константинович подивился ее выдержке.

12

Свет залил террасу, скользнул по кустам, и сад в одно мгновение провалился во тьму. Кончилось уединение. Оживленно переговариваясь вошли, расселись, кто на покореженном от времени громоздком сундуке, где Софья Сергеевна приспособилась хранить садовые инструменты, кто на перилах, кто – где.

Пока Верочка хлопотала, чтобы всем хватило посадочных мест, Николай Валентинович решал уравнение с двумя неизвестными: о чем говорили эти двое до его прихода, и что может знать о нем Андрей Константинович.

О давнем, почти младенческом увлечении жены его давно поставили в известность. Зина никакой тайны об отношениях с сыном Софьи Сергеевны не делала, сама при случае все рассказала однажды, улыбалась при этом мечтательно и виновато.

После очаровательных Зининых воспоминаний не раз думал Николай Валентинович, как повезло ему с этим знакомством. Потому и принял решение делать карьеру в лаборатории Софьи Сергеевны. При первой же встрече напомнил ей милую и забавную деталь – давнее знакомство с его женой.

– Подумать только, – высказал он тогда банальную истину, – до чего тесен мир.

Что ж, Софья Сергеевна была рада получить весточку о судьбе Зины.

Теперь милое знакомство грозило обернуться неприятностями. А ну, как Андрей Константинович знает о нем такое, чего ни в коем случае не должна знать жена!

– Итак, – перебил его размышления Сева, – продолжим наш разговор. Что есть бытие, и до какого предела это бытие определяет наше сознание.

«Шенок! – с ненавистью подумал о Севе Николай Валентинович. – Прыгает и скачет, и ничего не значит».

Не хватало, чтобы этот подвыпивший юнец взял его за пуговицу пиджака и понес ахиною о бытии, считая это высшим проявлением своего интеллекта. Сделав вид, что он не услышал Севу, шагнул в сторону, в темноту сада, растворился в ней, исчез, будто не было его на террасе. Маневра Николая Валентиновича никто не заметил.

– Ты, Сева, погоди со своим бытием, – стараясь не смотреть на Зинаиду Федоровну, потребовала внимания Вера, – позволь мне продолжить историю.

– Интересно. – Сева удобней устроился на краю сундука, поджал ногу и обхватил руками колено.

– Итак, я продолжаю. Собрались мы, значит, теплой компанией. А общество, надо вам сказать, в основном, женское.

– Когда это было? – обронила Ольга Павловна.

– Да на прошлой неделе. Сидим. На столе чего только нет...

– И даже черная икра? – осведомился Загурский.

– Нет, черной икры не было, была красная. Звон бокалов и разговоры. Говорят, говорят, а я никак не могу вклиниться. Одна о ковре толкует – на днях достала. Такой ковер описывается, ну сказка. Бельгийский, рисунок особый, качество особое, длина ворса особая... Две другие о шубах. Одна жалуется, что возле кармана мех потерялся, другая говорит, что такие шубы надо сразу выбрасывать. Потом о собаках начали. У одной – овчарка, у другой – пудель, у третьей... забыла, как порода называется, помню, собака настолько лохматая, что она из нее шерсть чешет и вяжет из той шерсти свитер для мужа. Я молчу. Ем и молчу. Нечем мне их воображение поразить. Случайно ногу под столом переставила и вдруг чувствую, полез чулок. Потрогала украдкой – точно! Как меня это стало терзать. Сижу, как на иголках, а место, где чулок полез, так и горит, так и горит, – Верочка закинула голову и звонко расхохоталась, – знаю, никто не заметит, знаю, никому нет дела до моего чулка, а не могу успокоиться. Они опять за свое. Ковры, шубы, собаки; собаки, шубы, ковры. А я из-за чулка маюсь. Еле высидела, а домой летела, как ошпаренная... Вот тебе, Севочка, и все бытие.

– Вы что же, – насмешливо протянула Зинаида Федоровна, – против бельгийских ковров?

– Нет, ковер это хорошо, но они ни о чем больше не говорили. Я как дура, целый вечер мучительно вспоминала, а что же я такого купила за последнее время, чтобы принять участие в разговоре. Ужас!.. Давай, Сева, мудрствуй, возьми реванш за тот вечер.

– Друзья, – обрадовался Сева, – мы все немного выпили, но я считаю, что вино – великая вещь. Оно позволяет нам быть откровенными. Давайте сейчас, не сходя с места, пусть каждый расскажет что-нибудь о себе. Только правду.

Загурский загоготал, а Зина спросила:

– Для чего вам это?

– Как для чего? – развернулся к ней Сева. Видно было, что он в ударе, и каждая реплика для него – подарок. – Мы живем в обществе. Так ведь? А раз так, раз мы – общество, то интересно узнать конечную цель каждого члена этого общества.

– Я снова спрашиваю – зачем? – не спускала с него глаз Зина.

– Как зачем? Интересно же узнать, для чего мы живем, чем дышит каждый из нас. Возьмем для примера историю с коврами и псами. Это что – цель общества дать каждому бельгийский ковер и собаку необыкновенной породы?.. Хотя дырку на чулке я понимаю, я это очень хорошо понимаю...

Прохладный смех пролился душем на последние слова Сева. Вера Алексеевна подошла и ткнулась лбом в его плечо.

– Ох, Сева, чудик, да сто лет проживи, все равно не поймешь. Тебе это не дано, – растрепала ему волосы и вернулась на место.

– Путаник ты, Дягилев, – сказал Иван Денисович, – с одной стороны тебя разговоры о материальных благах раздражают, с другой – порванный чулок не по вкусу. А вот послушайте, что я скажу. Был у меня приятель. Геолог. Собственно, почему был, и сейчас есть. Встречаю его как-то раз. Туда-сюда, как дела, как жизнь, одним словом традиционный после долгой разлуки треп. Вдруг он выдает: «А я работу сменил». Как так? Выясняется. Бросил геологию, наплевал на престижный институт и подался в сторожа. Сутки какую-то базу караулит, а потом два дня в своем гараже налево «Жигули» чинит. Мужики к нему валом идут.

– Значит плохой геолог, туда ему и дорога, – рассудил Сева.

– Напрасно, он был толковый специалист. Теперь дальше. До этого у него был горбатый «Запорожец», теперь «Волга». Раньше имел однокомнатную квартиру на семью из трех человек, а теперь живет в трехкомнатной кооперативной секции. Денег мне на машину предлагал. Взаимы, естественно.

– Взял?

– Я бы взял, как отдавать? Так вот он меня час пытал: «Скажи, Ванька, я правильно или неправильно поступил?» Я хотел было мелкое предпринимательство его осудить, а потом подумал: человек устроился, доволен, чего я полезу к нему с моралью? Пусть живет, как хочет. Для него ваш бельгийский ковер – хе-хе – это для него пустяки.

– Нет, позвольте, – не выдержала Ольга Павловна, – это вы путаете, Иван Денисович, Сева говорил о целях. Есть цели, и есть *цели*. Есть такие, которые для каждого из нас должны совпадать с целью общества. Это вполне естественно. Но есть личные цели. Для одних – ковер, для других – диссертация, для третьих – умение с выгодой отремонтировать чужой автомобиль... Я даже не знаю, какой пример вам еще привести. Это личные цели, и к общественным целям они не имеют никакого отношения.

– Здрасьте, пожалуйста, – проворчал Загурский и вытянул длинные ноги на середину террасы. – Моя личная цель, Ольга Павловна, пойти и выпотрошить вашу сумочку.

– Стоп! – вытянул руку Сева, – это уже нарушение уголовного кодекса.

– Я постараюсь сделать незаметно.

– Вы этого вообще не сделаете, – снисходительно покосилась предполагаемая жертва грабежа.

– Почему вдруг?

– Совесть не позволит... Потом, наконец, мы с вами в достаточной степени близкие люди.

Хохот перекрыл ее слова.

– Ничего себе! Ничего себе! – зашелся Загурский, – у близких, значит, нельзя, а у неблизких – можно!

– Да ну вас! Я же совсем не об этом. Вечно вы, Иван Денисович, с толку съдете. Я о том, что каждый живет своей, совершенно обособленной от остальных жизнью.

Зинаида Федоровна бросила через плечо:

– Хотите сказать, что каждый живет сам по себе?

– Господи, да конечно же! Мне, например, не чужды общественные интересы...

– Она член местного комитета, – пояснил для Зинаиды Федоровны Загурский.

– Иван Денисович! Это несносно, в конце концов... О чем я? Да! Скажите, какое дело обществу до того, что у меня сегодня утром пригорела каша? Или что я поссорилась с мужем? А мне какое дело до того, что в соседней квартире живет алкоголик? Пусть живет. Лишь бы он мне не мешал.

– А если будет мешать?

– А вот если будет мешать, тогда я позову милицию.

Загурский снисходительно усмехнулся и лениво развалился на стуле.

– Приходилось ли вам, дорогие мои леди и джентльмены, рассматривать плесень в банке? Нет? А зря. Плесень – это высокоразвитая организация, и она дает нам повод кое о чем призадуматься. Мой приятель совершенно прав в одном: он понял, что не выдерживает борьбы за существование в качестве геолога не потому, что он скверный специалист, бездарь, а потому, что таких, как он – миллионы. Он, как мне кажется, в какой-то момент жизни своей заглянул в банку с плесенью и увидел совершенно потрясающую аналогию.

– Какую именно? – со спокойным вызовом спросил Сева.

– Плесень – есть не что иное, как микромодель человечества. Вот, что он увидел. Он увидел, как соседствующие колонии пожирают друг друга. Так не проще ли тихо уйти в гараж и таким образом обеспечить себе мирную жизнь. Вкалывать, конечно, приходится, но и доход на три, четыре, десять порядков выше, чем там, где он прежде суетился. Я совершенно напрасно собирался его осудить. Как у серой плесени, так и у нас, нет никаких желаний, кроме жажды выжить. Я – циник? Согласен. Попробуйте меня опровергнуть.

Находясь в убежище на боковой дорожке сада, Николай Валентинович даже головой покрутил: «Сволочь, Загурский, в яблочко попал!»

Но на террасе поднялся крик. Как же, никому не понравилось сравнение с серой плесенью. Голос Севы, протестующий, гневный, тонул в общем шуме. Ольга Павловна попросила всех умолкнуть.

– Полно вам, Всеволод Аркадьевич, лезть из кожи вон, Загурский в какой-то степени прав. Все хотят блага для себя, и потому не стесняются пожирать друг друга.

– Кого это пожираете вы, Ольга Павловна? – резко обернулся к ней Сева.

– Ой, не могу, – поднялась она, – такие разговоры не по мне.

– Иди, иди, – забормотал Загурский и пересел на Ольгино место в непосредственной близости от Верочки, – а мы поговорим. Что скажете вы нам, грубым технарям, товарищ историк, – обратился он к Андрею Константиновичу? Что нового на данную тему появилось в ваших научных трудах? Впрочем, все – плесень. Давайте лучше хлопнем по рюмашке... Ты, Сева, душа поднебесная, я вижу тебя насквозь с твоими вопросами. Ты смысл жизни ищешь. Плюнь, Сева. Никогда его не было и никогда не будет. Был бы – давно б нашли. Понял? Какой может быть смысл, если рядом с нами такая потрясающая женщина даром пропадает! – он обвил стан Веры ручишей.

– Пьян ты, Ванька! – немедленно поднялась она со стула. – Вот погоди, жене наклею зничаю, как ты ко мне пристаешь.

– Не наклею зничаешь, потому что тебе это приятно.

– Нахал! Идем, кофе тебе сварю, верну человеческий облик.

– Кофе! Облик! Не желаю кофе, желаю вина! В нем смысл жизни. Впрочем, из ваших ручек, миледи, я приму любую отраву.

Они ушли, задирая друг друга, беззлобно, привычно.

– Вот и весь разговор, – пробормотал им вслед Сева.

– А вы – хороший человек, Всеволод Аркадьевич, – повернувшись к Севе, внимательно посмотрела на него Зинаида Федоровна. – Я наблюдала за вами весь вечер и пришла к выводу, что вы очень хороший человек. Но ваши попытки вызвать народ на откровенность, как видите, ни к чему не привели. Что верно, то верно – каждый сам по себе. Моя боль – это моя боль. И наоборот. Чем вы мне поможете, если у меня, скажем, болит зуб?

– Я могу отвести вас к доктору, и больной зуб удалят.

– Не пойду я к доктору, боюсь. И потом... На месте вырванного зуба уже никогда ничего не вырастет. Это тоже меня останавливает.

Они почему-то очень внимательно стали смотреть друг на друга.

– Можно поставить коронки. Знаете, мост называется, – тихо сказал Сева.

– Это протез. Это насилие над естеством.

– Тогда страдайте.

– Вот видите, как легко вы пустили на самотек дело с моим больным зубом. Так во всем. Кому это нужно – оказывать ближнему помощь, страдать за него, а?

Она не смотрела в сторону Андрея Константиновича. Она старалась всем видом показать, что затронутая тема его не касается. И Сева ничего не заметил.

– Я согласен с вами, – раздумчиво проговорил он, – делать добро другим – это сложно и...неблагодарная это работа. Но есть любители – берутся, есть особые люди.

– В последнее время таких любителей, таких особых людей не видеть.

– Почему вы так уверены?

– У каждого хватает своих болячек, чтобы еще страдать за других. На это никто в наш век не пойдет. Вон Андрей. Андрей, ты на это способен?

– Я? – очнулся Андрей Константинович, – на что?

– Страдать за других.

Он ответил нарочито небрежным тоном.

– Что ты, нет.

– Видите? – широким жестом показала на Андрея Зинаида Федоровна.

Сева посмотрел на обоих. Они явно враждовали, но причины вражды были ему неизвестны. Он сказал:

– Не нравится мне это понятие – особые. Будто добро делают только особые люди, а все остальные не делают его. Ерунда. Это должно быть естественным состоянием человека. Но почему-то у нас принято людей порядочных, нравственных причислять к разряду этаких идиотиков. Даже в кино и в литературе – от князя Мышкина до доктора Мишкина. Юродивые, чудики, христосы... Почему так? Почему, когда вы мне сказали, что я хороший человек, вы смотрели на меня как на кретина, с оттенком сожаления за мою умственную неполноценность.

– Что вы, Сева, я на вас так не смотрела.

– Хорошо, не смотрели. Я немного пьян и болтаю лишнее. Чтобы как следует взяться за совершенствование человеческой природы...

– А вы считаете, что нужно заняться улучшением человеческой природы?

– Да! – Сева упрямо боднул воздух.

– А кто будет этим заниматься?

– Ну, кто? Люди.

– Простите, а кто они такие, которые придут к нам и скажут: «Делайте так, но не поступайте эдак». Кто даст им право? Как мы узнаем, что их рецепты нам помогут? Правильно я говорю, Буланов?

Андрей Константинович не ответил. Он разглядел в Зиночке заряд энергии, непохожей энергии, истерической, и стало ему казаться, что добром этот вечер не кончится.

(Продолжение следует)

поздравляем!

Борис ПАК

30 июня 2012 года исполнилось 80 лет члену Союза писателей Узбекистана, известному поэту, писателю, общественному деятелю Борису Паку, одному из первых профессиональных поэтов корейцев, пишущих на русском языке.

Вся сознательная жизнь и трудовая деятельность Б. Пака неразрывно связана с Узбекистаном. Уже более полувека в Ташкенте, Нукусе, Алма-Ате, Москве и других городах в периодической печати и отдельными изданиями публикуются его лирические, публицистические произведения, переводы известных узбекских поэтов: Юсуфа Шамансура, Хайритдина Салаха, Тулкуна, Маруфа Джамиля, Ошика Эркина, каракалпакских – Халмурата Сапара, Сагидуллы Аббазова, крымскотатарских поэтов – Амета Мефяева, Решида Мурата, Сейтумера Эмина и других, монгольского поэта С. Дашдоорова.

Многочисленные произведения Б. Пака адресованы детям: двадцать стихотворений и сказка «Почему Мишка мед ест один» вошли в школьную учебную программу и изучаются в русских и узбекских школах республики.

Творчество Б. Пака отличает глубина мысли, тонкая лиричность, задушевность и искренность. Особой теплотой проникнуты стихи для детей и о детях. Написаны они человеком хорошо чувствующим детскую душу, знающим детскую психологию, озабоченным физическим и духовным здоровьем подрастающего поколения, осознающим, что его моральное и физическое здоровье – залог здоровья нации!

Общественный совет и редакция журнала «Звезда Востока» искренне поздравляют юбиляра, желают ему доброго здоровья, благополучия и активного творческого долголетия!

Интересной и поучительной сказкой Б. Пака редакция открывает в журнале рубрику «Мир глазами детей» и приглашает авторов, пишущих о детях и для детей, к сотрудничеству.

Почему Мишка мед ест один?

1.

Как-то раз в лесу зайчишка
 Повстречал на тропке Мишку.
 – Ты куда спешишь, браток?
 – С пасеки несущ медок.
 Угощать лесной народ.
 Приходи, косой, на мед!
 – Не приду! – сказал зайчишка.
 Что я, глупенький мальчишка?
 Мой медок – кочан хрустящий! –
 Крикнул он, и скрылся в чаще.
 Заяц скрылся так поспешно,
 Что медведь на миг опешил.
 Потоптался на лужайке
 И в сердцах сказал о зайке:
 «Поглядите, сам косой,
 А разборчивый какой!».

2.

Мишка мед вташил в берлогу,
 Сел устало у порога,
 У бревенчатых дверей,
 Крикнул он лесных друзей:
 Ежика, сову и дятла –
 Всех друзей, с кем жить приятно!
 Белку, ворона, кукушку
 И куницу, и лягушку,
 Лося, волка и оленя
 На большое угощенье.
 И к медведю всю неделю
 Гости шли, ползали, летели;
 Торопился вплавь и вброд
 На медок лесной народ.

3.

На тесовый стол, на прочный
 Взгромоздил хозяин бочку.
 – Ешьте, гости, да смотрите,
 Языки не проглотите!
 Всем сладостям мед – голова!
 Ешьте, тетушка сова!
 Ешьте, гости дорогие,
 Ешьте, гости золотые.
 Нынче в сорок желтых сот
 Натаскали пчелы мед! –
 И повел косматый бровью, –
 Ешьте, гости, на здоровье!

4.

Волк лизнул разок и сплюнул.
 «Вот чудак... на что я клюнул?!»
 – Мне твой сладкий мед не в радость...
 Как ты ешь такую гадость?
 Ты б достал сначала кости,
 А потом позвал бы в гости!
 Мой медок – баранья кость!
 – Важно кончил серый гость.
 – Спорить мы, друзья, не будем.
 Кто какое любит блюдо.
 – Мудро вставил третий гость,
 До сих пор молчавший лось.
 – Для меня, друзья, варенье –
 В мае сочные коренья.
 И любого меда слаще
 Вкус зеленых почек в чаше!
 – Что ты мелешь,
 Эй, приятель!
 – Крикнул лосю громко дятел.
 – Так соврал, что вянущ уши!
 Разве можно почки кушать?!
 От такого угощенья
 Шаг всего до отравленья!
 Если б ты хоть раз отведал
 С длинным усом короеда,
 То твердил бы целый год,
 Что другой не нужен мед!
 И ответил дятлу еж:
 – Ну и здорово ты врешь!
 Всем советуешь отведать
 Короедов-древоедов...
 Мол, они вкуснее почек.
 Ты отведал бы грибочков!
 Сыроежек да масляток,
 Свежих груздей иль опять,
 Шампиньонов и свинушек,
 Белый гриб или волнушек.
 Вот тогда бы круглый год
 Всем твердил, что это мед!
 Но прошамкала сова
 Еле слышные слова:
 – Слушать вас – ну, просто горе!
 Прекратите эти споры!
 Знайте, что на вкус и цвет,
 Не было друзей, и нет!

5.

Спор друзей барсук услышал
И поведал старой мышке.
Ну а мышь про эту склоку
Рассказала всем сорокам!

6.

Полетели слухи вдруг
И на север, и на юг.
О событии назавтра
Знал Восток и дальний Запад!
Слухи мчались ураганом
За моря и океаны,
Через горы и леса,
Совершая чудеса.
Всюду звери толковали,
Всюду Мишку обвиняли.
Говорили, что оленю
Подад он на стол поленья!
Ну а лосю, ну а лосю
Преподнес на блюде гвозди!
Ну а волку он поднес
Три булгы и овес!
Белку угошал костями,
Дятла потчевал грибами.
Приготовил для грача
Два горелых калача!
И от мишкиного блюда
Як горбатым стал верблюдом,
Лось колючками покрылся,
Еж, как птенчик, оперился
И по-птичьему
Пишит;
Дятел вороном кричит,
Воют среди дня грачи:
– Виноваты калачи!
Все вздыхают, все вздыхают.
Как беде помочь – не знают:
– Нет теперь медведю веры! –
Дружно заявили звери.
– Нехороший он и злой.
Жадный, с черною душой!
На опушке пересуд:
– Надо льва послать на суд!

7.

Лев бежал три дня, три ночи
По полям что было мочи.
К лесу мчался по долинам
И увидел вдруг картину,
Что глазам своим не верит:

За столом у Мишки звери,
Только Мишку все ругают
И клянут, и проклинают.
Волк белугою ревет:
– Забирай свой гадкий мед!
Нет теперь тебе прошенья
За такое угошенье.
И запомни навсегда:
Не зови нас никогда!

8.

Лев на волка зарычал,
Зарычал и закричал:
– Знаю, что ты любишь кости!
Но тебя позвали в гости!
А в гостях едят и пьют,
Что на стол вам подают!
От души вас Мишка звал,
Ну а вы ему – нахал!..

9.

Гости очень испугались
И трусливо разбежались.

10.

То, что с Мишкой,
Дети, было,
И поныне не забыл он.
И с тех давних пор медведь
От обиды стал реветь.
Отказался от друзей,
Не зовет на пир гостей,
Редко ходит на дорогу,
А зимой лежит в берлоге.
Если мед в запасе есть,
Мишка сам его и ест.

11.

Вот пришел конец и книжке...
Сказку мы прочли про Мишку
И в бору с ним побывали,
И других зверей узнали.
Но меня не совесть гложет,
А один вопрос тревожит:
Прав ли Мишка, что на мед
Больше в гости не зовет?
Напишите мне ответ:
Кто тут прав, а кто и нет?..

караван истории

Рубен НАЗАРЬЯН

Родился в 1947 году. В 1970-м окончил факультет русской филологии Самаркандского госуниверситета. В 1980 году защитил кандидатскую диссертацию по теории литературы в Московском государственном университете. Заведовал кафедрами русской и зарубежной литературы в Самаркандском госпединституте и в Самаркандском госуниверситете. Победитель и лауреат международного гуманитарного конкурса Фонда Д. Сороса «Культурная инициатива».

Перу Р.Г. Назарьяна принадлежит более четырех сотен научных, научно-популярных и художественных сочинений, опубликованных в различных странах, в том числе четыре монографии.

Газетное дело и книгоиздательство в Самарканде (конец XIX – начало XX века)

Имя этого человека, русского туркестанца, навсегда вошло в анналы истории Самарканда: Николай Владимирович Полторанов стоял у истоков периодической печати этого города. Основанная им газета «Окраина» стала первым печатным изданием Самарканда. Думается, некоторые факты биографии этого незаурядного человека будут небезынтесны и сегодняшнему читателю...

До своего приезда в Самарканд Н.В. Полторанов, в первой половине 1880-х годов, занимал в Асхабаде довольно высокую административную должность «начальника службы пути и зданий» на строительстве Закаспийской военной железной дороги. Имея техническое образование и обладая широкой эрудицией, Николай Владимирович к тому же неплохо владел пером, публикуя свои очерки в различных периодических изданиях. Так в нескольких номерах журнала «Железнодорожное дело» (1885, № 8-11) были напечатаны его «Заметки о Закаспийской железной дороге до Кизил-Арвата». В дальнейшем, в связи с завершением строительства участка дороги и ликвидацией упомянутой должности, Полторанов уволился со службы и перебрался в Самарканд, ставший через несколько лет конечным пунктом этой важной стальной магистрали, связавшей центральную часть России со Средней Азией.

Освоившись на новом месте и изучив местный промышленный рынок, он решил для начала обзавестись собственной типографией. А уж затем, вознамерившись профессионально заняться журналистикой, Полторанов адресовал властям соответствующее прошение.

В ташкентском архиве сохранилось свидетельство канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, гласящее, что «10 августа 1889 года содержатель типографии в г. Самарканде, отставной надворный советник Николай Полторанов, обратился

в главное управление по делам печати с ходатайством о разрешении ему издавать в этом городе, с дозволения предварительной цензуры, под его редакторством по предлагаемой при сем копии программы, ежедневную, кроме послепраздничных дней, газету под названием «Окраина»¹.

В ноябре разрешение было получено, и в январе 1890 года вышел в свет первый номер газеты. Кстати, в этом же прошении Полторанов сообщал, что он желает «издавать еще одну газету на туземном языке», но военный губернатор Самаркандской области посчитал тогда это намерение преждевременным.

Типография и редакция газеты «Окраина» разместились в арендованном помещении на улице Пенджикентской в одном из домов крупнейшего среднеазиатского винодела Д.Л. Филатова. Это была первая частная типография в городе, а газета стала вообще первым частным изданием не только в Самарканде, но и во всем Туркестанском крае.

Первоначально она выходила ежедневно, а затем два-три раза в неделю. «Окраина» публиковала местные известия и корреспонденции из соседних регионов, театральные рецензии, фельетоны, стихи и очерки, материалы культурно-исторического, экономического и географического характера, официальные сообщения.

За четыре года ее существования в Самарканде в качестве приложения к газете были выпущены 25 оригинальных брошюр. Уже в первый год своего издания детище Н.В. Полторанова удостоилось высокой награды – малой серебряной медали «за типографские и полиграфические работы» на Туркестанской выставке. В том же 1890-м году редактор издал в собственной типографии книгу своих очерков о строительстве стальной магистрали под названием «Заметки о Закаспийской железной дороге с 1880 по 1889».

Николай Владимирович стал известной и влиятельной личностью в Самарканде. Ни одно важное мероприятие в городе не обходилось без его участия. Полторанов был не только издателем и редактором, но и активным членом нескольких общественных организаций и бессменным председателем местного общества покровительства животным. Однако единственная городская газета не приносила ожидаемого дохода, и ее издание в условиях провинциального Самарканда оказалось делом непростым и весьма хлопотным.

Не ощущая поддержки местных властей и не имея достаточных материальных средств, редактору и владельцу газеты постепенно приходилось сокращать тираж «Окраины» и периодичность ее выпуска. А в конце четвертого года издания газеты Полторанов, исчерпав, видимо, свои материальные и моральные возможности, решил и вовсе прекратить ее выпуск. Дабы произвести расчет с кредиторами, Николай Владимирович был вынужден передать свое детище в чужие руки.

Посему в одном из последних номеров издания он обратился к читателям с сообщением о ликвидации газеты и о том, что с 1894 года «Окраина» будет издаваться в Ташкенте «при совершенно новом составе редакции». Взамен ее в Самарканде, извещал он читающую публику, будет выходить лишь «Листок телеграмм Северного Агентства и объявлений» под редакцией Антонины Николаевны Полторановой (его супруги).

Как бы подводя итоги многотрудной подвижнической деятельности Н.В. Полторанова на посту издателя и редактора газеты, ее секретарь и активный сотрудник, местный поэт И.И. Лажечников (сын известного русского писателя, автора популярных исторических романов «Последний Новик» и «Ледяной дом» Ивана Лажечникова) опубликовал пространное стихотворение, посвященное этому человеку:

¹ ЦГА РУз, фонд И-1, опись 28, единица хранения 101, л.1.

Н.В. Полторанову

Ведомый опытной рукою,
Налеты рассекая волн,
Борясь с подводною скалою,
Но вдохновенной цели полн,
Идет корабль и груз богатый
Зерна везет на дальний брег,
Где, голодая, брат на брата
Свершает дерзостный набег.

Придет зерно... На нивах новых
Взойдет обильною жатвой,
И сытый брат, любить готовый,
Вздохнет свободною душой...

Не так ли Вы, борясь в пучине,
Вокруг лишь видя зло одно,
На почву умственной пустыни
Добра Вы кинули зерно...
Пока колосья Вашей нивы
Идеей пользы расцвели,
Созрели, манят горделиво,
Вы мытарств множество прошли...

В ответ правдивому укору,
В ответ пророческим словам
Неслись насмешки и простора
Не обещали люди Вам...

Но зная истины святое
Самоотверженно неся,
Всех пересмешников главою
Вы были выше... Не прося
Подобострастной лестию пошады...
Вы бою правды были рады...

И в глубину отчизны милой,
До берега царственной Невы
Проникла мысль с окраин и силой
Смирила дерзкие умы.
И не кидали уж камня
В ответ на истины призыв,
Но трудный путь любви служенья
Измучил, силы подкосив.

Зато фундамент крепок зданья,
Зерно запало глубоко,
Расчищен путь для пользы, знанья,
Вослед борцу идти легко...

Зато теперь, борец достойный,
Куда бы не привел Вас рок,
Сказать Вы можете спокойно:
«Я сделал все, что только мог!»...

**(«Окраина», № 195,
24 декабря 1893 г.)**

Обнаруженные документы позволили установить, что вскоре после прекращения издания в Самарканде газеты «Окраина», Н.В. Полторанов покинул город. Ему, дипломированному инженеру, имевшему опыт строительства Закаспийской железной дороги, удалось получить престижную работу на строительстве шоссейной дороги, осуществляемом российскими специалистами в соседней Персии. Надо полагать, что еще во время своей службы на сооружении Закаспийской железной дороги Н.В. Полторанов, прекрасно владевший языком фарси, практически ежедневно сталкивался с персидскими предпринимателями, буквально наводнившими пограничный регион.

Эти знакомства позднее были продолжены и в Самарканде, где деловые люди из соседней страны тоже имели свои торговые и промышленные интересы. Можно предположить, что именно они-то и информировали редактора умирающей «Окраины» о возможности получить достойное место на строительстве Энзели-Тегеранской шоссейной дороги...

С изданием газет Самарканду фатально не везло и в последующие годы. В первом же номере переехавшей в Ташкент «Окраины» в колонке редактора было сказано: «Четыре года тому назад с такими же точно, по всей вероятности, светлыми надеждами на будущее начинала свое существование единственная частная газета Туркестана «Окраина» в городе Самарканде. Несколько лет упорной борьбы с жизнью надорвали ее силы, и старая редакция отказалась вести дело... Являясь на смену уставших товарищей, мы не беремся решать вопрос, кто был виноват в безвременной кончине газеты – равнодушие ли публики или нетерпение старых руководителей дела»².

² «Окраина», Ташкент, 1894, № 1.

Спустя несколько лет (в 1898 году) в своей докладной записке Туркестанскому генерал-губернатору ее новый владелец, ташкентский чиновник Самуил Петухов, столкнувшись с теми же трудностями, сетовал на то, что он «...в 1893 году приобрел покупкою от редактора-издателя уже существовавшей в г. Самарканде газеты «Окраина» право на ее издание, перенеся эту газету из столь неудачно избранного пункта в г. Ташкент...»³.

Кстати, и приобретенная им газета тоже прожила в столице края те же недолгие четыре года. О попытках ее реанимации сообщалось в заметке «Реплика недовольного»: «Около года тому назад исчезнувшая с горизонта «Окраина», по-видимому, собирается возникнуть вновь. Ее редактор Петухов состоит членом городского управления...»⁴. Однако же, газете так и не суждено было воскреснуть.

Небезынтересно, что в том же самом номере «Туркестанских ведомостей», где была помещена предыдущая заметка, опубликован отчет об открытии в Самарканде женской гимназии. Выступая там на торжественном собрании, генерал-губернатор Туркестанского края С.М. Духовской, перечислив многие достижения областного центра, посетовал, что городу «...не достает еще, впрочем, органа гласности – собственной газеты. Бежавшая из негостеприимного Самарканда первая частная газета в крае – «Окраина» – может быть, встретила бы теперь более благоприятную почву для своего существования»⁵.

С 1 мая 1904 года начала издаваться в городе вторая по времени газета – «Самарканд». За слишком смелые антиправительственные публикации издание это неоднократно закрывалось властями, но, изменяя свои названия («Новый Самарканд», «Русский Самарканд», «Зеравшан»), продолжало существовать вплоть до 1913 года. В эти же годы некоторое время в Самарканде печаталась и другая, менее воинственная – либеральная по своему характеру – газета «Русская окраина». Появлялись тогда же и вскоре бесследно исчезали другие городские издания.

Популярный в предреволюционное время туркестанский журналист А. Шапров посвятил жизни этого города цикл статей, опубликовав их в газете «Туркестанский курьер» под заглавием «Самаркандские наброски». В одной из них, обозревая историю местной прессы, он писал: «...Вышла газета «Заря Туркестана», но через полтора месяца закрылась, как и все прочие в этом городе. И глубоко в сонной тишине своей хранит Самарканд свою тайну, почему не может в нем существовать своя газета.

Да, город-сфинкс, полный самых очевидных противоречий. Двадцать лет тому назад в нем издавалась газета, восемь лет тому назад существовали две газеты: «Самарканд» и «Русская окраина». И только теперь, когда город расширился, когда население его значительно возросло, когда жизнь течет таким усиленным темпом и развертываются огромные мировые события, в которых наше отечество играет первостепенную роль, у нас нет газеты»⁶...

После присоединения Средней Азии к России и образования Туркестанского края в Ташкенте стала издаваться первая официальная газета на русском языке. Печаталась она в типографии окружного штаба войск и редактировалась военными властями. Выход в свет первого номера «Туркестанских ведомостей» (28 апреля/10 мая 1870 года) ознаменовал собой рождение периодической печати в нашем регионе. Через некоторое время в различных городах края возникли уже собственные типографии, что позволило значительно расширить географию и увеличить количество печатных изданий. Крупнейшими из них были газеты «Закаспийское обозрение», «Русский Туркестан», «Асхабад» и «Окраина», а также журналы «Среднеазиатский вестник» и «Средняя Азия».

Следует отметить, что в последние десятилетия XIX века в туркестанских городах появились и частные типо- и литографии, выполнявшие разнообразные полиграфические работы. Все они принадлежали российским предпринимателям.

³ ЦГА РУз, ф. И-1, опись 28, дело 365, л.14.

⁴ «Туркестанские ведомости», 1899, № 75.

⁵ «Туркестанские ведомости», там же.

⁶ «Туркестанский курьер», 1915, № 67.

В Самарканде с 1890 года стали издаваться книги и брошюры на русском языке. Практически во всех областных центрах Туркестанского края отныне публиковали ежегодные «Обзоры», издателями которых были статистические комитеты. Они содержали в себе разнообразные сведения по истории и географии, а также официальные данные о населении, промышленности и сельском хозяйстве.

Наибольший интерес среди изданий подобного рода, несомненно, вызывали «Обзоры» Самаркандского областного статистического комитета. За период с 1893 по 1912 год было выпущено десять томов таких сборников под названием «Справочная книжка Самаркандской области». Первые три сборника включали в себя, кроме всего прочего, и адрес-календари, обладавшие собственной пагинацией.

От прочих аналогичных изданий Туркестанского края, изобиловавших сухими цифрами и безликими статистическими таблицами, они выгодно отличались тем, что основным их содержанием были исследования самаркандских востоковедов и краеведов. Наиболее активными авторами этих статей и заметок были известные и авторитетные люди: М. Вирский, В. Вяткин и Ю. Якубовский.

Значительное место в «Справочных книжках» отводилось актуальным материалам о развитии хлопководства и рисоводства, зерноводства и пчеловодства. Почти в каждом издании затрагивались вопросы развития виноградарства и виноделия в области, создания новых промышленных предприятий. Известный краевед и археолог В.А. Вяткин опубликовал в «Справочных книжках» несколько работ об истории Самарканда и его архитектурных сооружениях, и поныне не утративших своей научной ценности. Ему же принадлежат помещенные тут же переводы «Бабур-намэ», «Самарии» Абу-Тахир-ходжи и «Кандии малой» Абу-Хафиза. Эти публикации содержали в себе ценнейшие сведения из истории древнего города и его мусульманских святынь.

Служащий областного правления Сер-Али Лапин поместил в справочнике переводы надписей на памятниках монументальной архитектуры Самарканда. А побывавший здесь украинский художник Н.Н. Шербина-Крамаренко посвятил свою статью истории этих памятников. Известный туркестанский педагог и краевед В.П. Наливкин опубликовал тут несколько статей по истории ислама, работы о развитии национальных школ в области, переводы текстов о местных гаданиях.

Нашли свое место в справочных книжках и статьи на медицинские темы – о проказе и риште, об организации массового оспопрививания, о функционировании местных лечебных заведений. Небезынтересны материалы о самаркандском землетрясении 1907 года, о минеральных источниках области, об аманкутанской воинской лечебнице.

Самаркандские справочники содержали также более подробные сведения о территориально-административном устройстве области, о народном образовании, о религиозных конфессиях и здравоохранении. В «Адрес-календари», издаваемые позднее отдельно от «Справочных книжек», непременно включались более подробные данные о личном составе всех областных, городских и уездных учреждений, об адресах контор, предприятий, магазинов и домовладельцев.

Время от времени на страницах этого издания появлялись отрывки из литературных произведений писателей России, Запада и Востока. Отдельные же книги и брошюры на русском языке стали издаваться в Самарканде в 1890 году. Толчком к развитию книгоиздательства, вероятнее всего, послужили публикации стихов и рассказов местных авторов на страницах городской газеты «Украина».

Первыми беллетристами города можно считать трех Иванов: Гейера, Белоусова и Лажечникова (сына знаменитого русского писателя) и Валентину Губаревич (дочь известной писательницы Л.Х. Симоновой-Хохряковой). Их почин был подхвачен Н. Васильевым, М. Граниным и А. Пареньковым-Елисеевым, чьи стихи и рассказы выходили позднее отдельными изданиями. Справедливости ради следует заметить, что большинство сочинений этих беллетристов не обладали высокими достоинствами и зачастую носили эпигонский характер, потому известность их не выходила за географические границы Туркестанского края.

В последнее десятилетие XIX столетия в Самарканде функционировало уже несколько типографий, которые издавали самые различные книги. К числу раритетов можно отнести монографию «География Средней Азии» (1891 г.), автором которой был преподаватель самаркандской мужской гимназии Н.В. Остроумов. Это было единственное издание подобного рода во всем дореволюционном Туркестане.

Несколько своих книг опубликовал в Самарканде небезызвестный исследователь Н.С. Лыкошин, в том числе перевод книги стихов «Дивана Машраб». Брат секретаря областного статистического комитета Н.М. Вирский издал в 1896 году весьма содержательную книгу о виноградарстве в Самаркандской области. Сам же М.М. Вирский в 1905 году опубликовал «Список населенных мест Самаркандской области».

С развитием промышленного производства возникла необходимость и в рекламных изданиях. Первые рекламные объявления появились вначале на страницах самаркандских «Адрес-календарей». А в 1898 году в Самарканде был выпущен уникальный «Туркестанский коммерческий адрес-календарь», вобравший в себя сведения не только о промышленниках и торговцах края, но и соседнего Бухарского ханства.

Особое значение придавалось изданиям по истории города. Трижды издавались «Путеводители по Самарканду» (подобных публикаций не было ни в одном другом городе Туркестанского края). В 1911 году местным офицером А. Слученовским была издана занимательная брошюра «Самарканд и его прошлое». Дважды публиковали здесь «Путеводитель по Самарканду с описанием древних памятников», составленный Я.П. Сенкульским. А местный фотограф Г.А. Панкратьев дважды (в 1910 и 1911 годах) издал прекрасно выполненные фотоальбомы «Исторические памятники Самарканд», пользовавшиеся широким спросом не только в Российской империи, но и в ряде европейских стран.

Переводчик областного правления Сер-Али Лапин трижды выпускал составленный им «Карманный русско-узбекский словарь», содержащий четыре тысячи слов «для обыденного разговора с оседлыми жителями Туркестанского края».

С учетом этнической ситуации Самаркандского региона, значительную часть населения которого составляли таджики, В.П. Наливкин составил и дважды (в 1898 и 1900 годах) издал «Руководство по изучению персидского языка», тираж в две тысячи был раскуплен в течение месяца. Потребность русскоязычного населения в изучении местных языков год от года возрастала, и уже в 1909 году Л. Афанасьев составил и опубликовал «Новый словарь узбекского языка».

Издавались в Самарканде и научные книги. В 1893 году была выпущена в свет монография К. Ширинкина «Управляемые шары и воздушные течения», ставшая уже тогда же библиографической редкостью. Пользовались вниманием читателей книги А.И. Филимонова «Среднеазиатские землетрясения» и «Геологическое описание нефтяной горы и расположенных возле нее участков» В.Ф. Успенского.

После завершения строительства железнодорожной магистрали до Ташкента, в Самарканде была выпущена первая карта всей Среднеазиатской железной дороги.

К числу раритетов исторического характера следует отнести выпущенную в 1913 году книгу индийского путешественника Абд-Ур Рауфа о Бухарском ханстве в переводе самаркандца В. Кондратьева. Уникальным и, вероятно, единственным изданием в своем роде стал труд А.М. Слуцкого «Таблицы для расчета бухарскими деньгами при покупке товаров» (1897 г.). Характерным памятником своего времени является книга самаркандского врача К. Казанского «Суфизм с точки зрения современной психопатологии» (1905 г.).

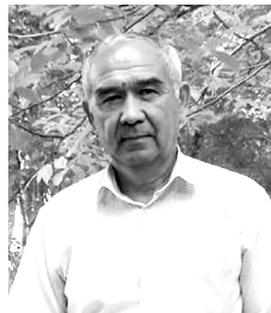
Естественно, что перечисленные выше публикации не исчерпывают всей массы изданной на русском языке литературы, но, думается, что и эти краткие сведения дают наглядное представление о начальном этапе книгоиздательского дела в Самарканде.

переводы

Шодмон ОТАБЕК

Шодмонбек Отабаев родился в Ширмонбулоке Андижанской области. Окончил Ташкентский государственный университет (НУУз). Работал на республиканском радио, в Узбекской национальной кинокомпании, в Ташкентском институте культуры, газетах «Ўзбекистон адабиёти ва санъати», «Хабар».

Автор книг «Мирзакалон Исмоилий», «Япроқдаги нур», «Одамийлик синовлари» (1986), «Энг бахтли кун», «Қорбўрон», «Шахмат абадийдир», «Ширмонбулоқ оқшомлари», «Тўқилмаган латифалар ёхуд Дўрмон ҳангомалари», «Дўрмон ҳангомалари», «Мирзакалон Исмоилий сабоқлари» и повестей «Яхши кунларда кўришайлик», «Биркам дунё».

Балабан

Рассказ

Шавкат с отцом ездили в горный кишлак к родственникам. Вволю наигравшись с махалинскими ребятами, маленький гость решил отдохнуть, осмотреться. Он раз-другой обошел большой, огороженный глинобитным дувалом двор и вдруг увидел крупную птицу в клетке. Птица, казалось, дремала, спрятав голову под крылом. Но стоило Шавкату подойти поближе, встрепенулась. Таких птиц мальчик еще никогда не видел. Чуть больше вороны, пестрая, и, если приглядеться, очень симпатичная. Только вот длинные ноги с крепкими большими когтями да изогнутый крючком клюв придавали ей грубоватый вид.

Подобрав на земле какую-то шепку, Шавкат решил через отверстие в клетке «пошекотать» птицу. Та никакого внимания на это не обратила. Она продолжала стоять гордо подняв голову. Это показалось Шавкату странным. Он нашел палку потолще и легонько толкнул птицу в шею. Только теперь она отреагировала – мгновенно схватила клювом палку и дернула на себя. Это произошло так быстро, что Шавкат и не заметил, как выпустил палку из рук.

Отец с дядей и еще двумя-тремя родственниками пили на айване чай. Шавкат подошел, тихонько тронул отца за плечо.

– Что, сынок? – отец обернулся к нему.

– Там... это... – Шавкат показал глазами в сторону тандыра, – птица, пойдете!

– Какая птица?

– Ну птица как птица! – Шавкат дергал отца за рукав. Абдукадыр-ака почувствовал себя неловко, глянул краешком глаза на дядю: как он оценил поведение сына. А дядя Шукуралли-ака человек щедрый, душа у него добрая – отчего же племяннику не угодить.

– Сейчас, Шавкатджан, я сам тебе покажу. – Он поднялся и, извинившись перед гостями, спустился с Шавкатом во двор.

Птица, издали узнав хозяина, замахала крыльями, забила, пытаясь вырваться наружу. Шукуралли-ака, порывшись в небольшом, вроде ниши, углублении под тандыром, вытащил длинную кожаную рукавицу, натянул ее на руку и открыл клетку. Птица легко, свободно расправила крылья, взлетела, прокружила над двором и села хозяйину на руку. Шавкат остолбенел от удивления. Он впервые в жизни видел такую огромную птицу на лету.

– Дядя, а что это за птица? – нетерпеливо спросил Шавкат.

– Это балабан, сокол такой. – Шукурали-ака ласково поглаживал птицу. По тому, как она довольно мотала головой, было видно, что ей это доставляло удовольствие.

– Балабан? – переспросил Шавкат. – А он какой – охотничий?

– Да. На лис можно с ним ходить, на зайцев, птиц разных. А уж по части грызунов – мышей полевых, крыс, сусликов – никто с ним сравниться не может.

Шавкат не на шутку заинтересовался этой удивительной птицей, покорно сидевшей на дядиной руке. Эх, ему бы такую!.. Может, попросить? Даст или нет? Ведь он его любит. До сих пор ни в чем не отказывал. А вдруг отец отругает?

– Дядя, а он не улетит насовсем? – Шавкат решил побольше узнать о птице.

– Нет, не улетит.

– А почему?

– А потому, что он приучен.

– А кто его учил?

– Я сам, кто же еще?

– Ого! А как? – Шавкат с восхищением смотрел на дядю.

– Нет, племянничек мой дорогой, ничего в мире такого, что было бы не под силу человеку. Всему обучиться можно. Вот хотя бы домашние животные, которых ты на каждом шагу встречаешь, они ведь тоже когда-то дикими были. Человек постепенно, с годами приручил их.

Дядины слова прозвучали легко и просто, но в то же время Шавкату послышалось в них что-то очень большое и даже таинственное. Такое, чего он раньше не знал.

– Дядя, пусть он немного полетает, я поглядеть хочу! – попросил Шавкат. Его интерес к птице с каждой минутой становился все сильнее, он не мог оторвать от нее восхищенных глаз.

– Это, конечно, можно, но он без цели не летает. Цель должна быть. Иначе чем он от синицы отличаться станет? Хотя, постой-ка, постой... – Шукурали-ака осторожно огляделся по сторонам, слегка прищурившись, присмотрелся к чему-то и вдруг, несколько раз протяженно свистнув, отпустил балабана в небо. Тот стремительно рванулся ввысь и через какой-то миг исчез из виду.

– Я его за воробьем пустил, – пояснил дядя, сейчас вернется.

Шукурали-ака, улыбаясь, поглаживал усы, будто готовился показать племяннику интереснейшее зрелище.

Через некоторое время в небе показался балабан и быстро закружился над двором. Слегка взмахивая крыльями, он словно плыл в воздухе, иногда дотягиваясь изогнутым клювом до когтистых лап и что-то поклевывая.

Шукурали-ака тряхнул привязанным к рукавицам бронзовым колокольчиком.

– Это колокольчик для напоминания, – улыбнулся он, заметив на лице у Шавката недоумение. – Он иной раз, проголодавшись, добычу в воздухе поедает, так я ему звоню, напоминаю, что нельзя так делать. Слушается.

И правда, услышав звук колокольчика, балабан камнем бросился вниз и через мгновение сел на руку хозяина. На земле лежал обезглавленный, в крови, воробей. Балабан, беспокойно взмахивая крыльями, поглядывал то на добычу, то на хозяина, словно ожидая новой команды лететь.

– Проголодался, бедняга, – сказал Шукурали-ака. – За праздничными хлопотами совсем я о нем позабыл. Поддай-ка ты ему этого воробья.

Шавкат обрадовался, решив, что дядя хочет приучить птицу к нему. Стало быть, подарить собирается. Подняв с земли воробья, он протянул его балабану, голодный хищник набросился на свою жертву и двумя клевками уничтожил ее. Шавкат едва успел отдернуть руку.

– Не наелся, – сказал дядя. – На добавку мышей дадим ему. Сбегай-ка в кладовку, проверь мышеловки.

«Неужели такая удивительная, прекрасная птица может есть простых мышей?» – думал Шавкат, направляясь в кладовку, ему виделось в этом что-то недостойное. Такие гордые, величественные создания должны добывать себе пищу сами высоко в небе, или на утопающих в облаках горных вершинах.

Глядя, как голодный хищник пожирает мышей, он почувствовал отвращение и отошел в сторону. Потом, когда балабан закончил есть, вернулся, налил в жестяную консервную банку воды, старательно вычистил клетку.

Шукурали-ака заметил, что племянник в восторге от птицы, готов возиться с ней без конца и, не колеблясь, сделал ему этот щедрый подарок.

В жизни Шавката началась совершенно новая пора, появился особый смысл, настоящее дело. Каждый прожитый им день дарил огромное наслаждение. Где бы он теперь ни был, что бы ни делал, мысли его были об одном – о балабане. Отправляясь в школу, он снова и снова наказывал матери смотреть за птицей, а в классе с нетерпением ждал последнего звонка. Одним словом, учебу запустил так, что встревоженной классной руководительнице пришлось вызывать в школу отца. Прильнув к замочной скважине, Шавкат слушал их разговор.

– Мне кажется, вы допускаете ошибку, позволяя сыну столько внимания уделять птице, – сказала учительница.

– Что-нибудь случилось?

– Шавкат ни о чем, кроме своей птицы, не думает, учебу запустил. И других ребят заразил. Они теперь после школы не по домам расходятся, а к нему бегут – птицу смотреть. Что дальше будет, не знаю... – небольшого роста, кругленькая смуглолицая учительница беспомощно развела руками.

– В том, что вы говорите, конечно, есть резон, – тяжело вздохнув, сказал отец. – Только ведь детская душа – штука нежная, вы это лучше меня знаете. Отказывать им трудно. И потом... эта птица ведь тоже дар природы. Хоть и живем мы в кишлаке, а дети наши, кроме горлинки, жаворонка да воробья никаких других птиц не знают. А ведь раньше в этих местах кеклики, утки, даже фазаны водились. Где они теперь? Если и дальше так пойдет, как бы нам с вами не пришлось детей в зоопарк возить, чтобы этих птиц им показывать. Я, конечно, поговорю с сыном. Если птица и впрямь мешает ему учиться, что-нибудь предпримем.

Несколько дней Шавкат ходил сам не свой, боялся, как бы отец не отвез балабана к дяде. Даже когда ребята на улице звали играть – не выходил. А ведь еще совсем недавно он сажал птицу на руку, ходил среди ребят в героях. Они окружали его со всех сторон, и он чувствовал себя отважным дрессировщиком.

– Шавкат, а твоя птица мышей тоже ест? – спрашивали ребята.

– Ест, – отвечал Шавкат, хотя терпеть не мог этого вопроса.

– Тогда дай его нам, пусть и наших мышей поест. Ха-ха-ха!..

– Нет уж, неси их сюда, он здесь есть будет.

Однако все это были только шутки. На самом же деле, что может быть лучше, чем разделенная с друзьями радость? Неужели ему придется лишиться этого удовольствия?.. Отец почему-то молчал. Скорее бы уже сказал, и делу конец. А может, он задумал сам известить птицу потихоньку? Если он так сделает, Шавкат этого не снесет, к дяде убежит!

Странный приснился Шавкату сон. Будто какие-то люди окружили его со всех сторон и тянут руки: «Отдай птицу! Отдай» – а он, прижав балабана к груди, бегаёт по кругу, старается вырваться из людского кольца. Ничего у него из этого не получается, и тогда птица говорит ему человеческим голосом: «Держись за мои ноги, крепко держись!..» Шавкат хватается балабана за ноги, и тот вместе с ним взлетает в синее небо. Через мгновение они исчезают в облаках...

Всю ночь Шавкат пробредил и утром проснулся в жару. В тот день он в школу не ходил, так и пролежал в постели. Родители немало переволновались. Они то и дело шептались о чем-то, должно быть, спорили по какому-то поводу. Наконец, пришли к общему решению, и Абдукадыр-ака, сев рядом с Шавкатом, сказал:

– Ты, сынок, о птице не тревожься. Если будешь хорошо учиться, не станешь досажать учителям, никто тебе слова не скажет.

Шавкат обрадовался, даже температура спала и, конечно же, бросился к своему балабану: как он там, не загрустил ли?

Был у Шавката большой виноградник. Вообще-то, не его, конечно, а родителей, но какая разница, если они одна дружная семья. Так вот, когда созревали на лозах янтарные грозди, откуда ни возьмись, налетали тучи воробьев и скворцов и, крича, ругаясь между собой, отпихивая друг дружку, начинали уничтожать виноград. Шавкат бросался разгонять их, а они – р-раз, и в другое место перелетали, и опять давай безжалостно клевать ягоды. Теперь, когда у Шавката появился балабан, все изменилось. Стоило ему только рас-

править крылья, как прожорливых птах словно ветром сдувало. Шавкат ужасно гордился своим питомцем, придумывал разные игры с ним. Вот такую, например. Спрятавшись где-нибудь, он звонил в колокольчик и тотчас же перебежал в другое место. Однако обмануть балабана, сбить с толку ему ни разу не удавалось – тот безошибочно находил его. Игра эта зачастую длилась подолгу, доставляя обоим огромное удовольствие.

Но однажды, возвратившись со школы, Шавкат не нашел в саду своего любимца. Позвонил в колокольчик раз, другой – птицы как-будто и вовсе не было. «Может, спрятался где-нибудь», подумал Шавкат и принялся искать его, оглядел каждое дерево, куст, каждую виноградную лозу, сарай, чердак – все напрасно. До самого вечера мальчик себе места не находил, ни о чем другом думать не мог. Однако надежды не терял, сам себя успокаивал: «В другом месте он ночевать не останется, домой вернется». И действительно, когда сумерки сгустились и стало совсем темно, балабан прилетел. Он сел на дувал в самом конце сада. На звук колокольчика он почему-то не обратил никакого внимания, и Шавкату пришлось самому идти к нему. Мальчик, как обычно, свистнул. Такой способ связи между ними существовал уже давно и, судя по всему, вполне устраивал обе стороны. Балабан, вытянув шею, как-то странно посмотрел на него, будто впервые увидел, и Шавкат прочитал в его глазах тоску по далеким бескрайним просторам.

С тех пор время от времени балабан стал исчезать. И каждый раз Шавкат терял покой, ничего не хотелось делать. К счастью, птица всегда возвращалась и без труда находила свое место в саду.

Шавкат был всерьез встревожен такими изменениями в поведении своего питомца и решил спросить об этом отца.

– Все живое в этом мире стремится к свободе, сынок, – сказал Абдукадыр-ака.

– Зачем же тогда люди приручают животных, зачем в клетки сажают?

– Приручать – это еще куда ни шло, – покачал головой Абдукадыр-ака. – В былые времена люди с природой в полном согласии жили, а сейчас губят ее на каждом шагу. К добру это не приведет.

Это было совершенно ново для Шавката. По правде сказать, он ничего не понял.

– Выходит, я тоже насильник – птицу дома держу? – спросил он удивленно.

– Да, думаю, это тоже насилие. Но такой сравнительно небольшой грех можно простить.

– А если бы балабан по-прежнему жил у дяди?

– Не важно где – прирученное животное – наполовину плененное. А что касается твоего балабана, он тоже привык жить на свободе.

– Значит, я виноват. Не надо было его привозить сюда? – упавшим голосом спросил Шавкат.

– Может, и так. Не подумал ты о последствиях.

Вроде бы не ругал его Абдукадыр-ака, обидных слов не говорил, а все равно стало Шавкату не по себе, и стоял он перед отцом, виновато хлопая глазами.

– Ты сам рассуди, – попытался успокоить его Абдукадыр-ака, – птица ведь здесь истосковалась, поэтому все чаще стала улетать куда-то. Она, конечно, привыкла к тебе, тут спору нет, но ведь это же балабан, сокол, ему широкие просторы, высокие горы нужны. И кормиться он не из чьих-то рук должен, а сам себе пищу добывать. Здесь таких условий для него нет. Кроме того, завтра-послезавтра хлопчатник начнут ядохимикатами обрабатывать, как бы с ним худого чего не приключилось. Надо его, по возможности, из клетки не выпускать.

Шавкат так и сделал, три дня продержал балабана взаперти в клетке. На четвертый день птица перестала есть, изо всех сил билась о проволочные стенки, потом крылья у нее обвисли, а сама она стала задыхаться.

Шавкату стало жаль несчастную птицу. Он думал, думал, а потом взял да и открыл клетку. Балабан словно только этого и ждал. Рванувшись из клетки, он легко взмахнул только что еще, казалось, обессиленными крыльями и взмыл в небо. И больше не возвращался.

Всякий раз, когда Шавкат вспоминает балабана, в душе у него рождается непонятное чувство – радости и грусти...

Перевод с узбекского А. Рабиновича

Мукаддас АБДУСАМАТОВА

Мукаддас Салиховна Абдусаматова родилась в 1941 году в Ташкенте. Окончила факультет журналистики Ташкентского госуниверситета. Публикует стихи и рассказы с 1960 года.

С 1965 года начала работать в молодежной газете. Почти 36 лет заведовала отделом литературы и искусства.

Сколько на свете чудес

Кажутся сказкой иль детской игрой
Здесь, на просторах Земли и Небес,
Даже представить трудно порой:
Сколько на свете бывает чудес!

Мир многоцветный – то настезь открыт,
То, словно темный, таинственный лес...
Тропка, зовущая в даль, говорит:
Сколько на свете бывает чудес!

Люди шагают. Слышны голоса,
В дождик подружки спешат под навес...
Мигом узнаешь, взглянув им в глаза:
Сколько на свете бывает чудес!

Вдруг средь зимы запоет соловей
И на скале расцветет эдельвейс...
В буднях привычных поверить сумеи:
Сколько на свете бывает чудес!

Рушатся троны могучих царей,
Идолов прежних сметает прогресс.
Друг, не печалься о доле своей:
Сколько на свете бывает чудес!

Шумная юность растает как дым.
В зрелые годы – другой интерес:
Неугомонны, узнать мы хотим –
Сколько на свете бывает чудес!

Детство, где ты?

Ах, детство, мое детство –
Счастливое соседство.
Смешное, озорное,
У отчего порога...
Прошу, побудь со мною
Сегодня хоть немного!
Но ты не отзовешься,
Ты больше не вернешься...
Тебя в родном селеенье
Искала, в Тахтапуле –
В фиалковом цветенье
И в водопадном гуле.
Я не нашла ответа,
Ты бродишь рядом где-то...
Срезала по привычке
Живые нити тала.
Я их в свои косички
Когда-то заплетала...
Меня с порога прямо
Окликнет дочка: «Мама!..»
Малышка озорная,
Кровиночка родная.
Я не могу, хоть надо,
С тобою быть построже.
Ах, детство, как я рада,
Нашла тебя я все же...
Мое и дочки детство –
Счастливое соседство!

Белая мечта

Из рук моих приняв бокал,
Был опьянен вином любви.
Другого счастья не искал,
Мне посвящая дни свои.

Пусть много лет с тех пор прошло...
Наперекор снегам зимы
Храня сердечное тепло,
Друг друга согревали мы.

Как быстро дети подросли
И в чем-то повторили нас:
На зов мечты идут, светлы...
И я молюсь о них сейчас.

Со мною рядом в этот миг
Ты сердцем их благослови:
Все в жизни сбудется у них,
Им тоже повезет в любви.

Перевод с узбекского Раима Фархади

МУНАВВАРА

Поэтесса Мунаввара родилась в 1965 году в Мархаматском районе Андижанской области. Окончила факультет узбекской филологии Ташкентского государственного педагогического института.

Автор сборников: «Дийдор» (1997), «Сизга ўхшасин» (2004), «Соғинч манзили» (2007), «Киприкдаги тун» (2012).

Они живые

(На площади Памяти)

Не верьте тому, будто их больше нет,
Неправда, что смертью погашен их свет,
Что будто земля поглотила их след –
Они как живые, они среди нас!

Их лица свежи, как гвоздики цветы,
Их гордость, как камень, их взгляды светлы,
А в горле их ком от застывшей беды.
Они как живые, они среди нас!

Узбек или русский, казах и киргиз,
Они быть друзьями навек поклялись.
Кто знает, что значит бороться за жизнь,
Придите, спросите – они среди нас!

Баюкает солнце их с неба, как мать,
И тянется ветер их лица ласкать,
И слушает мир, что дано им сказать –
Они как живые, они среди нас!

О, мама, не плачьте – скорбит вся земля.
Пусть злится неправда – забыть их нельзя:
Создатель, их праведность благословя,
Им жизнь обессмертил, они среди нас!

Их руки не ведали ласк до сих пор,
Так пусть они слышат, как льется ёр-ёр,
Пусть стелют невесты цветов им ковер,
Они как живые, они среди нас!

Вы дети страны, что за нас полегли,
Несбывшимся сном матерей вы ушли,
Навечно защитники нашей земли...
Склонитесь пред ними – они среди нас!

Птицы

Вернулись птицы шебеча,
Повсюду птичий грай.
Я знаю, трудно покидать,
Надолго милый край.

Мой дом немного тесноват,
Здесь место мне одной,
Но выйду на дорогу ждать
Я снова вас весной.

Отряды птиц летят назад,
Хлопочут на снегу;
И я к вам полететь смогу –
Мне есть, что вам сказать.

Пойми сам

О любви говорить не могу –
Сам понять сумеи;
Я от взглядов твоих бегу,
Пожалей!

Я пришла в этот мир любить,
Как пылать огням,
Но меж нами преградой быть
Вечным скалам и валунам.

Я поведала грусть цветам –
Ты найди их и расспроси.
Я свернула с дороги к нам:
Прошай и прости!

Я ушла, чтобы горевать,
Я ушла, чтобы век страдать.

Перевод с узбекского Николая Ильина.

Улугбек ХАМДАМ

ОДИНОЧЕСТВО

Повесть

* * *

Утром, когда по вечно склоненным в молитве вершинам деревьев рассыпались сорок тысяч золотых прядей, сплетенных из солнечных лучей, птицы, захлебываясь от радости, зашебетали и разбудили меня. Я вышел на улицу и отправился в ближайший сад, чтобы посидеть на траве. Я люблю сидеть на траве. Когда смотришь снизу вверх на деревья, то они кажутся гигантскими зелеными кинжалами, воткнутыми в голубое лоно неба и случайно забытыми в нем. Ветви качаются, кружатся, сливаются, завораживают... И уже невозможно отделить небо от деревьев, деревья от птиц, птиц от рассыпающихся солнечных лучей и все это вместе ... от меня. И моя голова тоже кружится, тело становится легким... Закрыв глаза, я отрешаюсь от всего...

...А когда прихожу в себя, то ошущаю, что душа моя подобна крепкому яблоку, вымытому в прозрачной ледяной воде, такая она звонкая, чистая, свежая!

Возвращаясь домой, с радостью понимаю, что не пропустил время утренней молитвы, потому что сейчас здесь, в саду, всем существом своим беседовал с Богом...

* * *

Я проснулся и как обычно «прислушался» к самому себе, по привычке анализируя свое состояние. Кажется, на этот раз все в полном порядке: ни грамма усталости, сознание ясное, тело бодрое. Прекрасно! Свое чудесное утреннее настроение я «встретил» так, как встречают любимую девушку – с надеждой, радостью, волнением...

Так... следует непременно воспользоваться таким «возвышенным состоянием» собственной души и тела! В настоящий момент я принадлежу самому себе: я есть Я! Редкое сочетание и редкое счастье! Вот именно, СЧАСТЬЕ, о котором не надо думать, мечтать, тосковать, потому что вот оно – во мне и со мной! В каждом моем вдохе и выдохе!

Записав это, я увидел, что тетрадь закончилась, и швырнул ее в огонь. Потом взял новую и положил на стол.

(О, если бы я так и поступил! Если бы только был способен поступить именно так!..)

* * *

Мне в виде некой аллегии приснилось... совершенно готовое произведение – с глубоким смыслом, продуманной композицией, интригующим сюжетом... Прекрасно! Не надо ломать голову, чтобы СОЧИНЯТЬ. Всего и делов-то – переложил готовый текст, запечатлевшийся в полусонном сознании, на бумагу. И все!

Да, иногда со мной случается такое и, говоря по совести, такой дар неба радует меня. Приятно сознавать, что мне дано счастье общения с «необычным миром».

Правда, иногда сон, воспринимаемый мною как сюжет, бывает неприятен, тревожен, горек. «Лучше бы мне это не снилось!», – шепчу я тогда сам себе.

Так однажды привиделось мне, что бегу я по полю, а поле это – место жестокой битвы. Кровавое поле! И не счесть людей, мечущихся в этом кровавом побоище! Крики, стоны, леденящий кровь звон мечей. Все смешалось! Безумный страх сдавил мое сердце. Краем глаза вижу, как стрела настигает бегущего рядом со мной человека и вонзается ему прямо между лопаток, прошивая насквозь. Он падает, а я, оглянувшись, вижу, как его утягивают куда-то за веревку, привязанную к смертоносной стреле. Охваченный ужасом, мчусь вперед, не разбирая дороги, и вдруг... чувствую, что начался резкий подъем в гору. В ту же секунду понимаю: мне во что бы то ни стало надо добраться до вершины этой горы! Обязательно надо добраться! Это единственный шанс спасти свою жизнь! С ожесточением хватаюсь за выступы крутого подъема и остервенело лезу вверх. А вокруг меня творится жуткое: многих из тех, кто подобно мне пытался взобраться на гору, зацепили стрелы смерти и уташили в никуда. Сердце мое бешено бьется, я задыхаюсь... В голове стучит только одна мысль: «Сейчас... вот сейчас настанет и мой черед, и в мою спину вонзится жуткая стрела смерти!».

В то же время, каким-то другим своим сознанием, я понимаю, что все это – ничто, мираж, что всего этого ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! И стрела меня задеть НЕ МОЖЕТ, потому что тогда я... ПРОСНУСЬ!

Понимаю, но... продолжаю метаться в своем странном мучительном сне. Измаявшись, преодолеваю, наконец, тяжелое препятствие и оказываюсь на спасительной вершине! Слава Богу! Но... что я вижу? А вижу я, что оказался на каком-то огромном и ровном, как стол, плоскогорье! Я теряюсь. Страх сжимает мое сердце, потому что со всех сторон на меня снова кидаются, но уже не люди, а дикие звери. И я снова мечусь между жизнью и смертью и снова бегу, бегу, бегу, бегу...

И вновь передо мной вырастает крутой и тяжелый подъем; и вновь я взбираюсь по нему и чувствую, вижу, слышу, как несчетное количество людей, ползущих следом за мной, становится добычей кровожадных хищников. И снова мне удастся покорить неприступную вершину! Поднимаюсь, пытаюсь перевести дух, и... тут же падаю от удара лезвия, задевшего мою ногу. И снова с ужасом слышу чей-то топот! И пока этот жуткий звук не достиг апогея, выпрямляюсь и...

И снова вдали, на самом конце поля, вижу очередную вершину. И снова упрямо стремлюсь к ней в надежде остаться живым.

Бегу и чувствую, что силы оставляют меня; бегу и понимаю, что новая вершина не спасение, а лишь продолжение жестокого марафона; бегу и ощущаю дыхание настигающей меня смерти...

О, Всевышний! Разве это не аллегорическое представление о жизни, подаренной Тобой человеку? Бесконечные трудности, страхи, лишения и бесконечная борьба с ними! Преодоление их!

Размышляя о своем сне, я понимаю его так: отвесная стена и вершина лжеспасения – это ночь, а огромная площадь, раскинувшаяся до следующей вершины, – это день, который надо «пройти»... Воины и хищники – это жизненные невзгоды, рвущие мое тело на части. И все эти муки ради чего? Ответ прост: ради пропитания, ради хлеба насущного! Разве не так? Так. Именно так. Вот и мечется от одной вершины к другой моя загнанная жестокими преследователями Душа!

Тяжелый сон... Сон, которому, вероятно, можно найти тысячи истолкований, но... но я ощущаю и понимаю его именно так, как описал, и под этим «подписываюсь».

* * *

Я проснулся, слившись с лунным светом. Плавающие вокруг меня пылинки сплетались, кружились, возникали и таяли, словно переливы музыки, доносившейся «откуда-то» – может быть, со dna моей души. Мой дух (до того бродивший неведомо где!), подобно покорному слуге, мгновенно возникающему по первому зову хозяина, вернулся

в мое брненное тело; сознание мое прояснилось, и я понял, что еще рано, нет, точнее, что еще очень поздно. Взглянув на часы, которые тикали на стене, посылая окружающему миру стабильную информацию о своем существовании, и, рассмотрев циферблат, я понял, что стрелки подкатывают к часу ночи. Следовало снова погрузиться в сон, и я, крепко смежив веки, изо всех сил постарался заснуть, но... тшетно! Я лежал и злился, и думал о том, что мне рано вставать, что у меня завтра тяжелый рабочий день и потому надо обязательно (обязательно!) уснуть, но... но ничего не получалось. Бессонница победила!

Я лежал, «рассматривая» танец лунных бликов в темноте моей комнаты. Вдруг мне показалось, что прямо из моей груди начал сочиться свет, пробиваясь лучами звезды, рассеивающей завесу тяжелых туч. Этот странный свет «приковал» меня к себе. Теперь все свои силы, напрасно растрачиваемые на попытку «заснуть», я направил на «изучение» удивительного сияния. Непонятного! Пугающего! Рождающего ощущение «зависимости» от него! Чтобы избавиться от этого ощущения, я поднялся и сел. Сияние, слившись с лунными лучами, потянуло меня к окну, и... я тронулся в путь. Оказавшись у раскрытого окна, увидел лампу, сиявшую в самом центре зеленой зоны, расположившейся прямо у моего дома. Ее сияние то тонуло в волнах темной шелестящей листвы парка, то снова ярко вспыхивало, искажаясь и «танцуя», создавая причудливую игру светотени.

Сердце мое билось тревожно и глухо, в горле будто застрял комок. Мне казалось, что лунный свет, смешавшись с «моим светом», расплывается, увеличивается, поглощает и комнату, и меня, и окно, и рошу с «танцующей лампой»...

Внезапно во мне как будто что-то «шелкнуло», и... я перестал ощущать себя! Боже, где я?!..

ПУСТОТА – небытие? Глупости! ПУСТОТА – бытие, но человек чужд ее природе. Точнее ОНА чужда природе человека. Пустота может пугать, создавая ощущение холода, тоски, одиночества, скуки, но... ОНА же может дать и ощущение свободного полета души! Тогда как ТЕСНОТА, запирающая тебя в ограниченное пространство, забытое нужными и ненужными бытовыми вещами, убивает этот полет.

Тесная моя лачуга – мой дом – до отказа набита предметами обихода, необходимыми в хозяйстве. Негде пройти. Глаза устают, и нервы напряжены от скученности вещей, расставленных чуть ли не на каждом шагу. Все это страшно раздражает, и я срываю свое раздражение на близком мне человеке. Этим человеком, естественно, оказывается моя жена. Осмысливая наши ссоры, я, наконец, понимаю: нам не хватает ПРостранства Пустоты, Расстояния!

Усмехаюсь. Странно устроен человек! То он дико боится пустоты, ассоциирующейся у него с одиночеством, то тоскует по ней, утомленный теснотой жизни. И, тем не менее, теперь я твердо знаю: до тех пор пока не будет установлено определенного «РАССТОЯНИЯ» между мной и шкафом, мной и столом, мной и моей женой, мной и моими детьми..., «здание моего бытия» будет непрочным.

Странно, что раньше я не вникал в это, не осознавал особой ценности Пустоты, позволяющей (хоть на какое-то время!) быть самим собой. Это было моим маленьким открытием.

С той поры прошло какое-то время, однако стремление к обособленности так и не пропало во мне. Оно зовет меня уединиться, отрешиться от всего мелкого и ненужного, от «тесноты вещей» и... писать, писать, писать...

Я попробовал отказаться от сочинительства, но... потерпел жестокое поражение. Это было равносильно тому, чтобы отказаться от самого себя. Я стал плохо себя чувствовать, стал нервничать и метаться, как раненный в грудь боец, дергаться и изнемогать, как больной, у которого перехватило дыхание. Вот таким было мое состояние.

Я с трудом стал выполнять свои ежедневные обязанности. Меня давила ТЕСНОТА. Мне было плохо на работе, но, приходя домой, я тоже не мог восстановить свои силы. В доме не было тишины и покоя, которого так жаждала моя душа. Сын капризничал и, бывало, плакал ночи напролет. Беспокойный и резкий визг младенца словно выдергивал из меня душу! Хотелось сбежать, но... бежать было некуда, и я оставался

рядом с ним и со своей женой. Бессонные ночи. Нервы. Ссоры. Мне было очень тяжело, мне нужна была определенная атмосфера для работы, атмосфера творческая и раскрепощенная. Я привык быть свободным в своих желаниях! И вдруг! – я лишился этой возможности! Теперь мои дни и ночи попадали в прямую зависимость от настроения малыша, и... я страшно нервничал и мучился. Если раньше в доме правило мое настроение, то с того момента, как родился сын, он стал полновластным хозяином в доме. Я же теперь стал похож на собаку, лежащую у порога: бросят хлеб – ем, нет – так и лежу, выпучив глаза. То есть, если сын спит или гуляет, забравшись на ручки к маме, то я имею возможность писать (если, конечно, меня посетит вдохновение – капризное божество!), а если нет – то нет! Вот от этой «неволи» и происходит вся моя раздражительность, потому что нет у меня возможности самому создавать «необходимый климат» в собственном доме! Я все время «на побегушках» у сына и, естественно, у его матери, своей жены. Я живу в ТЕСНОТЕ, которая убивает мою душу!

Боже мой! Что я пишу! С кем конкурирую? С собственным сыном? С родной кровинкой, которую сам вымолил у Бога!? Делю власть с младенцем?! Маразм.

Невольно в голове всплыл Фрейд, и я тут же подумал, что интересно было бы развить эту тему, осмыслить его «теории» применительно к самому себе.

Потрясенный своими мыслями, занимаюсь самокопанием. После многих вопросов и ответов (честного диалога с самим собой) прихожу к очевидному решению и пытаюсь сформулировать его так: дух обособлен, он жаждет воли и независимости. Его стремление к свободе входит в конфликт с ограничениями и рамками нашего быта и бытия. Именно поэтому человек способен насмерть переругаться с самыми близкими ему людьми и даже навсегда порвать с ними. Дух царит на «неприкосновенном пространстве», на нейтральной территории. Ему нужна особая ПУСТОТА, которую он будет заполнять сам, по собственному желанию и усмотрению, не признавая ничьего руководства, никакого насилия. Он проводит черту, за которую не должны переступать ни жена, ни дети, ни родители, ни близкие, ни друзья... Никто! В противном случае Дух не остановится даже перед тем, чтобы отречься от них – ото всех!

* * *

Эй, сердце! Выплесни все, что в тебе накипело, на этот клочок белой бумаги! Может, этот «клочок», подобно кладбищу, похоронит, поглотит всю твою боль. Эй, голова! «Бейся» об этот «клочок», который может быть твердым, подобно камню! Эй, душа! Ведь не слова, а дыхание свое ты пригвоздила к этому листу!

Сколько бы я ни метался по жизни в поисках «чего-то», я все равно вновь и вновь возвращаюсь к стопке листов на моем письменном столе. Видимо, нет мне иного пути в этой жизни! Видимо, это и есть моя участь – ПИСАТЬ! Значит, надо смириться. Надо «жениться» на этих завораживающих клочках бумаги и верно служить им до конца своих дней.

«А ведь ты болен, тяжело болен, – говорю я сам себе. – И льется из твоей груди, смешавшись с кровью, вечная печаль. Что же тебе все нейдет? Чего не хватает? Неужели только маленький клочок бумаги способен «остановить кровотечение» – утешить твою боль? Неужели только в творчестве твое успокоение, твое единственное средство от неизлечимой болезни!»

Получается, творчество – это исход, куда бегут от безысходности? Оно – мираж победы, возникающий в сознании несчастного побежденного, задавленного и забытого реалиями жизни. Поэтому тот, кто способен излить свои мысли и чувства на бумаге, неудержимо стремится к этому желанному миражу, который сам же и создает. Значит, писать – это бить кинжалом в собственное сердце?

И это стало смыслом моей жизни!

Жажду «ТВОРИТЬ» можно уподобить весеннему небу, затянутому тяжелыми грозными тучами. Задыхаясь под этой плотной завесой, небо рвется, вспарываясь молнией, грохочет гром, и с шумом льется проливной дождь. И молния, и гроза, и дождь несут успокоение и очищение природе, освобождают ее от накопившейся энергии.

Подобный процесс происходит и в душе писателя. Когда он ПИШЕТ, он не спосо-

бен уже ни на что другое! Он не видит и не слышит ничего вокруг себя! И только когда душа его, подобно грозовому небу, освобождается, пролившись благодатными строками, он начинает воспринимать окружающее. Отложив перо, ошущает себя готовым вернуться к сложным реалиям жизни: заработать на кусок хлеба или... или завоевать мир! «Почему бы нет? Если постараюсь, то все получится!», – запальчиво говорит он сам себе, отказавшись от ложной скромности. Но тут же понимает: все получится у него только на бумаге, только в выдуманном мире миражей.

Творчество – вечная дорога, которая зовет, манит, волнует, уводит...

Не дает успокоиться!

Куда бы я ни пошел, ни поехал, ни поплыл – нигде не могу причалить, нигде не могу остановиться. Какая-то сила вновь и вновь неудержимо манит меня вдаль – странствовать. И я снова собираюсь в дорогу. И вновь сердце мое трепещет в страстной надежде найти заветную мечту! После долгих и тяжелых испытаний я добирюсь, наконец, до намеченного рубежа. Бесконечно славлю Аллаха! Волнуюсь. В глазах моих блестят слезы. В течение какого-то срока я и вправду ошущаю себя человеком, достигшим цели, добившимся своего!

Но... проходит время, и в сердце моем снова возникает трещина. Она разрастается, превращаясь в пропасть. И я вновь маюсь, вновь страдаю и понимаю, что в обязательном порядке должен чем-то заполнить эту пропасть, иначе она... поглотит меня. И снова я отправляюсь в путь, и снова стегаю и стегаю своего коня... А конь этот – моя жизнь – то встает на дыбы, норовя скинуть, то мчится стрелой вперед...

* * *

В сердце мое проник холодный и ясный свет ночи и... разбудил меня. В комнате дымился лунный столб, а в моем еще не проснувшемся сознании мельтешила какая-то сумбурная муть. Мир шелестел, шумел, колыхался, шуршал вместе с могучим деревом, раскачиваемым в такт порывам ветра прямо за моим окном. Луна, раскинувшая над миром золотую паутину, важно демонстрировала свой «профиль», ассоциируясь в моем сознании с гордой поэтессой, позирующей художнику. Любуюсь ею, я нашел и другое возвышенное сравнение: ночь – прекрасная принцесса, а луна – волшебная птица счастья, присевшая на кончик ее звездной короны.

Вот так и рождается песня, мелодия которой уже звучит внутри меня, в моей душе. Нет, эта мелодия и есть моя душа!

Я встал и выглянул в открытое окно: улица полна сияния. В парке толпятся деревья, шелестят, задумчиво покачивая вершинами, ведут неспешную беседу. Темноту ночи украшают жемчужные нити лунных лучей. Нет пустоты, а есть пространство, заполненное призрачным светом и нежно-ласкающими звуками лиственного шума. Как бы мне хотелось слиться с этой прекрасной ночью и, став лунным лучом, скользить по шелестящим кронам деревьев, обнимать и целовать их...

Я прислушиваюсь к себе, точнее, к мотиву песни, звучащему во мне, мотиву, рожденному красотой волшебной ночи. Я пытаюсь осмыслить свое состояние, и в моем сознании неожиданно рождается слово ТОСКА... Почему именно это слово? Почему, любуюсь миром за моим окном, я томлюсь и страдаю? И – вдруг! – я нахожу ответ, я понимаю: мир природы потрясающе прекрасен и... столь же потрясающе равнодушен. Ко мне равнодушен, к моим мыслям, мечтам, страданиям, переживаниям... Я ему безразличен, я для него не существую.

Осознав это, остро ошущаю полнейшее одиночество среди величественной красоты бархатно-звездной ночи и вздрагиваю от понимания того, что Безразличие (а, возможно, даже Жестокость) являются несомненными составляющими этой Красоты.

Противоречивые мысли начинают терзать мою душу. И тем не менее, несмотря на мои грустные выводы, я точно знаю, что не смогу вырвать из сердца любовь к этому миру. Неважно, что я не существую для него, главное, что он существует для меня, и именно это делает нас с ним единым целым.

Ночь таинственна. Она представляется мне сейчас несравненной по красоте шестнадцатилетней скромной девушкой. Тщетно пытаться проникнуть в тайны, храни-

мые в ее сердце! Она все равно не откроет их. Что ж, Красавица Ночь, будем жить с тобой долгой единой жизнью и, может быть, когда-нибудь я смогу хоть что-то понять в твоих звездных тайнах.

Время шло, таяли минуты и... таяла ночь. Вместе с ней мы входили в розовый рассвет, гасивший и звезды, и лунные лучи. Птицы уже начинали петь свои утренние песни, и тревожил сердце спокойный и величественный голос муэдзина...

Я вернулся в свою уютную постель и, не колеблясь, нырнул... в серебряный сон, прудлив, таким образом, сказочное очарование угасающей ночи.

* * *

Иной раз мне кажется, что моя жизнь – это сон. И вроде бы я с любопытством смотрю этот сон, прекрасно понимая, что могу и проснуться, но... не просыпаюсь. И тогда создается такое ощущение, что я смотрю демонстрируемый по телевизору бесконечный сериал. Подчас кажется, что все это не про меня, что жизнь героя из сна никак меня не касается, не затрагивает моих интересов.

Боже мой, как же мне надоела моя жизнь, протекающая словно в тумане! Как я устал от череды агонизирующих дней, заполненных бесконечной суетной погоней за личной выгодой, личным благополучием, личными интересами! Иной раз в сердце рождается ненависть ко всей бестолковой жизненной мишуре, и тогда хочется поскорее «проснуться» – «проснуться» и «забыть» весь этот бессмысленный и нелепый сон!

Однако реальность окружающего отрезвляет меня, утверждая: нет, это не сон, это явь! Это та жизнь, которая дарована тебе, и она пролетает, исчезает, тает... Она проносится, словно снаряд, выпущенный из дула мощного орудия, и подчас этот «снаряд» вдребезги разбивает твои дерзкие стремления, желания, мечты. Планируешь одно, а в итоге... Получив порцию очередного разочарования, растерянно озираешься по сторонам, стараясь найти причину своего невезения, анализируешь, мучишься...

Вот так я и существую, не умея по-настоящему, твердо «опереться» на реалии нашей жизни. Все время не успеваю что-то сделать, осмыслить, сказать, а жизнь тем временем проходит... Кажется, только вчера я был ребенком, а сегодня – вон уже мой собственный ребенок сладко сопит в кроватке. Все настолько быстро, что временами я даже сомневаюсь: МОЯ ЛИ ЭТО ЖИЗНЬ? Может быть, НЕ МОЯ? Может быть, я действительно сплю и смотрю сон о жизни некоего героя N, стараясь наблюдать за ним спокойно и отстраненно? Может быть, именно поэтому временами я совершенно не боюсь смерти и искренне чувствую себя готовым к тому, чтобы в одно мгновение потерять все, что сумел «скопить» за время своего земного существования? Причем, потерять это «все» без сожаления, легко! И тогда в моей голове рождается вопрос: если все, что так дорого для меня в этой жизни действительно принадлежало бы мне, разве смог бы я относиться к этому «всему» с таким пренебрежением?

Я не могу дать однозначного ответа на этот вопрос. В минуты подобного осмысления своего земного существования я становлюсь беззащитным, как страна, которую покинули воины, отправившиеся в далекий поход. И тогда я начинаю воспринимать самого себя как бы со стороны, начинаю копаться в своих «отношениях» с этим миром, начинаю мучиться, страдать, пытаюсь осмыслить и понять.

Вот в такие «возвышенные» минуты меня и подстерегают неудачи, и я тут же становлюсь похожим на ребенка, потерявшего свою мать. В такой страшной ситуации все помыслы ребенка связаны только с одним – найти маму! – и потому он перестает правильно воспринимать окружающий его мир. Вот так и я провожу добрую половину своей жизни в поисках «потерянной мамы», то есть ответов на свои безответные вопросы. И боюсь, и мечтаю, и делаю ошибки, и трачу время, отпущенное мне Всевышним. И тает моя жизнь... И не получается из меня человека, живущего только проблемами этого мира, поскольку я странно воспринимаю его, «этот мир», поскольку часть моей жизни протекает как бы вне его пределов, и мне не всегда интересны его земные проблемы и радости. Я попадаю под власть своего «героя из сна», а он – в вечных «поисках мамы» – мечется, мучится, скитается, сомневается, ищет...

* * *

До недавнего времени, просыпаясь утром, я всем существом своим ошущал свой «внутренний рост». Я чувствовал, как взрослею, совершенствуюсь, обретаю нужный жизненный опыт. И от этого в сердце моем жила светлая радость. И вдруг, в один миг неприятного озарения, я ощутил совершенно другое: страх и горечь! В этот миг я с ужасом осознал, что, **СОВЕРШЕНСТВУЯСЬ – РАЗРУШАЮСЬ!**

Мною не случайно выделено слово «разрушаюсь», поскольку именно ОНО наиболее точно соответствует определению того процесса, который травмировал мое сознание. Теперь, пробуждаясь ото сна, я чувствую, что где-то в моей душе оборвалась какая-то струна, и сердце мое пусто, подобно осиротелому дому. Встаю, смотрю в зеркало: вроде бы я все тот же «Я», но душа моя не обманывается внешним сходством. Улучив удобный момент, «опускаюсь на дно своего беспокойства» и ясно вижу (и прихожу от этого в ужас!), что моя жизнь не стыкуется с моей мечтой о моей жизни, что во мне и со мной что-то не так, потому что я... разрушаюсь.

Последнее время подобные невеселые мысли довольно часто посещают мою бедную голову. Каждый раз, когда они снова и снова наступают меня, я внимательно всматриваюсь в них, видя за ними свое второе, разрушающееся Я. В такие минуты у меня невольно возникает ощущение, что «Я совершенствующийся» и «Я разрушающийся» внимательно рассматривают друг друга и чуть ли не справляются о состоянии дел и здоровья. В то же время они ОБА, несомненно, знают, кто из них в конечном итоге одержит победу, кто кого уничтожит. Конечно, это будет мое второе, «разрушающееся Я». Оно мудрее, оно сильнее, за ним стоит непобедимое Время, отсчитывающее срок моей жизни.

Но, несмотря на неравенство сил, мое «совершенствующееся Я» еще достаточно активно, и оно, безусловно, понимает: для того, чтобы удержаться на коне, следует не бояться, не дрожать, не трястись, а, напротив, если уж **РАЗРУШАТЬСЯ**, то делать это мужественно и красиво. Более того, запечатлеть сам процесс разрушения, сделав его достоянием литературы и таким образом все превратив... в игру.

Жизнь и есть игра, в которой практически все можно поставить на кон. Однако то ли из самолюбия, то ли из осторожности я не тороплюсь быстро и глупо израсходовать отпущенное мне время. В меру своих сил и способностей я препятствую своему «разрушению». В меру своих сил и способностей я шлифую свое «совершенствование».

Но я понимаю и другое: сама **ЖИЗНЬ**, в ее чистом эквиваленте, несравненно выше и дороже любых «совершенствований», любых желаний, даже таких, как стать Истинным Поэтом или Великим Правителем. Да, я это понимаю.

В результате я не поэт и не правитель. Я – просто – бродажничкаю...

* * *

Литература... Мгновения озарения! Мгновения творчества! В эти мгновения я ошущаю себя вольной птицей, вырвавшейся из клетки и устремившейся к недоступным взору горизонтам. Я лечу, я легко и дерзко парю в заоблачных высях до тех пор, пока крылья мои не устают и дыхание не пресекается, и только тогда, когда чувствую, что вдоволь наслаждался своими мечтами и фантазиями, осознаю: пора возвращаться в клетку, где есть зерно и вода. Желание «вернуться» зависит только от меня, и оно приходит только в тот момент, когда уже ни моя сущность, ни душа моя не желают больше парить. Это миг усталости и опустошения. «Хватит!» – говорит мне мой внутренний голос, и я с радостью соглашаюсь с ним, потому что получил от полета все, что хотел получить.

Вот такая она – моя творческая жизнь. Слово «литература» и «полет» для меня синонимы. В моменты своего «парения» я – творец, я неповторим и уникален! В любое другое время – ничем не отличаюсь от толпы: я безлик, я сродни пьяни, валяющейся на улице. В такие минуты моего «безличия» меня спокойно можно запрягать в телегу... вместо лошади.

* * *

Я резко повернулся к своей жене, которая, не переводя дыхания, кричала и ругалась так, что в какую-то секунду во мне вспыхнуло страстное желание кинуться к ней, оторвать голову и выбросить к чертовой матери, как незрелую дыню!

С ужасом осознав свое желание, немедленно гашу в себе агрессию и злобу. Господи, и как только такие мысли могут приходить в мою голову? Ведь я же интеллигентный, воспитанный человек? Неужели до сих пор где-то в глубине нашего сознания живет первобытная сущность, способная на звериную жестокость? Страшно это осознавать, но, увы! – констатирую это как факт. Именно в такие «неуправляемые» моменты человек может мгновенно сбросить с себя все, приобретенное им за долгие века своего развития: культуру, просвещенность, духовность... – ВСЕ! – превратившись в клокошущий стукот ярости и злобы. Получается, за тысячи лет своего «восхождения и совершенствования» человек так по-настоящему и не стал Человеком?

А жена все трещала и трещала, как сорока. А я изо всех сил сдерживал себя, чтобы не распустить руки, и лишь злобно пялился на нее, ошущая отвращение и поражаясь тому, как резко изменилась эта женщина, которая еще недавно была такой красивой, милой, обаятельной... Неужели жестокая мельница нашего проблемного бытия так перемолола ее, превратив в ворчливую и вечно чем-то недовольную эгоистку?

Пытаюсь осмыслить наши отношения и понимаю, что злоба, кипящая в моем сердце, наглядно демонстрирует только одно: я ничуть не лучше своей жены. Но, сознавая негативы своего характера и злясь на себя за это, я в то же время не хочу мириться с негативами ее характера! Я ошущаю, что сейчас мне очень плохо рядом с ней, и с ужасом думаю о том, что уже ничего, ничего нельзя изменить, что я приговорен жить «со всем этим», что я должен смириться.

Молча, стиснув зубы, слушаю жену, ошущая, как внутри меня бушует страшный ураган. Еще секунда – и ураган вырывается наружу, сливаясь с моим криком ужаса, бессилия и отвращения! Пошатываясь, подхожу к двери спальни и, открыв ее ударом кулака, бросаюсь на постель. Господи, как же мне погано! Как ноет и болит мое сердце!

Долго лежу на кровати, ошущая себя совершенно разбитым, понимая, что не в силах ни успокоиться, ни объективно проанализировать ситуацию и прийти к какому-либо выводу. Лежу и нервно верчусь с одного бока на другой, и жалею Аллаха и на самого себя, и на свою жену... да и вообще на все человечество, безусловно, заслуживающее наказания Всевышнего.

Прошло несколько дней...

Жену, с которой помирился, и сына, которого я безумно люблю и за которого, не раздумывая, отдам жизнь, отправил в дальние края, в гости к родителям. Осознав, что остался дома один, я вдруг испытал огромное облегчение и искреннюю радость. Но тут же по давней привычке анализировать собственные чувства спросил себя: «Как же так? Уехали самые родные мне люди, а я радуюсь, хотя, по сути дела, должен был бы страдать от разлуки с ними?»

Еще и еще раз осмысливаю ситуацию, пытаюсь объяснить истоки своей бурной радости, пьянящей кровь не хуже дорогого вина. Прислушиваюсь к себе, разглядываю сам себя, дегустирую свое состояние и, наконец, где-то в глубине себя ошущаю ответ, который из области эмоций в конечном итоге переплавляется в такие слова:

В ГЛАЗАХ ВОЛКА, ПОПАВШЕГО В КАПКАН И ОТ БЕЗЫСХОДНОСТИ ПЕРЕГРЫЗШЕГО СОБСТВЕННУЮ ЛАПУ, ГОРИТ ПЛАМЯ РАДОСТИ, А В ЕГО ВОЕ, ПОЛНОМ СТРАДАНИЯ, ЗВУЧИТ ГИМН СВОБОДЕ, КОТОРАЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!

* * *

Прошло более десяти дней с тех пор, как я остался один. Но я до сих пор не могу окончательно прийти в себя и как следует собраться с мыслями. Так случилось, что жизнь моя резко изменилась после женитьбы и особенно после рождения сына. И я живу, не умея смириться с тем, что прежний, привычный для меня баланс между моим душевным миром и миром реальным нарушился, и что перевес явно на стороне «мира реального». У меня больше нет возможности, отстраняясь от всего, улетать в

мир сладких грез и фантазий, нет возможности вольно дышать и творить. Нет столь необходимого мне равновесия, а реальность убивает грезы! В результате я, как рыба, выброшенная на берег, бьюсь и задыхаюсь.

Вслушиваюсь в самого себя, в горестный стон своего сердца и понимаю, – мне необходимо ОДИНОЧЕСТВО! Уже не первый раз я прихожу к этому выводу. Да, мне необходима определенная дистанция не только между мной и моей семьей, но и между мной и всем светом вообще. Только так я смогу вернуть себе утерянное равновесие.

Скульптору необходимо огромное свободное пространство, обеспечивающее возможность вдохновенно ваять, творить. И мне тоже, подобно скульптору, необходимо СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО! Поэтому, посадив в поезд жену и сына и вернувшись в пустую квартиру, я вознес слова искренней благодарности Аллаху. Я был уверен, что разлука заполнит ПУСТОТУ, возникшую между нами, что наступит день, когда я, страшно соскучившись и истосковавшись, сам, как на крыльях, полечу к милым моему сердцу людям. Просто мне иногда надо побыть одному для того, чтобы ощутить себя не просто человеком, но творческой личностью, свободной и раскрепощенной!

Однако после десяти дней разлуки это ощущение так и не пришло. Я брожу как потерянный, ощущая себя то ли нищим, внезапно ставшим королем, то ли наоборот, королем, внезапно превратившимся в нищего. И я вновь не знаю, что предпринять для того, чтобы вернуть себе столь желанное равновесие.

Каждый вечер, ложась в постель, я, как в добрые старые времена, ставлю будильник на шесть утра и твердо решаю: «Завтра встану пораньше, пробежусь с удовольствием, подышу зимним холодным воздухом, а потом, бодрый и разгоряченный, искупаюсь под душем, ощущая свое сильное и здоровое тело, поиграю мускулами. Вкусно позавтракав, сяду читать и писать. Затем в приподнятом настроении отправлюсь на работу...».

Мечты! Просто мечты! Ничего у меня не происходит «завтра». Даже пронзительный, впивающийся в уши звон будильника не в состоянии сдвинуть меня, пригвожденного к теплой, уютной постели. Проснувшись, я мучусь от того, что не нахожу в себе ни сил, ни желания побороть свою вялость, апатию. Это мерзкое состояние, подобно болезни, укрепилось в моем теле. Валяюсь в кровати и ощущаю себя насекомым, попавшим в прочные, хорошо сплетенные сети жуткого паука, насекомым, обессиленным от тщетных попыток вырваться из липкой и прочной паутины.

Что же получается? Вот я сейчас вроде бы и одинок и свободен, но почему-то не могу по-настоящему ощутить эту свободу! Нет чувства легкости, радости, парения! Как был в клетке, так в клетке и остался. Что же мне делать? В чем мое спасение? Может быть, я обрету желанную свободу, постигая пути духовного развития и совершенствования? Может быть...

О, Боже, помоги мне в этом!..

* * *

Подспудно человек всегда ждет чуда, ждет и верит, что это чудо – когда-нибудь! – обязательно произойдет. Без этой веры, пусть немного наивной и детской, человек не смог бы вынести всех тягот и мук жизни. Без этой веры он бы просто угас, пропал...

Вера в чудо! Как только она покидает человека, происходит катастрофа, рушится вся его жизнь. Этот страшный удар можно сравнить с болезнью, которая долго сидела и зрела где-то внутри организма, а потом, набрав силу, мгновенно вырвалась наружу и принесла боль, тоску, страх и угнетенное состояние.

Когда между Человеком и Чудом возникает непреодолимая преграда, то жизнь мгновенно превращается в сплошное мучение, теряет смысл. И тогда Человеку кажется, что зло непобедимо в этом мире, добро бессильно перед темными и страшными силами, и везде и во всем доминируют мрачные тени и пугающие призраки. Порой он начинает сомневаться даже в самых дорогих и близких его сердцу людях, поскольку и в них видит причину своих бед и несчастий, своего угнетенного и подавленного состояния. И тогда рождается отчуждение, несущее с собой пустоту, озлобленность, недовольство всем миром. Человек, потерявший веру в чудо, а значит, и веру в самого себя,

не способен «пустить» в свое сердце ни родных, ни любимых, ни друзей. В подобные минуты тяжкого душевного состояния он не доверится никому! Даже родной матери! Конечно, он мучится, понимая весь ужас своего ОТЧУЖДЕНИЯ, которое, подобно черной кошке, перебежало его дорогу и... обрекло на страдания и одиночество.

Стараясь выбраться из черного омуту своего безверия, человек пытается найти что-нибудь такое, что помогло бы ему снова обрести веру в чудо, а значит, и веру в жизнь и в самого себя.

Пустота убивает, разрушая надежды. Она проглатывает человека, как жуткое мифическое чудовище. И наступает момент, когда Человек начинает ненавидеть самого себя, ненавидеть за то, что не смог противостоять негативам жизни, сломался, сдался без боя, потеряв веру в чудо. И кажется тогда, что всему в его жизни наступил конец! Горький, страшный и бесславный конец!

Но только начинает Человек гибнуть, мучаясь от осознания своей никчемности и бессилия, как вдруг... приходит спасение – рушится «непреодолимая преграда», и Чудо снова являет ему свой светлый лик, и жизнь снова наполняется радостью и светом, и дерзкие мечты тревожат сердце, и все начинается сначала...

* * *

Сколько помню себя, я жду помощи не от людей, а от Тебя! Сколько помню себя, все мои мучения, как и радости, от Тебя!

Вот уже двадцать восемь лет живу я на белом свете – Слава Тебе! Я похож на путника, который, отправившись в дорогу, четко определил свой конечный пункт, поставил перед собой грандиозную цель и теперь изо всех сил стремится достичь ее, преодолевая тысячи трудностей. Прошло двадцать восемь лет, но и намёка нет на то, что я достиг своего «пункта». Иной раз мне кажется, что я просто топчусь на месте. Прекрасно знаю, что конечная цель это ПОСТИЖЕНИЕ ТЕБЯ, но я не знаю – КАКОВ ТЫ, КТО ТЫ! Я знаю, что Образ Создателя недоступен человеческому пониманию, и тем не менее, мне, дерзкому, хочется ПРЕДСТАВИТЬ, ПОНЯТЬ и ПОСТИЧЬ! Ведь я – крохотная часть Его Вечной Сушности, и поэтому иногда, в минуты горького отчаяния, с болью взываю к Создателю: «Забери меня! Положи конец моим мучениям!». Может быть, ТАМ, слившись с Бесконечным и Великим, я пойму, наконец, – кто я есть на самом деле, точнее, кем я был на брэнной земле?

Я пытаюсь наполнить свое существование особым смыслом, придумываю себе грандиозные цели, и, стремясь достичь их, бреду и бреду пересохшей пустыней своего трудного Пути, мучась вопросом: «С чем я приду к финалу моей жизни?». Добраться-то до этого «финала» я, безусловно, доберусь, как и любой смертный на этой земле, но смогу ли я сказать о себе, что прожил жизнь достойно, со смыслом?

Так, хватит... голова уже трещит от этих дум! И тем не менее (о, Боже!), я все пишу и пишу, торопясь выплеснуть свои мысли на белый лист бумаги и таким образом понять собственную душу в ее жгучей жажде запретного познания. Ведь что я только ни делал, и с кем только ни спорил, стараясь найти ответы на свои многочисленные безответные вопросы. Я впал в крайности, я был и праведником, и грешником. Сколько раз нарушал я нормы закона и приличия в угоду собственной страсти и собственному настроению! Я поднимался и падал, и теперь моя душа похожа на решето. И все это происходило и происходит со мной только потому, что я жажду понять и постичь Тебя, Господи! В своих страстных поисках я мечусь, страдаю, совершаю ошибки, грешу и... отдаляюсь от Тебя.

Но, может быть, это не так, может быть, именно благодаря совершенным мною ошибкам и грехам я и понял многое, и многое пережил, и, таким образом, напротив, стал ближе к Тебе, Создатель?.. Может быть...

Мне нет дела до людей. Никто из них не смог по-настоящему стать мне ни добрым другом, ни серьезным врагом. Только Твоя помощь нужна мне, только через Тебя откроется для меня Нечто Непостижимое, и я получу, наконец, ответы на мучающие меня вопросы. Только Ты, о, Создатель Вселенной, сложишь в цельную картину мозаику моей мятежной души...

* * *

Я начинаю понимать, что мне необходимо либо много и неустанно трудиться, чтобы претворить в жизнь намеченные мною цели, либо окончательно отказаться от моих дерзких и смелых мечтаний, с детских лет выделявших меня из толпы сверстников. Холодная логика разума говорит мне: «Твои мечты подобны недоступным звездам, не мучай себя, забудь о них!». Но мой упрямый дух твердо отвечает: «Нет!».

Размышления о «споре» духа и разума приводят меня к следующему неутешительному выводу: выходит, что обшая панорама моей жизни – это безликая, серая рутина ежедневной заботы о пропитании. По сути дела, я не выкладываюсь в полную силу, чтобы достичь поставленных целей, не стараюсь как следует. Но и Судьба моя не торопится пересадить меня на ретивого, необъезженного коня удачи и риска. Может быть, в этом проявляется ее милость ко мне. Может быть... но ясно одно: я оказалась на перепутье жизненных дорог, на этом перепутье и живу. Я похож на человека, мечтающего покорить вершину исполинской горы, но не имеющего силы выйти даже за ворота своего уютного садика, чтобы начать это дерзкое восхождение. Так и бегут мои дни, похожие друг на друга, дни, складывающиеся из бесконечно повторяющихся проблем и забот. Безликость стала сутью моего существования. Мне стали сниться безликие сны о безликих людях и безликих делах... Все дальше и дальше отдалается от меня мир моих дерзких мечтаний – его заслоняет занавес безликости каждодневной пустой суеты...

Правда, порой мне кажется: нет! я еще смогу сделать НЕЧТО ВЕЛИКОЕ! Я еще смогу ЗАВОЕВАТЬ МИР И БРОСИТЬ ЕГО К НОГАМ АЛЛАХА! Я еще смогу...

О, Боже! где мечты и где дела, творимые мною?!..

* * *

Человек одинок. Его счастье – хоть на мгновение забыть об этом! Свидание мужчины и женщины – только очередной побег от одиночества, но как только проходит сладость единения, место человека вновь оказывается на прежнем привале отчуждения и пустоты. Как только стихают страсти, он тут же понимает, что не сумел убежать от самого себя! Точнее, остался наедине с самим собой! Подобные «внутренние» ощущения «присутствуют» и в наших отношениях с родственниками, друзьями, потому что никого и никогда человек не пустит в тайники своей души. Вот и получается, что даже самые близкие люди, по сути дела, ничего до конца не знают друг о друге и, значит, они все-таки чужие друг другу. Вот почему снова и снова осмысливаешь тот факт, что человеку нелегко прожить жизнь без обиды на весь этот мир, без горького осознания своего одиночества...

Одиночество, иголкой вонзившееся в мою душу, – мой единственный спутник на протяжении многих лет. И чем старше я становлюсь, тем сильнее я это ощущаю и тем тяжелее становится на сердце. Никогда еще не был я так подавлен, никогда еще не жил с обостренным ожиданием ЧЕГО-ТО, что ворвется в меня и разнесет вдребезги мое одиночество! Но – увы! – пока этого чуда не произошло, и я живу с тяжким грузом, навалившимся на меня, как свора саранчи, пожирающей все вокруг. Еще никогда не метался я так по тупикам жизни, беспомощно и жалобно бляя, как несмышлениш ягненок, потерявший свою мать. Еще никогда печаль не оседала в моей душе таким толстым и душным слоем пыли, убивая меня! Но самое страшное заключается в том, что я четко и ясно осознаю весь процесс этого жуткого «убиения», происходящий во мне.

Господи, если бы в момент моей острой тоски ворвалась ко мне банда хулиганов, чтобы ограбить меня, я бы благословил их появление и приветил бы их, как дорогих гостей. Я бы вознес благодарность Аллаху за то, что они спасли меня от нестерпимой боли одиночества, и с удовольствием отдал бы им любую вещь, которую бы они пожелали. Но... ни звука не слышно. Никто не ломится в мою дверь. А я сижу и прислушиваюсь, ловя себя на мысли, что похож сейчас на мальчика из кишлака, который, проснувшись, обнаружил, что остался совершенно один в огромном доме. Все ушли на свадьбу, пока он спал, и забыли про него, и теперь он с криком отчаяния и страха мечется по комнатам в поисках своих близких...

Горькие размышления об одиночестве разбередили горькие мысли о жене и маленьком сыне. Куда они уехали? Почему не приезжают, не пишут? Как так получилось, что между мной и ими образовалась страшная пустота? Ведь еще совсем недавно мы были с женой единым целым, как тело и душа! Почему же теперь это единение исчезло? Всю свою совместную жизнь мы делили с ней и горести, и радости! Горел наш очаг, согревая и сближая нас, и вдруг – погас... И в сердце у меня холодно и пусто, и я погружаюсь в свое одиночество, как в зыбкую трясиину...

Мне нужна помощь! Слышите? Мне нужна помощь! Я не справлюсь один со своим одиночеством, я умру, утонув в мертвой тишине собственного дома, торчащего в самом центре города!..

Не знаю, сколько раз солнце и луна пробежали по небесному лику, преследуя друг друга. Я жил как в трансе, я, как робот, ездил на работу и возвращался назад, в свой пустой дом, четко осознавая только одно: одиночество пожирает меня. И не знаю, чем бы все кончилось, если бы однажды, вернувшись домой после работы, я не увидел прикрепленную к двери записку. Увидел – и в сердце моем затрепетала надежда!.. Сорвав дрожащими руками бумажный клочок, я прочитал: «Отец, я пошла в садик за нашим малышом. Если Вы вернетесь с работы пораньше, начните резать морковь, будем готовить плов». Подпись...

И состояние безграничного счастья!

* * *

– Нет! Так не пойдет! Надо все начать сначала! Я еще не проиграл! Я еще бодр, жив и полон энергии! И завтра, с утра, я докажу это всем и, прежде всего, самому себе!

С этими дерзкими мыслями я поставил будильник на шесть часов и улегся в постель...

Будильник трезвонил так беспокойно и громко, как будто пытался предотвратить какую-то неприятность. Проснуться-то от этого трезвона я проснулся, но, как ни старался, не смог оторвать свою тяжелую голову от мягкой и уютной подушки. Казалось, тело мое буквально приклеено к кровати. Вспомнились вечерние мысли о том, что с утра я всем «докажу!», и тут же погасли. Я даже не захотел сосредотачиваться на них и просто буркнул: «А иди оно все!» – и погрузился в сон...

Когда я снова открыл глаза, в комнате плескался яркий солнечный свет, а с улицы доносился разноголосый шум машин. Я посмотрел на часы – ё-моё! – десятый час! Опять опоздал на работу! Опять придется стиснув зубы выслушивать нелестное мнение начальства от моей недисциплинированной персоне...

Господи, ну что мне делать? Как мне избавиться от этого бессмысленного существования? Почему я ощущаю вялость в теле и пустоту в душе? Что же мне, в конце концов, надо от этой жизни? Почему я живу с постоянным ощущением неудовлетворенности и ожидания чего-то? Почему моим спутником по жизни стало одиночество? Почему?!

Я не знаю...

* * *

И снова сон... И снова новые ощущения... И изумление...

Во сне прекрасная девушка целовала меня, целовала крепко и страстно и при этом плакала и тихо шептала слова благодарности... И пока она целовала меня, я, как это не покажется странным, наблюдал за тем, как она «освобождалась от какого-то великого страдания». Это невозможно описать словами, но я это не просто чувствовал, я это видел. В этот странный момент я и сам «раздвоился»: одна часть меня хмелела и таяла от страстных и горячих объятий, другая – как бы со стороны и с интересом наблюдала за всей этой пикантной сценой.

И тут я понял, что я знаю эту девушку, что она из далекой поры моей юности, и когда-то была безумно влюблена в меня. О ее чувствах ко мне я знал на протяжении многих лет, но, скажем так, не проявил ответной благосклонности, хотя прекрасно

знал, что она искренне любит и мучится, и надеется... Знал об этом, хотя она никогда не признавалась мне в своей любви.

И вот, наконец, призналась. Но призналась во сне! Возможно, подспудно на протяжении многих лет я жаждал этого признания, хотя и не сделал сам первого шага. Возможно, именно поэтому мне и приснился столь яркий, необычный сон.

Прильнув ко мне, она целовала и целовала меня, и я столь же страстно отвечал на ее поцелуи. И я глядел на нее и не мог наглядеться! И сердце мое ликовало! И возникло пьянящее ощущение «растворения» друг в друге – ощущение потрясающего счастья! Может быть, именно это и называется слиянием душ, когда рушатся все преграды и все условности! Божественный полет любви!

О, чудесная реальность волшебного сновидения!

Проснувшись, я ощутил страстное желание увидеть эту девушку, встретиться с ней и... целовать ее. Целовать так, как это было во сне...

ГДЕ ЖЕ ТЫ, МИЛАЯ, ОТЗОВИСЬ!

* * *

Еще мальчиком, лет двенадцати – тринадцати, я впервые услышал эту удивительную печальную песню, и душа моя отозвалась на нее, выплеснулась тяжелыми вздохами, как будто меня коснулось горе. Я по-настоящему страдал, слушая эту песню, и, по всей видимости, боль этого страдания так и осталась в моей душе, затаилась в ней на долгие годы.

Прошло много лет, и совершенно случайно я вновь услышал ту же печальную песню, и вновь горечью и тоской наполнилась моя душа. Сейчас, когда за плечами годы, когда уже много пережито и прожито, подобная реакция на песню вполне закономерна, но тогда, в двенадцать лет, как я мог ощутить всю глубину ее тоски? Я был окружен любовью и заботой родителей, братьев, сестер, я не ведал, что такое печаль, и вдруг вот так глубоко не просто понял, но ощутил пронзительную трагичность этой песни. Почему когда-то моя детская душа так отозвалась на нее, что до сих пор память хранит ту тоску и боль? Почему? Не знаю. Не могу ответить на этот вопрос. Может быть, мое детское сердце предчувствовало все те невзгоды, беды и испытания, которые выпадут на мою долю? Может быть...

А может быть, это плачет душа, разлученная с Аллахом?

Не знаю...

* * *

Раньше, лишь только эта женщина возникла в моем воображении, как по телу тут же пробегала сладкая дрожь, и сердце трепетало. И вот... все в прошлом. Но почему так быстро? Почему? Вроде бы еще совсем недавно во мне вспыхивал неистовый огонь, и я раскалялся и плавился, как медь в жерле печи. Неужели это была всего лишь физиологическая страсть мужчины, стремящегося во что бы то ни стало овладеть желанной женщиной? Может быть и так. Ну что ж, в этом ведь нет ничего плохого. Это естественно, это один из самых древних и в то же время самых молодых законов жизни! Так стоит ли тогда удивляться и ужасаться? По всей видимости, нет.

Но тогда почему я с таким удивлением рассматриваю лицо женщины, которая до недавнего времени так властвовала надо мной? Почему ломаю голову над тем, что сегодня, сейчас, никак не реагирую на нее...

Анализирую свои ощущения и чувствую, что теперь место прежней безрассудной и сжигающей меня страсти занял интерес к ней как к человеку. Я вижу перед собой просто милую женщину – воплощение слабости, создание, которое является рабыней собственной природы. Моя страсть к ней прошла, и она никогда уже не сможет больше подчинить себе мою душу. Но остались теплые чувства и интерес нового узнавания.

Я разглядываю ее лицо: почему-то оно напоминает мне особый сорт яблок с красноватыми полосками. Нахожу это сравнение странным и сам удивляюсь этому.

* * *

Знания не уменьшают страданий, а только увеличивают их. «Горе от ума», как сказал когда-то классик.

Я снова мучусь...

Мой строптивый, неугомонный дух то тянет меня в полет в заоблачные выси, то повергает в ад, обрекая на нестерпимые мучения. И, тем не менее, я счастлив, что подвержен таким полярным порывам, потому что именно они позволяют мне в полной мере ощутить себя Человеком. Кем бы я был, не будь во мне этой неуспокоенности, этой вечной жажды познания? Безликим существом с убогими запросами? Нет, это не по мне. Я счастлив, что Всевышний дал мне вкусить и сладость величия, и горечь страданий. Я счастлив, что порой мучусь, как нищий бродяга, «заблудившийся» в этой жизни, как безумный дивана...

Я хорошо знаю, что спасение мое не во мне и не в действительности, окружающей меня, а во взаимодействии этих двух уникальных начал.

Я много ошибался, но по мере того, как рос мой жизненный опыт, углублялся и мой анализ жизни, и тогда многие мои ошибки либо таяли, либо утопали в недрах весомых причин...

Я сделал много добрых дел, но, вспоминая сейчас эти «дела» я не вижу в них повода для самовосхваления, поскольку добро человек совершает, прежде всего, ради самого себя, ради своей души. Это то, с чем каждый из нас в свой час встанет перед Всевышним. Так что и хвалиться здесь нечем.

Если внимательно присмотришься к другу, идущему рядом с тобой, заметишь, что его дружба исчезает, как тусклый свет лампочки, растворяющийся во всемогущем сиянии солнца, как капля в могучей волне океана.

Если внимательно присмотришься к своему врагу, то тоже ощутишь пустоту.

Все ничто. Все преходяще в этом мире.

Подобные мысли порождают много вопросов: Бог наделил меня солнцем в душе на мое счастье или на мою беду? Почему меня все волнует? Почему все мое существо постоянно жаждет сильных эмоциональных встрясок, подобных тем, которые испытываешь прикасаясь к груди невинной девушки? Почему я рвусь повеситься на столбах этого чувства! Почему я все время жду чуда и высматриваю тропинку к нему среди густых зарослей труднопроходимых джунглей жизни? Почему?..

* * *

Эй, Ты – Тот, кто в последнее время «творит» самые жуткие мгновения моей жизни, когда дыхание перехватывает и кажется: вот-вот и остановится сердце! Кто Ты, живущий во мне и находящий спасение и успокоение только в пере и бумаге? Что будешь делать Ты в тот роковой момент, когда и перо не поможет тебе облегчить душу, подавить жестокую боль в сердце? Что?! Ведь для тебя это будет подобно тому, как если бы исчез воздух, которым ты дышишь! И тогда – отлетит твоя душа от брэнного тела. И тогда – это будет смерть. Получается, ты раб пера и бумаги и нет для тебя иного выхода, как только ПИСАТЬ! И если исчезнет этот дар – исчезнешь и ты.

Получается так. Это реалии моей жизни.

Иногда мне кажется, что где-то там, впереди, подобно голодному дракону, лежит и ждет меня какая-то беда. Иначе, отчего на сердце такая мусть, такая тоска, такая тревога? Бывают моменты, когда я не решаюсь посмотреть в зеркало (кто же осмелится взглянуть в глаза вселенской печали? да если еще эти глаза так молоды! да к тому же еще и твои собственные!). Мои чувства иссохли, как листья растения, изнывающего без воды в пустыне...

Но вот что самое страшное: иногда подобную печаль я улавливаю и в глазах собственного сына – годовалого младенца! И вот тогда я, действительно, прихожу в ужас!..

Ладно, мне уже двадцать восемь. Я уже что-то повидал в этой жизни! Она меня уже «поучила»! Уже легла на мои плечи тяжким грузом. Но мой маленький несмышлениш сын, который еще ничего не мог ни повидать, ни испытать?! Откуда в глубине его

чистых и невинных глаз тень этой вселенской печали, омрачающей радость жизни?! Откуда? Я не могу понять! Я не могу успокоиться! Порой мне хочется закричать, завопить и, защищая своего младенца, броситься на самого Бога!

Успокоившись, поедом ем себя за столь дерзкие мысли, и, встав на колени, смиренно прошу прощения у Создателя.

Но тревожные мысли все равно остаются.

Когда мама приезжает навестить нас, она всегда, как бы между прочим, обязательно добавит, обращаясь ко мне и моей жене: «Вы молоды, у вас еще будет много-много сыновей и дочерей!» Такое благословение очень нравится моей супруге. А я молчу. Я не произношу ни звука, словно и не слышу доброго пожелания. И молчу я потому, что боюсь поведать этим женщинам свои тревожные мысли, которые гнетут мой ум и мое сердце. Да если только я выскажу им свои мысли, они будут для них, как удар палицы по голове! Ни мать, ни жена никогда не поймут меня! А я не смогу объяснить им, что для меня рождение еще одного ребенка – это мучительная ответственность! Это вопрос жизни и смерти! Это от того что меня обуревают бесконечные сомнения, принимающие форму тревожных мыслей: не явлюсь ли я «причиной» не только зарождения новой жизни, но и «причиной» всех тех будущих мучений, через которые этой «новой жизни» придется пройти, поскольку таков жестокий закон природы, закон нашего земного бытия? Мы думаем, что дали жизнь младенцу, но на самом деле, не подарили ли мы ему тяжкий путь испытаний, печали и уныния? Не «наградили» ли мы его бесконечными заботами о животе своем, круглом, как маленькая дыня? Даря жизнь, не обрекаем ли мы на смерть?

О какую же стену биться мне головой, чтобы избавиться от таких жестких и неуютных мыслей, терзающих меня, не дающих мне покоя?

Вот моя мама... Ее пальцы растрескались и покрылись мозолями из-за каждодневных и бесконечных житейских хлопот. Ее руки огрубели, как руки мужчины, добывающего уголь в шахте. Невольно я сравниваю мамины руки со своими, холеными, «городскими», и искренне расстраиваюсь. И лицо моей мамы – все в трещинках бесчисленных морщин – потускнело и состарилось. Ей немногим за пятьдесят, а она уже сторбилась, как восьмидесятилетняя старушка. Но и это ладно. Мучительный вопрос заключается для меня в том, что получила моя мать взамен своих многочисленных страданий, тягот, волнений? Что видела она в этой жизни, кроме вечного труда и вечного недостатка, вечных забот и вечной печали? Может быть, ее счастье в том, что у нее много сыновей? Но даже я – один из самых удачливых ее детей – не чувствую себя счастливым! Тогда получается, что все счастье моей матушки есть лишь улыбка обманчивого миража!?

Тогда что же такое «быть счастливым»? Не значит ли это быть обманутым и какое-то время жить «в обмане», не ведая об этом?

Не знаю... не знаю... А все, что я знаю, недостаточно для того, чтобы успокоить мою душу, развеять мои сомнения. И я сомневаюсь! Я до сих пор сомневаюсь в том, что знания помогут людям когда-нибудь сделать человека по-настоящему СЧАСТЛИВЫМ, уничтожив НЕСЧАСТЬЕ, заложенное в него самой природой. Нет, я не пессимист и не сторонник нытья и печали, просто я далек от фальшивого и несостоятельного оптимизма...

* * *

...Когда-то, будучи влюбленным, я словно парил в облаках. Любуясь прелестным обликом возлюбленной, я забывал обо всех своих горестях и печалях, я избавлялся от вечно терзающих меня тревог и забот! И если бы потребовалось отдать жизнь за мою любимую – я сделал бы это в ту же секунду, не задумываясь ни на миг! Более того, я был бы счастлив сделать это! И я готов был кричать о своей любви на весь мир!

А теперь? А теперь я люблю тихо. И никому из возлюбленных не обещаю свою душу. И не витаю в облаках.

Если кто-то из них, глядя мне в глаза и дрожа в экстазе, говорит: «Ты – все, что у меня есть, ты – мой мир и моя душа! Без тебя я никто!», – я с удовольствием слушаю

эти слова (никогда не издеваюсь и не смеюсь!), но «про себя» холодно констатирую, что человек обманывает сам себя, верит в свой обман, счастлив своим обманом. Я разучился верить словам – и словам женщин, прежде всего, – но я не препятствую сиюминутному полету счастливого обмана. И раз женщина ошущает себя счастливой со мной в этот миг – пусть так и будет, пусть она искренне верит в свои мечты!

Появлением ребенка – новой Жизни! – человек как бы дает пощечину Смерти и ошущает иллюзию облегчения, хотя подспудно и осознает свое несомненное бессилие перед Ней.

Сладкий обман! Ребенок пришел в жизнь и... сделал первый шаг к смерти. Это жестокая реальность, и ничего нельзя изменить!

Когда-то я был ловким и расторопным малым, влюбчивым и мечтательным. Куда же все это делось? Почему я так жалок сегодня? Нет, не внешне – выгляжу я прекрасно: бодр, свеж, энергичен. А вот «внутри меня» все разрушено, как в стране, пережившей страшную сорокалетнюю войну! Слишком рано я перестал обманываться. Слишком рано я начал объективно, холодно и жестко анализировать окружающую меня жизнь, и теперь не знаю: что кроется для меня в этом даре – счастье или беда? Иногда мне хочется обмануться, хочется забыть обо всем на свете и быть бездумно и безумно счастливым, утопая в сладких мечтах. Но, увы! Я не могу быть таким!

По этой причине я не могу решиться иметь много детей (как мечтают об этом моя мать и моя жена, и как это принято у нас в народе). Я до сих пор помню свое состояние в тот момент, когда родился второй сын: я запомнил тот ужас, который прокрался в мою душу и отравил мою радость. Я вдруг четко осознал, что моему младенцу придется жить в несправедливом, равнодушно-жестоким мире, и тогда наша суетная жизнь привиделась мне огромным, миллионноглавым, все пожирающим драконом. Какой же я Человек, если, «видя этого дракона», я буду вновь и вновь дарить ему живые души, вынужденные вступать с ним в неравный поединок?!

О, мой друг! Все контраргументы, возникшие в твоей душе, доступны и моему разуму. Я прекрасно знаю, что ислам призывает к многодетности. И я не буду спорить о том, что жизнь человека складывается по воле Божьей.

И тем не менее, мои страдания обоснованы.

Человек всю жизнь живет на распутье: одной ногой он вроде бы твердо стоит в этом брэнном мире, но другой «провисает» над бездонной пропастью небытия. Человек живет: радуется и печалится, любит и ненавидит, творит добрые и злые дела, строит грандиозные дерзкие планы, но в итоге – он все равно приговорен, он все равно исчезнет в черной бездне смерти. И все его сомнения, страдания и страхи от того, что он никогда не узнает – какова эта пропасть? – потому что никто и никогда не возвращался оттуда... Никто и никогда.

* * *

Проснулся, но лежу не шевелясь. Все тело онемело. Я только что вынырнул из мира моего сна и еще не в состоянии до конца избавиться от его иллюзорных миражей, еще не готов к восприятию реального мира. Но процесс пробуждения идет, тикают часы, отсчитывая секунды, а я начинаю видеть окружающее: огромную комнату, свет весеннего солнца, льющийся в мое окно, разные вещи... Сознание мое окончательно прояснилось, уши открылись, и нос ошущил запах цветущего весеннего мира, бурлящего за окном.

С годами я все более и более внимателен ко всему, что окружает меня. Я стал иначе ошущать запахи, воспринимать звуки, цвета и формы. Я стал видеть и замечать то, на что раньше не обращал никакого внимания. Я стал не просто понимать, но ошущать всю красоту того, что воплотилось в слове ЖИЗНЬ...

* * *

Как бы я ни напрягался в этой жизни, я все равно чувствую, что, в конце концов, меня ждет поражение! Тогда почему же я вновь и вновь сражаюсь? Почему вновь и вновь надеюсь на победу? Любая победа иллюзорна, ее как бы и нет, и я это прекрас-

но понимаю, но почему-то, встречая новое утро, снова и снова молюсь о том, чтобы одержать очередную победу, снова и снова рвусь в бой. И – о Боже! – как противоречивы, как напряженны и велики чувства, которые бурлят в моей душе в эти минуты!

Любопытное все-таки существо – человек. Зная, что в конечном итоге все равно будет побежден, и, в свой час, уйдя в землю, станет просто землей, он не только не вешает нос, но, напротив, постоянно рвется в бой, с азартом игрока добиваясь очередной победы! И я точно такой же! И спрашивается: где же я снова и снова беру для этого силы?

* * *

«Я не могу жить вместе с ней и не могу жить без нее...»

Это не только слова Кафки, это вопль моего собственного сердца! И если бы он не высказал эту мысль, то ее, безусловно, высказал бы я. Ведь вся моя жизнь – это перепутье! Я живу в вечной раздвоенности и не знаю, как мне избавиться от этого состояния! Что же мне делать, несчастному, если сама судьба так определила мой путь, если эта строка стала болью моего сердца, и эта боль напоминает о себе при каждом моем вдохе и выдохе. Ведь я, действительно, не могу жить без тебя и не могу с тобой! И что же мне делать? Мне некому даже излить свою боль, кроме как листу бумаги, кровоточащему, как мое сердце.

ОНА для меня не просто женщина, и в то же время именно ЖЕНЩИНА – удивительная и неповторимая! ОНА для меня – все, ради чего стоит жить на этой земле! Но – и в этом весь парадокс! – моя безумная страсть к НЕЙ пугает меня, потому что я боюсь потерять свою свободу, потерять самого себя. Порой противоречивость чувств, бурлящих во мне, перехватывает горло, и я начинаю задыхаться так, как будто мне не хватает воздуха.

Я не могу жить без тебя, но не могу и с тобой!

Вечное перепутье – вечная боль! Остается только пожалеть о том, что я родился на свет Божий!

Господи, как я устал от самого себя, от своей трагической раздвоенности, которую невольно переплавляю в поэму!..

* * *

«Этот день навсегда запечатлелся в моей памяти, сынок», – обратилась ко мне моя мама.

Мы купили тебе новые ботинки. Надев их, ты в первый раз отправился в дальний путь – в кишлак. По пути к вокзалу ты все старался вырваться из моих рук, плакал, просил, чтобы тебе разрешили идти самому. Наконец, я опустила тебя на землю, и ты, протянув к небу свои маленькие ладошки, бросился вперед, звонко крича, смеясь и привлекая к себе внимание прохожих. Тогда тебе был всего лишь год и четыре месяца. Не слушая папу и маму, пытавшихся снова взять тебя на руки, ты самостоятельно семеня своими маленькими резвыми ножками. И вдруг, в этот миг я увидела в тебе Особую Личность, Особого Человека и ощутила смешанное чувство радости и удивления, и на душе моей стало так хорошо и так светло! И жизнь вдруг обрела для меня новый смысл – и все это благодаря тебе, сынок!

За этот счастливый миг я благодарна судьбе, которая вдруг приласкала меня, перебросив мою душу с берега страдания на берег радости. Все мои заржавевшие печали и горести разлетелись в прах, и я вознесла славу Аллаху!..

* * *

Я стараюсь обуздать свои страсти и усмирить свое бунтарство. Я говорю себе: «Еще есть время», – и обманываю себя этим, словно ребенка, и успокаиваю свое беспокойное сердце...

Но внутри меня бушует вулкан! И мне хочется крикнуть: придет ли, наконец, тот священный момент, когда я смогу громко сказать СЛОВО ПРАВДЫ? Когда смогу плюнуть на черные замыслы старой ведьмы – нашей жизни? Когда смогу смело и без

оглядок заглянуть в собственную душу и понять, наконец, чего она жаждет, к чему стремится?

Время уходит... Большая часть жизни уже прожита... И здоровье сдает... А я все не могу НАЙТИ САМОГО СЕБЯ! Я влачу и влачу груз каждодневного серого существования, и это убивает меня. Я не хочу быть безликой толпой! Я хочу найти СОБСТВЕННОЕ «Я»! И... не могу сделать этого.

Все смешалось, опошлилось, исказилось... Я ошушаю, что живу в мире лжи... Но тогда почему я не протестую, не бушую, не гремлю цепями, не стараюсь разбудить миры?! Почему?

НЕ ЗНАЮ...

* * *

Ты для меня ВСЕ: моя свобода, мое бытие и небытие – все это Ты! Ты – это то, что придает величие моей жизни! Ты это то, что лишает меня всего, разрушая и обращая в руины! Если я одерживаю победу, то причина тому – Ты! Если я терплю поражение – то и в этом Твоя вина! Сладкие волнения, которые владеют мною в грезах сна – это Ты! Тягостные мучения моей бессонницы – тоже Ты!..

Вот только я не знаю: кто Ты?!..

* * *

Волнение страсти затихает, и сердце, гулко и часто бившее кулаком в стенку моей грудной клетки, тоже потихоньку утихомиривается. Забытые в момент сильного душевного волнения недуги тела и бесконечные заботы начинают снова терзать меня, возвращая в горькую реальность бытия, и я снова начинаю мучиться, переживать, страдать... Я уже не могу уснуть и ворочаюсь с боку на бок так, что начинает ломить все тело. И уже кажется мне, что и глаза мои ввалились, и я стал похож на старика, ищущего по ночам свой сон, и что эта мучительная ночь никогда не разрешится спасительным рассветом. А рядом тихо сопит моя жена, и я завидую ее спокойному, глубокому сну. Счастливая!

Наконец, понимаю: больше не усну. Встаю и волочусь в другую комнату, в проклятые владения пера и бумаги. Как же мне все это надоело! Как измотала меня моя участь, моя невезучая судьба, поставившая мою жизнь в полную зависимость от карандаша и бумаги! И если завтра опубликуют то, что я сейчас поверяю этой бумаге, то люди будут с наслаждением читать о муках моего сердца. Такова психология основной массы людей, со страстным любопытством постигающих чью-то боль, чьи-то страдания. Это именно так. Но пишу я не для того, чтобы доставить наслаждение кому-то, описывая свои невзгоды, а для того, чтобы самому не сойти с ума, не умереть от необъяснимой и неизбывной тоски. Я выливаю свои муки на бумагу из чисто-го инстинкта самосохранения.

Я ПИШУ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!

Бумага и перо для меня – выход из безвыходного положения! Писать – для человека, не знающего, куда себя деть от многочисленных обид, – значит успокаиваться, обретать самого себя. И я пишу... Я бьюсь головой о стену, вырастающую из вороха исписанной мной белой бумаги. Так мне кажется, так я это ошушаю...

Ах, если бы я никогда не писал! Ведь жажда излить свою душу в письме – это как болезнь! Это тяжело. Ведь все, о чем я пишу – это отражение волшебного сна моей жизни, той жизни, которой я не могу жить в реальном мире, но которая живет во мне! И в этом моя мука! Получается, что по-настоящему я живу только в своих записях, только на листе бумаги!

А смог бы я жить и не писать? Быть независимым от своего пера? Был бы я тогда по-настоящему счастлив? Если честно, то не могу даже представить себе такой жизни! Да, я все время мечусь между двух огней, мне все время чего-то недостает, меня постоянно что-то мучит, но ведь это и есть ЖИЗНЬ! Я ставлю перед собой цель и стремлюсь к ней, а достигнув, все начинаю сначала и снова мучусь, страдаю, тоскую, взлетаю и падаю... Вечный поиск истины – вот то зерно, которое в течение всей жизни

растет и растет в душе Человека! И если человек губит в себе этот росток, то можно ли считать его Человеком?

«Подожди, подожди, – обратился я к самому себе, – что же это получается? И писать для меня – мука и не писать – тоже мука! И страдания мои, как и страдания любого человека, закономерны, в противном случае человек уже не Человек, а просто безликое, серое, бездушно-равнодушное «нечто». Получается, желанный покой и «ровное состояние» счастья ведут к пустоте и духовной смерти?

Господи, прости меня, но до чего же все сложно в этой жизни! Клубок сплошных противоречий! Все, с меня хватит: вот так философствуя можно окончательно запутаться, потеряв последний «кончик нити». Я и так живу в состоянии вечной неуспокоенности и вечного поиска, а утонув в неразрешимых противоречиях жизни, можно и вообще сбиться с пути...

* * *

Рев машины, словно желая поглотить меня, все приближался и приближался, навоя ужас... Что-то ярко вспыхнуло в моем сознании, и я «увидел» себя «повисшим» между явью и сном. Мой дух, мое сознание, мой разум – все находилось в состоянии странного оцепенения. Где-то в глубине «застывшего» меня, в невесомых пустотах летала какая-то паутина... Я уже оторвался ото сна, но еще не шагнул в мир реальных. Я провис «между», осознавая это «между» как некую основу, некий корень всех моих страданий, круживших меня, как шепку в водовороте реки. «Неужели именно это и есть истинное состояние человека? Некая квинтэссенция его сущности?» – холодно сверкая, этот вопрос, словно разящий меч, наполнял страхом мое сердце...

Рев машины нарастал, надвигался, угрожая поглотить, раздавить, уничтожить, и, спасаясь от него, я с усилием вырвался из своего тревожного состояния полусна полубодрствования.

Из-за окна доносился гул машин. Брезжило утро, а я, порвав липкую «паутину сна», лежал в своей родной кровати. Из соседней комнаты доносился смех моей жены и сына. Все вставало на свои места. Я снова был самим собой – осязаемым и реальным, со своими заботами и делами, со своими родственниками и друзьями... и искренне порадовался этому. Но в то же время где-то в глубине души остался привкус горечи, затаилось состояние тревоги: все равно, жизнь – это мираж. Все, что кажется таким близким и реальным, на самом деле неуловимо далеко и иллюзорно. Ничего нет постоянного в этой жизни, все преходяще... Я ощутил вкус невесомого «между». Я СУЩЕСТВОВАЛ В ЭТОМ «МЕЖДУ»! К сожалению ли, или к счастью – не знаю...

* * *

По мере того, как я взрослею, я и приобретаю, и теряю. Приобрел я то, что научился отличать «белое» от «черного», хорошее от плохого. А потери мои в том, что в сложном водовороте нашей очень непростой жизни иной раз и не знаешь, как применить эти знания, чтобы не потерять в себе Человека.

Бог судья всем нам! Но иногда он кажется бесконечно далеким, и я снова и снова задыхаюсь от нанесенных мне несправедливых обид и начинаю искать целебное средство от своей боли не в бездонных и далеких небесах, а ближе, на Земле, среди людей... у людей... Даже ты, моя любовь – некогда лекарство от всех моих горестей и печалей – даже ты куда-то запропастилась! Что же со мной произошло, что ты покинула меня? А ведь без любви холодно жить на свете. Нет, ты вроде бы и есть, но уже не окрыляешь мою душу надеждой! Почему? Неужели я так изменился, что уже не стою тебя? Ведь было же время, когда один только взгляд прекрасных глаз «переворачивал» в моей душе «все миры», и я, окрыленный, парил в небесах, подобный вольным птицам. За тебя, моя любовь, я готов был ринуться в бой, сметая любого противника! И, самое главное, я не только чувствовал себя победителем – я побеждал! Я верил в свои силы! И жизнь моя казалась мне прекрасной и вечной! И не было страха перед смертью, потому что я жил, благословляя и жизнь и смерть. Я был словно стрела, неуклонно летящая к своей Великой Цели. Я был...

Почему же все в прошедшем времени? Печально...

* * *

Жизнь моя – мост, связующий мое тело, живущее только в реальном мире, и мою душу – крохотную часть незримого, но ВЕЛИКОГО ВСЕЛЕНСКОГО НЕЧТО. Не отсюда ли моя вечная раздвоенность и моя вечная тоска?!

Эта мысль, точнее, ощущение внутреннего дуализма, каждый раз является для меня причиной новых и новых вспышек сложных и противоречивых размышлений, тяжелых и смутных переживаний. Осмысление себя одновременно «смертным и бесконечным» – кружит голову, пьянит, дурманит не хуже водки или анаши, поскольку именно в результате подобного «парения мыслей» во мне и пробуждается «НЕЧТО», дремавшее доселе глубоко в подсознании, и это «НЕЧТО» выхватывает меня из грубого реального мира и, отрывая от всех бесконечно-бессмысленных забот и дел, уносит далеко-далеко, в свои недоступные человеческому разуму просторы.

Вот так произошло и сейчас: я провалился в бездну между «сознанием» и пугающе-манящим «миражом», я застрял в этом «между», один, без помощи и без опоры. Один конец моста, связующий меня с реальным миром, отдалился, растворился и исчез. Даже самые близкие мне люди – моя жена и мой сын, – находящиеся где-то рядом, только смутно присутствовали в моем сознании, постепенно отдаляясь и тая в каких-то минувших эпохах, становясь частью полузабытого сна. Создавалось такое ощущение, что перед моими глазами натянули плотный занавес, и этот занавес отсек меня от мира, частью которого я был, в котором присутствовал, жил, существовал... А дорога, ведущая меня к другому концу моста, была закрыта тем таинственно-белым занавесом, за которым я не ощущал ничего, кроме полного и абсолютного отрицания моего прежнего, «реального» мира.

Подобное состояние для меня не ново. Я переживал его сотни раз и каждый раз – в различных формах. И каждый раз я жаждал проникнуть в его глубины и – наконец! – познать Великую Тайну Мироздания! Но, увы!... Видимо, это не дано простому смертному, и мне остается только просить и просить Аллаха ниспослать мне эту милость!

В то же время в моей голове мелькает мысль: если тайна мироздания будет раскрыта, то ведь я и на нее стану смотреть «с безразличием» и тут же буду вновь жаждать нового познания, стремиться к новым неведомым мирам. Так уж устроен человек...

* * *

– Человек одинок! – сказал я одной из женщин, любимых мною.

– Не согласна! – тут же ответила она.

– Свидание – это вечный бег от одиночества, жажда избавления от него хотя бы на какое-то время, – продолжал я развивать свою мысль. – Но, в результате, – снова разлука, снова одиночество, снова мучения, печаль, тоска, обиды, то есть все то, что имеет в нашей жизни начало, но, к сожалению, не имеет конца, и мы...

– Ерунда! – оборвала она меня. – Полная ерунда! Мои дети – вот моя защита от одиночества! А кроме них, у меня есть родители, родственники, подруги, друзья. Я не одинока! – качнула она головой, и, как бы уверяя саму себя, еще раз с нажимом повторила, – Я НЕ ОДИНОКА!

– У меня тоже есть все те, кого перечислила ты! Я тоже очень люблю и своих родных, и своих друзей. Ради них я готов на многое – на все, если это необходимо. Но – понимаешь ли? – в глубине моего сердца нет чувства полного единства, полной гармонии и общности с ними. Нет! Где-то там, в глубине души, я все равно один. Я одинок! Понимаешь ли ты это?! – вновь с болью переспросил я. – И я думаю, что именно так воспринимают себя многие, очень многие люди на земле. И не в этом ли таится трагедия человека?!

Человек сам приходит в этот мир и сам покидает его, в полном одиночестве. Перед лицом Судьбы мы все одиноки... – и неужели ты не ощущаешь этого? – напрягся я.

Но женщина, не вслушиваясь в мои слова, тараторила свое, отстаивая личное мнение:

– Я не подвластна таким чувствам! Во мне преобладает чувство единства, общности, а не одиночества! Странные у тебя мысли!

– Ну почему же «странные»? – не сдавался я, – только Встреча может уберечь человека от пронизывающего ветра одиночества: свидание с любимой, беседа с дру-

гом... Я – пустыня, я лежу пересохший. А ты – капелька дождя, упавшая с лазурного неба! И эта капелька оживляет пустыню! И она покрывается буйной зеленью и расцветает. Пусть не надолго, но расцветает! В подобном единении людей друг с другом – вся радость жизни!

Когда я вглядываюсь в твое лицо, целую и ласкаю тебя, то ликую, как нищий, неожиданно ставший принцем. В этот момент я не одинок! Это спасает душу!

Женщина долго и пристально смотрела мне в глаза, а потом сказала:

– Я вижу в тебе Силу. На тебя можно опереться и при этом ничего не бояться. Ты заполняешь брешь, которая возникает иной раз между мной и моими близкими. Но только иной раз! Поэтому время от времени я и прихожу к тебе. Вот и все...

...Мы еще встречались с ней какое-то время и не раз беседовали на эту тему, однако каждый так и остался при своем... Затем все кончилось, как все кончается на этой земле. Мы расстались: ее закрутили семейные заботы, а я снова провалился в бездну своей беспокойной души, в бездну, где нет никого, кроме меня...

* * *

И наступил такой день, когда у меня из рук вон плохо пошли дела.

– Тысячи проклятий его родителям! – ругался я.

Кого я подразумевал под местоимением «его»? Кого ругал? Что в этот момент имел в виду: свое неудачливую судьбу или свой удел? – не знаю.

Но мне было плохо. Мне было очень плохо, и я был очень зол! В такие паршивые минуты я прыгаю и дергаюсь, как курица, у которой огонь горит под лапками. Вернувшись домой, выпроваживаю жену и сына на улицу. «Погуляйте часок!» – довольно резко говорю я им и с треском захлопываю за ними дверь...

Надо же такому случиться, чтобы из десяти запланированных мною дел, ни одно не реализовалось! Ни одно! Пришел, наконец, тот караван, которого я ждал с таким нетерпением! – но пришел... пустым! Его разграбили по дороге – и теперь получается, что я остался ни с чем! И кому рассказать об этом? Богу? Да ведь я и так только и делаю, что либо прошу Его о чем-то, либо жалуюсь Ему на кого-то! Можно подумать, что у Создателя других дел нет, кроме меня!

Так, вероятно, стоит успокоиться и подумать. Хорошо подумать. Возможно, во всей этой негативной ситуации есть положительный момент, есть благо. Может быть, я слишком разгорячен, чтобы реально и объективно осмыслить свои дела? Может быть, стоит проявить терпение? Разве не люблю я повторять чью-то философскую мысль: «Терпеливый человек – великий человек!».

Повторять-то люблю, вот только обмануть самого себя подобным философствованием не получается. В голову лезут другие мысли – жесткие в своей реальной оценке действительности: я опростоволосился! я допустил ошибку! я упустил наличные! Вот это реально! Это факт.

Да и есть ли на этой земле люди, которые согласились бы внимать пространным и заумным нравоучениям, вместо того, чтобы ощутить реальную прибыль в кармане? Может быть, и есть, но тогда они – святые. Я не святой, и я не могу найти себе места от того, что, просчитавшись, потерял все – и мечту, и надежду, и покой... Все! Поставил цель и не достиг ее. Это меня угнетает! И я в сотый раз прокручиваю в голове все допущенные мною ошибки и просчеты, и, кажется, уже сам кручусь обезумевшим вихрем...

Именно в эти минуты я начинаю «влезать в другие шкуры», примерять к себе «другие жизни». До сих пор я не особо задумывался над тем, почему некоторые ради клочка земли или ради копеечной суммы денег готовы дойти до поножовщины? Почему одни ради достижения чего-нибудь страстно желаемого старательно роют яму другим? Почему умные и образованные люди, все знающие и все понимающие, тем не менее, не могут отказаться от недолговечных радостей преходящего мира и идут на все, чтобы заполучить эти «радости»? Почему?

Вот – мое состояние в настоящий момент и есть ответ на эти вопросы! Я понял, что независимо от того, какую форму – духовную или материальную – имели мои рухнувшие планы, мое «я» должно было проявиться именно в их исполнении, через их реализацию. Вот это самое главное! И я всем существом своим осознал, что любая

ценность, которую жаждешь заполучить и которую жалко отдать другому, это уже кусочки самого себя, своей личности.

Оставим пока в стороне такие «высокие материи», как Родина или отчий дом. Ради защиты этих «материй», человек готов на все, даже на смерть! В этом случае ценность приобретают другие категории.

Поговорим о другом. Скажем так: некто отправился в далекие края, с целью заработать деньги, чтобы обеспечить себе и своей семье нормальное существование в этом мире. Там, в этом чужом краю, он спал, где придется, как собака, питался кое-как, много и тяжело трудился, но в один прекрасный день проснулся господином. Он преодолел тысячи препятствий, работал, не покладая рук, и, наконец, получил награду за свой труд... Разве можно подобные деньги назвать простыми бумажками? Разве можно с легкостью отказаться от них, или, ради сомнительной славы встать в позу и, поработав на публику, продемонстрировать свою независимость от мира материальных ценностей? Нет! Сотни и тысячи раз нет!!! Ведь эти деньги – являются ТЕМ, что получено взамен определенной части жизни Человека. В них – его труд, его талант, его здоровье, его радость и боль, надежда и отчаяние! Поэтому подобные деньги человек не может отдать с легкостью, бездумно, и ему страшно горько потерять их! Горько, когда многое вложено, а караван приходит пустым, вот как у меня получилось.

Я мечусь по комнате, я осмысливаю свое положение, я разматываю клубок своих просчетов и стараюсь найти правильное решение – выход из создавшегося положения. Попутно (и как бы со стороны) я анализирую причины своего раздражения, своих горьких обид. От мыслей, роящихся в моей голове, я весь горю, ноги мои кружат и кружат меня по комнате, постепенно утомляя тело, но боль моя все еще прищипывает меня, как грубый всадник своего коня...

Я успокоюсь, все перемелется, но заноза боли останется...

Память умеет многое хранить...

Вот, внезапно мне вспомнился мой первый сын, который умер в больнице. Его состояние было очень тяжелым. Врач вручил мне список лекарств. Когда я подсчитал их стоимость, то понял, что никогда не держал в руках подобной суммы денег. Но мне надо было где-то достать эти деньги! Достать, во что бы то ни стало! Я побежал к одному из своих родственников. Эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами: после традиционного приветствия, мой язык перестал слушаться меня и никак не желал «просить»! Пошатываясь, я глядывался в глаза человека, к которому пришел за деньгами, и никак не мог заставить себя выговорить свою просьбу.

– Да что же я делаю!? Там в больнице умирает мой сын, ему нужна срочная помощь, а я тут деликатничаю, веду пустые разговоры. Это же подло! – пронеслось в моем затуманенном сознании. В конце концов, пересилив себя, свою гордость, я попросил, и лицо мое в этот момент стало красным, как раскаленный уголь. Ожидание ответа растянулось для меня в вечность.

Родственник дал денег, но отдавал с явным сожалением, мучаясь...

Теперь я понимаю его мучения. Это были деньги, которые он заработал, которые были нужны его семье. В этих деньгах для него как раз и было и его здоровье, и его труд, и его планы, и его мечты... Пожалуй, в тот момент он страдал почти так же сильно, как и я.

Позже, когда я выплачивал ему долг, то – и я до сих пор помню это! – радовался так, словно возвращал ему не деньги, а жизнь.

А мой сын... Мой маленький сын все равно умер...

* * *

Боже мой, снова я у ног Твоих! Снова я пришел с молитвой к Тебе, отодвинув прочь все свои бесчисленные заботы! Скажи мне, Боже, кто я: последний дурак или некий избранный в этом мире? Почему я не могу жить размеренно и спокойно? Почему не могу заниматься какой-нибудь одной определенной работой? Почему не могу идти – не оглядываясь, не задумываясь – по одному избранному пути, как это делают многие? Почему я все время сомневаюсь, что-то ишу, к чему-то стремлюсь и

никогда не бываю до конца удовлетворен самим собой и своей жизнью? Бывают моменты, когда я в одно и то же время оказываюсь «в разных состояниях». Вот я всеильный шах и – в ту же секунду! – убогий нищий? Почему голова моя, коснувшись подушки, не может спокойно отключиться от забот этого мира и подарить желанный покой и сон телу? Почему иной раз я до самого утра верчусь в своей постели, ошущая себя столь несчастным, будто исчезло, сгорело, испарилось все, чем бесконечно дорожил в этой жизни? А если и засну, то мое тревожное Беспокойство переселяется и в мой сон и там вновь безжалостно мучит меня. Оно вдруг становится ноющим, печальным и неприятным напевом, исполняемым высоким, пронзительно-раздражающим голосом. Я стараюсь «выключить» этот напев, избавиться от него, но... все бесполезно, и он упорно сверлит и сверлит мою голову, и мое сердце.

Боже мой, скажи мне, что значит «быть живым»? Неужели это состояние обязательно должно включать в себя муки и страдания? Неужели для человечества нет иного пути? Но ведь он должен быть! И, верно, он есть. Я это чувствую, значит, он, действительно, существует! Но где? ГДЕ?

В соседней комнате – совсем рядом и в то же время очень далеко от меня – сладко посапывая, спит моя жена. А я не сплю. Я встал на колени, чтобы вознести молитву тебе, Господи! И я не знаю, кто из нас двоих счастливее сейчас: я, бодрствующий и молящийся Тебе, или она, спокойно спящая и не забывающая свою голову «лишними мыслями». Иногда я искренне завидую ей! Иногда ужасаюсь тому, что могу быть таким же, как она! Вечная раздвоенность, вечная тревога, вечная жажда чего-то непостижимого, но такого желанного... Вот и не сплю ночами, устремив свои покрасневшие от бессонницы глаза к окну, вот и сетую то на слишком долгую ночь, выматывающую меня, то на слишком скорый рассвет, не позволивший выспаться и отдохнуть...

Я – как вода – вечно текущая субстанция. И, видимо, не от меня зависит – куда течь: направо или налево, вперед или вспять. Я прокладываю новые дороги, оставляя позади старые. Я то медленно и величественно плыву, раскинувшись на вольном просторе, то неистово мчусь куда-то, покрываясь белыми бурунами, то застываю, превращаясь в болото. И так бесконечно!

А иной раз у меня возникает другое сравнение, и я вижу себя загнанным зверем, над головой которого то и дело свистит разящий клинок охотника, и зверь кидается из стороны в сторону в надежде спасти свою жизнь...

А может быть, лучше и не метаться, а подставить свою голову под этот сверкающий беспощадный меч?..

* * *

Я долго сидел и работал. Наконец, когда мысли мои стали путаться и спотыкаться, как ноги уставшего путника, я встал из-за стола.

Выйдя в другую комнату, я увидел свою жену, которая сидела за столом и с удовольствием лузгала семечки. Мне вдруг захотелось «поиграть» с ней и таким образом расслабиться, восстановить свои силы. Я сел рядом с супругой и... начал шутливо заигрывать с ней, ожидая нужной мне ответной реакции и уже заранее приговорившись к «приятному». Но жена, удивленно взглянув на меня, проговорила с ехидством в голосе: «Да идите вы, ей Богу! Если бы кто-нибудь увидел ваши выходки, то однозначно сказал бы, что сейчас вы похожи на круглого идиота. То ходите с отсутствующим видом, никого и ничего не замечая, витая в своих облаках, то вдруг ни с того, ни с сего лезете обниматься... Хорошо, что никто, кроме меня, не знает вас настоящего...».

И вышла из комнаты.

Ладно, жена не приняла мою игру, попробую по-другому развлечь себя. Я взял мяч своего сына и стал развлекаться с ним, подавая с головы на грудь, с груди – на колени и пальцы ног. Работал с мячом, стараясь не уронить его на пол. Потом растянулся на полу и с наслаждением продолжал игру, перекачивая мяч из одной руки в другую.

– Интересно, – думал я, развлекаясь, – ну и какая разница между мной – солидным человеком, ответственным работником, серьезным и строгим мужем и отцом – и мной, дурашливо пристающим к собственной жене или беззаботно играющим с мячом? В какой момент я – настоящий? В какой момент мои мысли, действия и поступки

действительно искренни, действительно продиктованы сердцем, а в какой момент – просто игра, просто привычка волочиться на веревке ответственности и долга?

* * *

Я лежу один на поляне, стараясь «упереться» ногами прямо в грудь неба. Сознание мое бунтует, но внутри меня пусто, как в заброшенном доме...

Я не понимаю: зачем жить? Ведь все нелепо, все бессмысленно! В конечном итоге, все на этой земле, – и хорошее и плохое – обратится в прах, но тогда получается, что нет никакой разницы между правдой и ложью, добром и злом, набожностью и безбожием... потому что ВСЕ ПУСТОЕ!

Я страшно раздражен. Я обижен на весь этот мир! Так, может быть, и все мои крамольные мысли – плод моей обиды? Результат печального вывода о том, что многое не состоялось в моей жизни?

Я перебираю в памяти свое прошлое. Боже, какие у меня были мечты, и сколько их было! И, казалось, что все они легко осуществимы! Но вот прошли годы – и что? Исполнилась ли по-настоящему хоть одна мечта?

– Молчишь? – обращаюсь я к самому себе. – Молчишь, потому что жалок твой счет. Потому что «внутри тебя» закупорилось и прокисло все то, что когда-то было ПРЕКРАСНЫМ ПОЛЕТОМ МЫСЛЕЙ, а теперь это «было» просто гниет в тебе, источая зловоние. Ты ведь и сейчас не только не хочешь вспоминать о дерзких планах своей чистой и светлой юности, но желаешь вырвать их из своей памяти, как корни сорняка. Однако нет у тебя такой возможности, поскольку эти мечты, как повилика, сплелись с тобой, стали частью тебя. Понимая это, что же ты ведешь себя, как женщина, вымещающая свою злобу на битье посуды? Кому ты мстишь за свою боль, рождаемую несостоявшимися желаниями? Небу? А ведь когда-то все твои мечты были связаны именно с небом, которое манило тебя, зачаровывало, давало пишу твоему воображению. И ты был так счастлив в эти мгновения! Ты ощущал себя величественным, нужным и значимым.

Ну и куда же это все делось?

Ты стукнулся с жестоким чудовищем, которое называется РЕАЛЬНОСТЬЮ, и – все: колени твои задрожали, сердце затрепетало от страха, и ты сник. И с тех пор не любишь небо – пространство твоих мечтаний?

Нет, небо тут ни при чем. Тебе стоит заглянуть в самого себя, разобраться с самим собой и честно признаться в том, что ты боишься кого-то в самом себе и потому сочиняешь чепуховые сказки, занимаясь самообманом. Так что, дорогой мой, не стоит попирать ногами небо, а стоит наступить на «лицо» собственного бессилия и страха, чтобы изгнать из себя беса ненависти, зависти и злобы! Чтобы со временем не обратиться самому в беса ненависти, зависти и злобы и не принести в закляние ему ни родных, ни жену, ни детей. Для этой борьбы с самим собой человеку нужны недюжинные силы.

Я найду их в себе эти силы, я смогу вырвать ядовитые зубы своего беса.

* * *

СОБЫТИЯ... Они ПРОИСХОДЯТ, они ПРИХОДЯТ и УХОДЯТ одно за другим, выкладывая причудливую мозаику моей жизни. Осмысляя эту «мозаику», я не испытываю ни радости, ни грусти. Более того, в моей душе рождается ощущение неприкаянности, и я начинаю чувствовать себя всадником, упустившим из рук поводья. Мой лихой конь – нагромождение событий – несется вскачь, как ему Бог на душу положит: куда хочет и как хочет! А я, ничего не предпринимая, трясусь в седле и лишь разглядываю мелькающий пейзаж, при этом одновременно (и как бы со стороны) наблюдая и за самим собой.

Но однажды проснулось мое самолюбие и раздраженно спросило: получается, ты – никто? Ты бестолковый всадник, теряющийся в пыли происходящих событий? Ты – не центр процесса, более того, не с тебя этот процесс начинался, и не тобой будет завершаться, поскольку ты просто приложение к предписанным именно тебе тем или иным жизненным событиям. Ты маленькое и бессильное «нечто» в колоссальном водовороте космической реки жизни. Марионетка!

По всей видимости, так оно и есть, потому что иной раз я буквально физически ошушаю, как меня крутят и вертят СОБЫТИЯ и как сам я не в силах противостоять их натиску.

С определенного момента я начал воспринимать СОБЫТИЕ как живое существо, которое бесконечно сильнее меня. Я искренне радовался, когда удавалось сделать что-то запланированное именно мной! Я ощущал этот момент как свою личную победу! Однако чаще я был слаб и беспомошен перед силою Событий. Я не мог достаточно крепко держать в руках поводья и направлять своего коня по нужному мне пути и, хоть и старался контролировать его бег, но – увы! – чаще всего он несся вперед по своей собственной воле и сам выбирал ту или иную дорогу.

Эта скачка продолжается и по сей день. Иногда я бездумно подчиняюсь ей, иногда в душе моей вспыхивает страстное желание самому (и только самому!) управлять своим скакуном – своей жизнью.

Однако это желание нереальностью исполнения только рождает в душе моей новые мучения и новые безответные вопросы...

* * *

Жестокая истина, колючкой вонзившаяся в память, колется, царапается, режет, приносит боль.

Я вновь не могу уснуть и вновь почти всю ночь верчусь в своей постели. Несколько раз порываюсь встать, чтобы уйти в другую комнату и почитать книгу или поработать за своим письменным столом, но... не делаю этого, продолжая беспокойно вертеться с боку на бок. Наконец, измучившись, все-таки встаю и, взглянув на жену, с искренним удивлением понимаю: она тоже не спит!

Жена поймала мой удивленный взгляд, но никак не прореагировала на него. Странно! Обычно, ее крепкий и безмятежный сон был «предметом» моей зависти в бессонные ночи. И я всегда искренне считал, что ей не дано маяться душой так, как это присуще мне! Так что же произошло? Неужели и ее мучат мысли, подобные моим, и до утра не дают сомкнуть глаз?

Склонившись над женой и глядя ей в глаза, я тихо спрашиваю:

– Что с тобой?

Спокойным и каким-то потухшим голосом она шепчет:

– Бесполезно! Все бесполезно...

– Что бесполезно? Что с тобой случилось?

– Ах, оставьте меня...

– Говори!

– Я не люблю вас...

– Ты шутишь?!

– Нет, не шучу. И вы тоже не любите меня.

На какой-то момент я немею, переваривая услышанное. Затем вновь задаю вопрос:

– Почему ты решила, что мы не любим друг друга?

– Вы думаете о других женщинах и желаете их! (и с иронией в голосе) Разве это не так? Но... (и в голосе уже яд) и я думаю о других мужчинах и тоже желаю их (с горечью). Разве это можно назвать любовью?

– Что?!..

– ...

Не ответив, жена отвернулась от меня и закрыла глаза.

Ничего себе утренний диалог! Что-то во всем этом не так! И в нашем разговоре тоже что-то не так... А может быть, не так и во всей нашей жизни? Что я проглядел? Что упустил?

Так, я должен хорошо, очень хорошо все обдумать...

Я не стал продолжать этот напряженный диалог, потому что понял: в этот момент что-то – очень важное и для меня и для моей жены – просто висит на волоске! А я не хочу обрывать этот волосок. И потому промолчу. Да мне сейчас и нечего сказать! И в сердце, и в голове – хаос!

В эту минуту в соседней комнате заплакал ребенок. Жена тут же встала и пошла к нему. А я пошел в спальню к старшему сыну, посмотреть: не сползло ли у него одеяло? Потом потихоньку вышел в прихожую и зажег свет. Несколько мух, противно жужжа, тут же стали летать по комнате.

– И откуда только они взялись? – ворчу я и со злостью хлопаю их свернутой в трубку газетой.

Сейчас все равно чем заниматься, только не думать о... пока не думать...

* * *

Мне уже почти тридцать, а я – глупец, наивный романтик, все еще живу, ожидая чуда. Почему-то до сих пор ошущаю себя молодым парнишкой, у которого все радости жизни еще впереди, все настоящее и стоящее еще в будущем! И почему я живу именно так? Ведь я очень люблю реальную, «живую жизнь», но почему-то с большим удовольствием удаляюсь от нее в мир своих фантазий и грез. Там, в этом выдуманном многоцветно-ярком мире, я строю свою жизнь-мечту, нет, точнее, я проживаю сотни жизней в разных вариантах – и мне это очень нравится!

А может быть, так и должно быть? Может быть, «уровень человечности» в человеке как раз и измеряется его способностью мечтать, создавая потрясающие миры в собственном воображении? Может быть, только человек с дерзкой фантазией способен переосмыслить и изменить реальный мир, способствуя его дальнейшему развитию? По всей видимости, именно так оно и есть: человеческая индивидуальность проявляется в дерзких мечтах, которые потом претворяются в жизнь, и значит – уметь фантазировать – это дар Божий, это то, что дано людям одаренным и одухотворенным, то есть, далеко не каждому.

* * *

Ну, все, хватит! Мечты мечтами, но пока мои ноги совершенно не оторвались от грешной земли, следует собраться, сосредоточиться и рассказать о своей беде. Рассказать просто, не углубляясь в излишние подробности и не утомляя ни себя, ни читателей.

А все дело вот в чем: как бы я ни старался, сколько бы я ни работал, не покладая рук, я так и не смог четко «проложить курс» своей жизни. Какие только планы я ни строил, что только ни предпринимал, какие только надежды ни лелеял – все напрасно. В результате – только разочарования, мучения и страдания.

Решился махнуть на все рукой и... жить как живется, плыть по течению, не задумываясь («День прошел и, слава Богу, завтра новый настает»), – не получилось. В душе тут же поселилось скребущее чувство собственной безликости, никчемности, серости, чувство, ранящее мое самомнение, задевающее мои амбиции. Тогда я понял: жизнь-пустышка уничтожит меня как личность. Это не для меня. Копаясь в самом себе, понял и другое: «внутри» моего смирения и моей скромности живет высокомерие и даже зазнайство, а «под ними» вновь ютятся скромность, простота и даже застенчивость. Я осознал, что, по сути дела, приговорен к бесконечной смене этих своих «полярных качеств», что и сам не знаю, с какой стороны проявлю себя в тот или иной момент своей жизни? Получается, какое-то малоприятное двуличие, а точнее, даже «многоличие». Вот это и есть моя беда: анализируя собственную жизнь, прийти к выводу, что все проблемы гнездятся во мне самом! «Приятное» открытие, нечего сказать!

Ладно, но какое отношение все это имеет к тому, что я пишу? Зачем я так откровенно рассказываю о себе самом, о негативах своего характера? Не знаю... Возможно, где-то отыщутся родственные души, которые ошущают в себе те же «мучительные противоречия», что и я, и они поймут меня, и подспудно мне будет от этого легче.

Чувства-печали-проблемы человека – неотъемлемые составляющие его души, беспокоящие, тревожащие, лежащие, как бревно, «поперек дороги». Вот и меня они мучат так, что я не могу не писать об этом, не могу переключиться на что-то другое, потому что бесконечно спотыкаюсь об это «бревно». Я пишу. Я, как могу, откровенно рассказываю о своих проблемах и таким образом избавляюсь от мучительного, не-

прикаянного, тревожного и тягостного состояния. Возможно, ради этого и пишу... И потом, я – дитя своего времени, я – продукт своего времени, и потому все мои метания и сомнения есть своего рода характеристика нашего времени, маленькая часть его духовного составляющего. Разве не так?

Более того, в моих мыслях, как искры, проскальзывает опыт миллионов моих предков, тысячелетиями живших на земле. Получается, я – «маленький фрагмент» Великого Духа, живущего в пространствах вечности, я – один из его вестников! Значит, я – частица не только своего времени, но и ВРЕМЕНИ ВООБЩЕ. Во всяком случае, я так ошущаю себя, и именно это ощущение заставляет меня снова и снова братья за перо. И когда я остаюсь наедине с белым листом бумаги, я забываю и о своих бесконечных житейских проблемах, и о хлебе насущном, и о... я забываю обо всем, я – ПИШУ! – и именно в эти мгновения по-настоящему ошущаю себя Человеком!

Творчество для меня столь же свяшенно, как и молитва!

* * *

Ты давно уже понял и осознал, что ты – стрела, выпущенная по чьей-то воле и из чьего-то лука. Ты это признал. Это было причиной твоих страданий, твоего гнева и бунта, но... все равно ведь пришлось покориться судьбе, потому что иного не дано.

До тридцати тебе остался один шаг – один год, однако звон тревожных колоколов уже гудит в твоём сердце, уже тревожит твою душу. Не рано ли? Вроде бы еще достаточно силен и крепок телом, но... внимательному глазу (твоему собственному глазу!) уже заметны первые признаки наступающей старости. Все скоротечно в этой жизни!

Горький монолог, обращенный к самому себе.

Боже мой! Кажется, только вчера я жил в сказочном мире ДЕТСТВА! Только вчера ОНО баловало, ласкало и качало меня на своих коленях. И вот... уже ошущимо дыхание СТАРОСТИ. Становится жутко от осмысления ЭТОГО, от буквально физического ощущения быстротечности времени. До чего же коротко расстояние между ДЕТСТВОМ и СТАРОСТЬЮ! Всего лишь – моя жизнь. Я сам и есть это «расстояние».

Эти мысли порой выбивают меня из колеи. Получается, что все мои стремления, мечты, планы – все пустое! Все переживания, страдания, мучительное достижение целей – тоже пустое! Все самообман. Но если подвести такую черту под осмыслением жизни, тогда и жить не надо!

Нет, эти мысли надо гнать от себя, надо ЖИТЬ – значит работать, желать и добиваться исполнения своих желаний. Человеку ДАНА ЖИЗНЬ, значит, в том, как он ее проживет, и заложен главный смысл его пребывания в этом мире.

Так я взбадриваю самого себя, но... благородное волнение пройдет, и ремень решительности снова спадет с моего пояса. И снова мою бедную голову будут мучить бесконечные сомнения, а душу – терзать страх перед неумолимым бегом времени. В такие сложные минуты душевной апатии я откладываю многие свои дела «на завтра», а по истечении времени понимаю, что уже просто опоздал с этими «делами» и уже никогда не исполню задуманного, и это значит, что я не реализовал себя и уже никогда (в каком-то плане) не реализую. И это печально.

Есть нечто в жизни человека, к чему нет возврата, что навсегда становится добычей недостижимого прошлого....

* * *

Этот человек так сильно разозлил меня, что я даже не заметил, как подлетел к нему и с треском врезал кулаком по его физиономии! А когда он упал, я еще порывался избить его ногами! Злоба и ненависть так и клокотали во мне! Это было как умопомрачение!

В последнюю секунду я с трудом взял себя в руки. Моя негативная реакция на этого человека была так яростна и сильна и так мгновенна, как вспышка нестерпимого света, слепящего глаза.

Взяв себя в руки, я тут же подумал о том, что если бы не сумел в данной ситуации проконтролировать свой поступок, то, по всей видимости, просто убил бы этого человека, запинал бы его до смерти, и тем самым искалечил бы собственную судьбу. За

подобные проступки можно попасть в тюрьму, и тогда жизнь потекла бы совершенно по другому руслу. Однако я сумел сдержаться, и был благодарен сам себе за это.

Подобные ситуации в моей жизни были не раз, и я всегда (спасибо Всевышнему!) умел «услышать» голос своего разума, сдерживающего мои эмоции, и вовремя изменить ситуацию, спасая, таким образом, себя от непоправимой беды.

Все-таки слова о том, что «человек творит себя сам», имеют под собой серьезное основание, и контроль своих эмоций – одно из таких «оснований».

* * *

Опять сон пропал. Опять я маюсь в крепких объятиях своих беспокойных и тревожных мыслей.

Оглядывая свою жизнь, не могу сказать, что по-настоящему счастлив, что всем удовлетворен. Нет, конечно. У меня полно проблем – семья, дети, работа, разумное стремление к обеспеченной жизни и многое другое. Все это стоит сил, нервов, здоровья...

Но у меня есть и другое – есть Ты, с которой я (хоть на какое-то время!) могу забыть обо всех своих многочисленных проблемах! А у тебя есть я, и мы оба ценим это. Я думаю, что наша встреча не случайна, что это своего рода дар небес, дар, несущий истинную радость незабываемо сладких мгновений.

На свете много красивых женщин, до которых никогда не дотянется моя рука, да мне это и не нужно, потому что у меня есть Ты – чудесный «островок» счастья между Бытием и Небытием. Ты превращаешь мою жизнь, текущую без тебя, в ненужную ветошь. Всматриваясь в твои огненные глаза, я отчетливо вижу сверкающий меч судьбы, занесенный надо мной, и я смиренно склоняю голову перед этим мечом. Минуты, проведенные с тобой – это прекрасная поэзия моей жизни! Только с тобой я забываю о том, что такое ОДИНОЧЕСТВО! Только с тобой я и гибну и воскресаю! И это потрясает сладостно и прекрасно!

* * *

Что бы со мной ни происходило, Ты властитель моей жизни и судьбы, о Боже! Твои Зерна заложены в мою душу! Зерна проклевываются, поднимаются колосьями, растут, и вместе с ними расту и я, расту и в физическом и в духовном смысле. Это и неоспоримо и... спорно. Это рождает вопрос: Боже, кто Я? Некая безликая сущность, находящаяся в полной власти Твоих священных «зерен», или все-таки независимый разум, которому дано право отделять зерна от плевел?

НЕ ЗНАЮ...

* * *

Осень уже давно наступила, но я, влюбленный в нее, почему-то не взялся за перо. Почему? Не знаю. И время у меня вроде бы было, и интересные мысли, но... отчего-то не доверил я эти мысли бумаге. Может быть, это происходит потому, что я уже не ощущаю в себе того особого накала чувств, который еще так недавно будоражил мою кровь, или потому, что мои эмоции, перегруженные бесконечными житейскими заботами, притупились и поблекли. Может быть... Не могу сейчас честно ответить на этот вопрос, но точно знаю одно: я стал более сдержанным и спокойным.

Я изменился. Еще совсем недавно голова моя шла кругом от любви, и я совершенно искренне готов был на все ради очередной возлюбленной! А сегодня смотрю на свои любовные страдания, метания, переживания... с откровенной иронией. В то же время эта ирония вселяет в меня тревогу. Человек должен гореть в любви! Именно это чувство дает ему и физические и духовные силы! Именно оно окрыляет, а пресыщенность жизнью и безразличие – это как вирус неизлечимой болезни. И это уже и опасно и страшно!

Действие этого «вируса» я ощущаю на себе, потому что мне (с моими резкими перепадами в настроении) опять тоскливо. В такие моменты я ощущаю себя жалким и беспомощным, подобно больному, который знает, что не сегодня-завтра умрет. А между тем вроде бы и нет причины для грусти. Стоит прекрасная погода. Осень прощается со мной, а на пороге уже маячит зима. Однако в моем благословенном крае

нет еще ни холода, ни слякоти, ни серых унылых туч, напротив: ласковое и почти весеннее солнышко заглядывает в окна, наполняя комнаты своим уютным сиянием. Мне есть, чем заняться, мне есть куда пойти. И, тем не менее, я вновь попал в сети великой печали. И, зная себя, я понимаю, что не смогу просто отмахнуться от нее. Не получится. Я должен заглянуть ей в глаза, я должен до конца «перестрадать» ею, потому что только так обрету желанную свободу.

Боже мой, ну почему я не могу быть, как все? Почему мне недостаточно просто пить, есть, тонуть в повседневных бытовых заботах и... смиренно ждать смерти. Почему в моей душе горит желание сделать что-то такое, что разрушило бы представление о границах человеческих возможностей! Но я не знаю, с какой стороны подойти к осуществлению этого желания! Иной раз мне кажется, что я не способен ни на что, кроме как мараить бумагу, выплескивая на нее ураган своих мыслей и страстей.

Может быть, стоит быть мужественным и признать все свои дерзкие мечты пустым бредом? Может быть, стоит отмахнуться от всех своих фантазий и жить как все. Но ведь тогда я просто исчезну. Я перестану существовать, как личность. Это «как все» для меня смерти подобно – и ничего мне с этим не поделать!

Я смотрю на деловых людей: кто-то из них занят бизнесом, кто-то политикой... Реалии мира их «хлеб», они не мучат себя бесполезными, с точки зрения карьеры и накопления капитала, вопросами. Все у них четко и ясно. Формула жизни – это счет в банке. Они уверены, что творят будущее.

А я?!

А я живу в вечных сомнениях, опутанный бесконечными жгучими вопросами, на которые не могу найти достойных ответов. Моя жизненная энергия тратится на самоисследование и самоистязание, на неудовлетворенность и, как следствие, душевную неуспокоенность и страдания.

Честно говоря, иной раз я искренне завидую тем, кто «просто живет», не напрягая извилин в своей голове, не истязая себе никаким «духовным кризисом».

Но только «иной раз»!

Чаше мне, мне просто жаль тех, кто никогда не задавал себе жгучих вопросов, не мучился ночами от бессонницы, не страдал оттого, что не может постичь всю сложность нашего мироздания с его таинственными категориями жизни и смерти. По сути дела, в моем понимании, это несчастные, забытые Богом люди, потому что им МНОГОГО НЕ ДАНО!

* * *

Иной раз я подобен несчастному бездомному псу, которого безжалостно треплет и гонит злодейка судьба. Кажется, еще совсем недавно я был озорным непоседо-малышом, избалованным любовью своих родителей, а сегодня уже мой сын сидит и играет у меня на коленях.

Вроде бы только вчера был молодым, веселым и беззаботным пацаном, а сегодня уже привыкаю к тому, что подростки называют меня «дядей». Поначалу это и коробило, и злило, и раздражало, но – жизнь не обманешь! – значит, пришел срок, и я уже выгляжу «дядей».

Вот так все быстро!

Только вчера, обдавая жаром своей огненной пасти, горело и плавилось наше знойное азиатское лето, а сегодня в воздухе тает напоенное запахом прелой листвы прохладное дыхание осени...

Только вчера мое сердце горело страстным желанием бросить все и уехать в далекие-далекие края, а сегодня я хочу только одного: быть единым целым со своей родиной и никогда не покидать ее.

Только вчера я мог часами смотреть в глаза своей возлюбленной, не спать ночами, бредить ею, посвящать ей стихи и писать ее портреты, а сегодня – увы! – нет волшебной пери, по которой бы я сходил с ума, сегодня я думаю о красивых женщинах «вообще», без шемящего трепета в груди.

Только вчера я был уверен в том, что, как только вырасту, исцелю потрескавшиеся от тяжелой работы руки своей матери, а сегодня понимаю, что эти руки еще больше трескаются и грубеют, служа мне, ее любимому сыну.

Только вчера я рвался завоевать весь мир, а сегодня таю, исчезаю, гибну в его всепожирающем жерле...

Только вчера я думал, что эта жизнь год за годом, месяц за месяцем, день за днем будет приближать меня к Создателю, а сегодня чувствую, что чем дольше живу, тем больше грешу, и значит, тем сильнее отдаляюсь от Него...

Только вчера я был готов душу отдать за друга, а сегодня с горечью констатирую, что не осталось у меня истинных друзей – верных, независтливых, искренних, открытых сердцем – так что, получается, не за кого отдавать душу...

Только вчера быть писателем казалось мне самым великим делом на земле, а сегодня я хватаюсь за перо и бумагу и делаю это только потому, что не хватает мне смелости и мужества схватиться за петлю и всунуть в нее свою голову, и разом оборвать все свои страдания...

Только вчера, видя порочный мир, я клялся, что все в нем исправлю, а сегодня – повзрослев – извелся, не умея уберечь от порока не то что «весь мир», но даже самого себя...

Только вчера я твердо знал, что буду делать, чем займусь, куда пойду, какой из бесчисленных «путей» выберу, чтобы достичь своей цели, а сегодня мечусь по бездорожью своей жизненной пустыни и бесконечно молю Бога то об одной милости, то о другой...

Кажется, что только вчера я вышел из кишлака, оставив дом своих родителей, а сегодня понимаю: уже «прошло время», уже «набежали» месяцы и годы воспоминаний.

Сколько воды утекло! Сколько страданий претерпели сердца моих драгоценных, любимых родителей! Велика тоска их по сыну, покинувшему дом в поисках своей судьбы! А часто ли я навешал их? Раньше – да, а теперь все реже и реже, потому что все время ДЕЛА. А разве могут сравниться какие бы то ни было дела с любовью твоих близких и, прежде всего, отца и матери! Нет, конечно, и тем не менее, эти дела закручивают меня, съедая мое время, и я просто тону в каких-то незначительных, проходящих мелочах.

Люди, словно воины, поражаемые стрелами судьбы, один за другим покидают поле битвы – наш бранный мир. Разглядывая фотографии, с горечью констатирую тот факт, что некоторых друзей, с которыми стою на снимке – улыбающийся, в обнимку – уже нет. Стрела смерти не пожалела молодых ребят, которым бы жить да жить, и... нет никакой гарантии, что она пожалеет меня.

Конечно, можно подойти к этим грустным фактам с другой стороны: все мы – временные жители этого мира и вечные жители «мира иного». Может быть, и не стоит до такой степени цепляться за эту жизнь, а стоит просто осознать ее как путь к определенной цели.

Так, стоп, приятель! – обратился я к самому себе. Так можно дофилософствоваться черт знает до чего. Повесь-ка ты лучше замок на рот, чтобы не завратиться и не начать молоть чепуху. Живи, но не просто живи, а анализируй свое «бытие», чтобы знать, ради чего живешь, на что тратишь отпущенное тебе судьбой драгоценное время.

* * *

Уже давно никому не пишу писем... И ни от кого не жду писем...

И мечты мои перегорели и потеряли свой розовый цвет... И весна теперь не будет врываться в мою жизнь, как раньше. И осень будет прощаться со мной иначе. И если раньше смена времен года таила в себе много-много радостей, то теперь все вокруг имеет для меня привкус горечи и сожаления...

* * *

Когда я был ребенком, я с восторгом смотрел на старших, а теперь, когда я вижу устремленные на меня детские глаза, искрящиеся светлой радостью, мне хочется обнять этих малышек и... долго-долго плакать.

Когда-то ЦЕЛЬ, ярким факелом пылающая где-то там впереди, манила меня к себе и придавала смысл моей жизни, а сегодня пепел моих бесконечных неудач, проблем и невзгод шиплет и застилает глаза. Теперь я даже не знаю: куда мне идти и что делать?

Словно потерявший свою кыблу¹ мусульманин, я озираюсь по сторонам в поисках смысла своей жизни...

* * *

... Я всего лишь старался написать о том, как оно все есть, и только теперь понял, что написать об этом – за пределами моих возможностей. Не может человек быть бес-предельно откровенным, вот и я не всегда осмеливался честно и до конца раскрыть себя, излив все свои мысли на бумаге. У каждого человека есть такой «подпол души», куда он никого и никогда не пустит. Если с полным откровением анализировать все свои чувства и поступки, то можно сломать стержень собственной индивидуальности и, в результате, потерять самого себя. Осознав это, я прикусил язык. Видимо, творчество – это та же игра: возможно, кто-нибудь, раскрывая перед читателем тайники своей души, пойдет дальше меня и большего достигнет. Возможно... Однако я уверен: никто не будет откровенным до конца, поскольку это противоречит самой психологии человека. Обязательно останется «нечто» недосказанное, «нечто», определяющее дистанцию между тем, кто изливает душу, и тем, кто слушает.

* * *

Я проснулся, бодрый и радостный, и подошел к полуоткрытому окну. Тишина, красота и торжественность ночи очаровали меня... Свет полной и яркой луны, подобно волшебной крышке, накрыл весь мир, как бы охраняя и защищая его. А для меня сейчас в центре всего мироздания было огромное Дерево, с мощным стволом и густой кроной, важная особа, разбудившая меня среди ночи! Это Дерево я часто вижу во сне. Почему ты мне снишься? – это я Дереву. Оно тяжело качнуло пышной кроной, зашелестело, зашептало, как будто желая рассказать мне о чем-то, поведать какую-то тайну. Я внимательно вслушивался в этот таинственный, тревожащий мою душу шелест, но – увы! – не понимал язык Древа. А как было бы прекрасно, если бы понимал! Смогу ли я когда-нибудь сделать это, или так и покину мир под звуки колоколов сожаления? Не знаю! Но это непонимание рождает в моей душе ощущение одиночества.

Эй, Дерево, кто ты? А я кто? А ведь внутри меня есть еще «кто-то» и, может быть, я только тень его...

III ЧАСТЬ

Когда я закрыл тетрадь, было уже поздно. Посмотрев на часы, я увидел, что стрелка коснулась цифры «пять», но не сразу сообразил – было ли это пять вечера, или пять утра? Не вставая со стула обернулся и посмотрел за окно: там плескалась тьма, усиливался ветер, все сильнее и сильнее раскачивая оконную раму. Дверь так и стояла приоткрытой (как я ее и оставил, входя сюда), словно ожидая прихода таинственного Кого-то...

И только «песня» деревьев все звучала и звучала, но уже не где-то за окном, снаружи, и даже не в этой странной, брошенной комнате, а внутри меня, заполняя все мое существо...

(Конец)

Перевод с узбекского Замиры Касымовой и Ольги Григорьевой

¹ Священное место в центре Мекки, в направлении к которому молятся все мусульмане.

НОВЫЕ ИМЕНА

Наталья КРОФТС

Родилась в г. Херсоне в 1976 г. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Поэт, переводчик, автор трех сборников стихов, а также ряда публикаций в русскоязычной периодике (журналах «Юность», «Работница», «Дети Ра», «Слово\Word», «День и ночь», «Австралийская мозаика», «Интерпоэзия», «Литературная газета» и мн. др.). Английские стихи вошли в четыре поэтические антологии издательства Forward Press, Великобритания. Лауреат нескольких литературных конкурсов, в том числе – «Согласование времен», «Золотое перо Руси», «Цветавская осень», «Пушкин в Британии» и др.

*От южных городов
Я прихожу в восторг –
От ярких тех небес,
От пряных тех базаров,
От горных тех ручьев,
Где я беру исток...*

А. Филатов.

Волею судьбы мне довелось пару лет поработать на Востоке – в том числе, даже совсем недалеко от Узбекистана, в соседнем Казахстане. Ярче всего запомнилось чувство, что я – дома: среди теплых, сердечных, душевных людей, которые ценят прекрасное и хранят свою культуру. И сейчас, живя в далекой Австралии, я часто вспоминаю слова Киплинга: «кто услышал зов Востока, вечно помнит этот зов». Поэтому я с радостью посылаю читателям журнала «Звезда Востока» подборку своих стихов. Хочется верить, что пройдет совсем немного времени – и мне посчастливится увидеть Узбекистан не только в воображении, но и воочию. Поэтому – до скорой встречи!

Ветер странствий

Осколки

Разбиваются – опять – на куски
все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
и болтает – на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли –
может, склею – зажимаю в кулак.
Но мечты уже – в дорожной пыли:
и не там я, и не с тем, и не так...

Только вишенкой на рваных краях –
на кусочках – темно-красным блестит
капля крови – от мечты острия,
от осколка, что сжимаю в горсти.

Моя Одиссея

Рассеян по миру, по морю рассеян
мой путанный призрачный след.
И длится, и длится моя Одиссея
уж многое множество лет.

Ну что, Одиссей, поплывем на Итаку –
на север, на запад, на юг?
Мой друг, нам с тобою не в новость – не так ли? –
за кругом наматывать круг

и загодя зная, что по волнам рассеян
наш жизненный путанный путь...
Слукавил поэт – и домой Одиссея
уже никогда не вернуть.

Второй ковчег

По паре – каждой твари. А мою,
мою-то пару – да к другому Ною
погнали на ковчег. И я здесь ною,
визжу, да вою, да крылами бью...
Ведь как же так?! Смотрите – всех по паре,
милуются вокруг другие твари,
а я гляжу – нелепо, как в кошмаре –
на пристани, у пирса, на краю
стоит она. Одна. И пароход
штурмует разномастнейший народ –
вокруг толпятся звери, птицы, люди.
...Мы верили, что выживем, что будем
бродить в лугах, не знающих косы,
гулять у моря, что родится сын...
Но вот, меня – сюда, ее – туда.
Потоп. Спасайтесь, звери, – кто как может.
Вода. Кругом вода. И сушу гложет
с ума сошедший ливень. Мы – орда,
бегущая, дрожащая и злая.
Я ничего не слышу из-за лая,
мычанья, рева, ора, стоны, воя...
Я вижу обезумевшего Ноя –
он рвет швартовы: прочь, скорее прочь!
Второй ковчег заглатывает ночь,
и выживем ли, встретимся когда-то?
Я ей кричу – но жуткие раскаты
чудовишного грома глушат звук.
Она не слышит. Я ее зову –
не слышит. Я зову – она не слышит!
А воды поднимаются все выше...
Надежды голос тонок. Слишком тонок.
И волны почерневшие со стоном
накрыли и Олимп, и Геликон...

На палубе, свернувшись, как котенок,
дрожит дракон. Потерянный дракон.

Письма с Мертвого моря

Хочешь,
я привезу тебе соль
из далекого моря?
Белоснежно-сверкающий,
твердый, искристый кристалл.
Он впитал
столько слез и веков,
столько воли и боли...
Даже доли соленой той соли
ты в Европе, поверь, дорогой,
никогда б не достал.
Я ее соскребу с валуна
возле Мертвого моря,
где на вязкой воде – столько лет –
Иисуса следы.
Чувство легкости – не утонуть! –
чувство смерти и горя,
и содомову муть,
и предчувствие
где-то под боком беды –
все впитала в себя эта соль.
А тебе стоит только кивнуть –
привезу я в подарок плоды
этой вязкой воды.

Хочешь,
я привезу тебе древний светильник
из Петры?
Освещал он палаты царей
или плечи цариц.
Здесь теперь – только замки в скале,
что взлетают на многие метры,
выше птиц,
и за ними летишь –
каждым взмахом ресниц.

Я б хотела любовь привезти.
Ты такую не сыщешь.
Я ее просолила
на спинах пяти континентов,
на вечных ветрах,
и в скалистых горах,
где отчаянье яростно свишет.
А еще я ее просолила
в своих нескончаемо-грустных стихах.

Привезу я в подарок тебе –
словом, что ни попросишь...
Вот – Жар-Птицы перо,
или – шелк, о котором мечтала Ассоль.
Я б хотела любовь привезти.
Но ее – поиграешь и бросишь.
Ну а соль – пригодится.
С тобою останется
белая соль.

* * *

Я – желтый листик на груди твоей.
 Меня на миг к тебе прибило ветром.
 Вот и конец. И не найти ответа,
 Зачем в тиши изнеженного лета
 Поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
 Мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

Любовь в эпоху интернета

За грош продашь и явь, и хладнокровье.
 Зачем тебе их скучный мир, поэт?
 Назад, назад, туда – в средневековье,
 где «дама сердца» – эфемерный свет.

И светится экран – и «страсти пылки»...
 А, может, и не страсти. Все равно.
 Меня – шелчком, как джина из бутылки –
 за много верст, за много миль, за мно... –

ты вызываешь... И путем астральным –
 не затеряться б! – на луче лечу
 меж миром виртуальным и реальным –
 стихов и снов – и выдуманных чувств.

* * *

Земле Синбада-морехода
 Мираж Омана...
 Как заволакивает горизонт песок...
 Восток.
 Кальяна дымный шепоток.
 И запах яблок, пыли и обмана...
 Нет – не обмана. Сказок и преданий
 Что вьются, как дымок, меж старых зданий,
 Чаруют, кружат – за витком виток.
 Нашепчут про Синбада-морехода,
 Про чудеса далекого похода –
 Слова тебя завертят, как поток...
 Оман.
 Кальяна дымный шепоток.
 Дурман.
 И дым тягучий – за витком виток.
 Обман –
 Что непонятен и жесток Восток.

Даниэль ВАСИЛЬЕВ

СКАЗОЧНИК

Повесть

Несмотря на годы, Петр никогда не ошибался. Сказок, рождавшихся пусть не так легко и многоплодно, как в молодости, все же вполне хватало, чтобы охватить всех, с кем ему приходилось иметь дело. И главное, что его истории продолжали эффективно лечить восемьдесят процентов заболевших. Собственно, Петр никогда и не задумывался о том, что когда-нибудь талант ему откажет, ведь теперь он стал уверенным в себе, крепким профессионалом, не утратившим при этом мечтательности и юношеского задорного порыва.

И хотя всему когда-то приходит конец, Петр ожидал, что он придет к нему вместе со смертью, которая пока еще не смела показаться на его пороге. Но судьба рассудила иначе.

Однажды его перехватили прямо на «обходе», гонец нашел Сказочника в одной из приморских деревень, где люди жили трудным морским промыслом. И передал Петру срочную телеграмму тогдашнего Правителя страны. Правитель просил его поспешить в пригород Столицы, в уютное поселение, где трудилась группа передовых ученых.

Скорая карета прилагалась.

Мужей науки поразила Болезнь, и жизни их доверяли самому известному Сказочнику, Петру. Конечно, в Столице и без него было кому поспешить на помощь ученым, но это ведь не просто сельяне, каждый из группы умников ценился даже больше чем Сказочник, ведь система образования давно умерла и вырастить настоящего служителя науки, который мог бы потенциально переплюнуть оказавшихся бессильными перед Болезнью ученых светлого прошлого, стало делом весьма трудным.

Та группа не просто искала пути спасения Человечества, заверял его в послании Правитель, не просто исследовала, тшась понять Болезнь. Но подошла к успеху в своих поисках настолько близко, что вот-вот ожидала победы!

Обязательно надо было спасти если не всю группу, то максимально большую ее часть. Трое столичных Сказочников уже дежурили там, в Наукограде, чтобы приняться за дело, если вдруг Петр задержится. Тем временем, Болезнь прогрессировала и достигла третьей, последней фазы. В таком состоянии для больных все, или почти все, решала первая сказка, первый же сеанс. До второго они могли просто не дожить.

Всякий опытный Сказочник со временем понимал простую истину – лучше и эффективней сказка работает тогда, когда она специально подобрана для конкретной аудитории. При условии, что аудитория, как в этом случае, относительно однородна. Сказка должна не просто прозвучать, но и понравиться, заинтересовать слушателей, должна соответствовать их уровню интеллекта, их мировоззрению, быть им понятной. С учеными в этом плане было сложнее всего, ведь больших скептиков было не найти.

Но Петр был мастером своего дела и трудностей не испугался. Заранее сказку он не сочинял, предпочитая рискнуть и рассказать заболевшим сказку слету, то есть сочиняя ее на ходу. Ведь такая сказка считалась самой эффективной.

– Сюда, мэтр, поспешите, – встретил его бледный паренек. – Мы уже все приготовили, они... ждут вас в большой лаборатории.

Ученые действительно ждали его. Не осознанно конечно, Болезнь зашла слишком далеко.

Петр осмотрелся, поморщился от резкого запаха в лаборатории, с осуждением окинул взглядом загадочные приспособления, колбы, перегонные аппараты, сел на простой железный табурет и громко постучал по столу своей тростью, привлекая к себе замутненное внимание пациентов.

– Жил-был Кот, хулиган и непоседа. Как и всякий житель волшебной страны, Кот не только умел ходить на задних лапах и кушать ложкой, но мог и разговаривать, и даже читать. Как всякое порядочное животное, он отучился в школе, а потом получил степень бакалавра исторических наук. Так вот, еще в молодости, листая один пухлый томик, который рассказывал всякому грамотному читателю о верованиях далекого прошлого, он наткнулся на любопытнейшую легенду. Та гласила, что всякая кошка имеет девять жизней.

Петр перевел дыхание и оглядел пациентов. Те лежали молча и покорно внимали. У них и выбора не было.

Покрутив немного, для лучшей выживаемости слушателей, историю кота и так и этак, Петр перешел к сути.

– И вот, убегая от разъяренного папаши той милой лисички, Кот взобрался на высокое дерево да не заметил, что оно уже было облюбвано матерым, здоровущим орлом. Хищная птица, в отличие от него, замечала все, что происходит вокруг, а потому не преминула воспользоваться случаем и схватила дуралея когтями, да и взмыла в небо, довольно клекоча. Ну вот и все, подумал Кот и приготовился умирать. Орел нес свою добычу гордо, но не забывал поглядывать по сторонам. Однако, уже снижаясь, он не заметил маленькой мошки, что спешила по небу по своим мелким делам. Мошка попала Орлу прямо в нос, где и померла моментально. А Орел, поперхнувшись, запаниковал, зачихал и стал падать. Кот из добычи превратился в тяжкий груз, который мешал Орлу, так что тот посчитал за лучшее расслабить когти и выкинуть Кота вон. Но кот, вдруг вспомнив о старой легенде, не пожелал терять сразу две жизни кряду, теперь уже он сам вцепился в Орла так, что стряхнуть Кота птица никак не могла. Так они и упали вдвоем, только вот хитрый Кот оказался сверху, смягчив себе падение телом Орла.

Петр уже видел маячившую впереди мораль и торопился довести ее до пациентов. Кот раз за разом попадал в опасные ситуации, но всегда выходил из них победителем, потому что после встречи с Орлом окончательно уверовал в то, что у него девять жизней, а потому не боялся смерти и никогда не терял хладнокровия. Никогда не поддавался ужасу неминуемости, барахтаясь в молоке до тех пор, пока оно не становилось маслом.

Всякий раз Кот хвастался своим даром, своими девятью жизнями, и многие верили ему. А кто не верил, тех он поднимал на смех, ведь его приключения доказывали, что легенда не врет.

Но вот однажды Кот решил подсчитать, сколько же жизней он израсходовал, сколько раз мог умереть? Оказалось, он пережил восемь смертей. Кот ужаснулся, ведь следующая смерть должна была стать последней!

Петр ненадолго задумался о том, как завершить сказку. Кот, переставший верить в то, что бессмертен, должен был умереть, потому что именно вера помогала ему спастись в каждой из опасных ситуаций. С другой стороны, не хотелось Петру убивать своего главного героя. И все же, иного выхода он не находил, сказку требовалось закончить.

– Испугавшись неминуемой смерти, Кот заперся дома и никуда не выходил. Ведь на улице непременно могло что-нибудь случиться! Добрые соседи подкармливали Кота, так что голод ему не грозил. Но вот однажды в волшебном лесу случился пожар. Все звери побежали к спасительной реке, и только Кот не пожелал выходить из домика. Он знал, что там, на улице, он точно сгорит, а если нет, так его задавят, а может быть,

он утонет в реке, может быть... да мало ли что может произойти? Нет, думал он, нельзя ничего делать, тогда смерть, возможно, погодит забирать его последнюю, девятую жизнь. Но когда звери вернулись к сгоревшим домам, Кота они не нашли. А от его дома осталась только кучка дымящегося пепла. Тогда мудрая Сова сказала зверям: посмотрите на Кота, он променял одну надежду на девять жизней, забыв о том, что девять жизней когда-нибудь закончатся, а надежда умирает последней. Помните о нем и не повторяйте его ошибки, не теряйте и не меняйте надежду ни на что на свете!

Ученые молчали. Сказка должна была подействовать в течение суток, поэтому Петр поднялся и ушел.

Новость, которую принес следующий день, поразила Петра – все ученые впали в горячку. А еще через день они скончались. Ладно бы один или два, пусть даже половина, пусть, ведь сказка могла оказаться неудачной – такое бывает и довольно часто. Но чтобы все сразу! Подобного с Петром не было никогда.

Правитель вызвал Петра к себе и прямо сказал:

– Мэтр, ваши сказки никогда не лечили меньше половины пациентов, так?

– Да-да, никогда... но позвольте...

– Нет подождите! Вы понимаете, как это выглядит со стороны?

– Что именно? – удивился Петр.

– И вы еще спрашиваете? Ха-ха, какая наивность, честное слово. Позвольте, я открою вам глаза, Петр. Группа лучших ученых Страны подходит к созданию лекарства от Болезни как никогда близко. И вот, роковая случайность, все они заболевают, не успев сделать последний шаг! А лучший в Стране, а то и в мире, Сказочник, запершись с ними в одном помещении, рассказывает ученым что-то такое, что убивает их всех до единого!

– На что вы намекаете? – возопил Петр.

Понятно на что. Да и как не заподозрить в этой ситуации профессиональной ревности, приведшей к убийству. Ведь достигли ученые успеха, Сказочники оказались бы не у дел, потеряли бы свое влияние, свой особенный статус.

Правитель после долгого разговора вроде бы поверил в невиновность Петра, но скандал все равно разразился, каким-то образом распространились слухи о смерти ученых, которые чуть ли не создали уже Лекарство, и Петра все чаще открыто стали называть не Апостолом, а Убийцей.

Лицензии его однако не лишили. Петр вернулся к работе, которой, правда, стало куда меньше. Теперь в его район перевели другого Сказочника, Петр же остался как бы на подхвате у него. Скрипя зубами, старый Сказочник простил людей и продолжал работать и жить. Ведь он-то знал, что не виноват. В конце концов, никто не застрахован от ошибок и неудач.

И вот, судьба подарила ему второй шанс. Заболела жена того самого Правителя. Иные Сказочники оказались бессильны, их старания ни к чему не приводили. Тогда Правитель вспомнил об опальном Петре и вновь призвал его в свой дом.

– Проси чего хочешь, но спаси ее! – молил Правитель. Он искреннее любил жену.

Петр не стал рисковать и загодя придумал сказку о вернувшемся с войны солдате и вдове, которую он случайно встретил по дороге домой. Душа солдата была опалена смертью друзей, ужасами войны. Но вдова, потерявшая мужа в той же войне, приняла его и лаской и терпением, особым женским волшебством излечила больную душу. Сказку о том, что каждый мужчина ищет покоя, но порой только магия истинной любви может помочь мужчине обрести его. История была романтична и полна любви – как раз то, что любили счастливые женщины не первой молодости, то, чем жили и они сами.

Жаль, что сам Петр знал о любви только из книжек.

Жаль, что жена Правителя все-таки умерла. Ну, а Правитель не простил ее смерти Петру. Почему-то именно ему, хотя ведь и другие Сказочники были виноваты не меньше. Может быть, потому что именно Петр лишил Правителя последней надежды?

Петра лишили диплома, отобрали лицензию, запретили лечить и настойчиво попросили не появляться в Столице.

Так закончилась карьера великого Сказочника, в одночасье растерявшего все свое

величие. А ведь ту заветную Сказку, он найти так и не успел...

Остаток жизни Петр решил прожить отшельником. Он выбрал тихое место на берегу Моря, там где над самым его берегом нависал мощный дикий лес. Питался моллюсками, водорослями и дарами леса. Он перестал сочинять сказки и окончательно отдал свое сердце ненависти и погрузился в борьбу за выживание в непростых условиях. Труд и ненависть защищали его от Болезни и справлялись пока не хуже доброй сказки.

Петр возненавидел людей!

Он, служивший им всю жизнь, вдруг оказался несправедливо обвиненным, порицаемым и выброшенным на свалку. За что? За пару ошибок? Разве ж это справедливо?

Иногда он пробовал сочинять, но не получалось. Что-то сломалось в нем. Когда-то, в прошлой жизни, один из преподавателей Академии сказал ему, что сочинять - это как ходить в туалет по большому – требуется спокойствие и сосредоточение. Так вот, теперь Петра поразила хронический запор.

У старика осталось две радости в жизни: тишина и размышления о мести. Тишина вылушивала боль, одаривала спокойствием. А воображаемая месть приносила удовлетворение.

Частенько, особенно первое время, его находили жители относительно недалеких деревень. К нему приходили больные или родители больных, жены или возлюбленные, иногда дети или внуки. В этой глуши Сказочники появлялись редко, не всегда они успевали спасти обреченных на смерть, поэтому прознав о том, кто поселился рядом, деревенские потянулись к Петру с надеждой. Но он всегда отказывал им.

Вы, негодовал он, упиваясь сладким чувством, вы отвергли мой талант, усомнились в нем, а теперь приходите и умоляете о помощи? Путь твой ребенок умирает у тебя на глазах, пусть корчится в муках кормилец, пусть погибает жена, а я и пальцем не пошевелю. И не надо падать на колени, не надо рыдать, ибо это бесполезно. Хотя нет, плачь, умоляй, ползай в грязи, переживи хоть толику того унижения, что чувствую теперь я. Твое унижение заслуженно, а мое – нет.

Через пару лет люди перестали к нему приходиться. Петр ждал теперь лишь одну гостью – свою смерть. Ждал почти с нетерпением, хотя и сожалел о том, что так и не совершил главного. Впрочем, сожалел не сильно, потому что потерял всякую надежду на то, что это возможно в принципе.

И все же, прежде смерти его посетил еще один гость.

– Хозяин! Открывай, я пришел, – раздался ранним утром задорный молодой голос.

Кряхтя и ругаясь Петр пошел открывать. Пошел быстро, потому что обрадовался очередному просителю – уж больно давно их не было.

На пороге стоял молодой парень лет двадцати пяти- тридцати, довольно красивый, ладно одетый, кудрявый и темноволосый. И он явно был здоров и весел. Улыбка так и светилась всеми тридцатью двумя мраморно-белыми зубами.

– Ты кто такой? – зло спросил Петр. Он уже понял, что ошибся, и теперь все сильнее раздражался. Умолять и ползать на коленях перед ним сегодня никто не станет. А жаль!

– Пусти, хозяин, я путник мирный, хлопот не причиню, – продолжал льбиться гость.

– Убирайся, гостей не жду!

Петр попытался закрыть хлипкую дверь, но не сумел – парень ловко сунул в шель носок сапога. Старик понимал, что не ему, немощному и от природы и от возраста, бороться с молодым и сильным парнем. Однако, гнев на милость не сменил.

– Это еще что такое? А ну, гольтьба чумная, убери ногу. Убери, я сказал!

И нажал что было сил. Безо всякого эффекта разумеется. Утренний гость, ослепляя хозяина берлоги настойчивой улыбкой, ласково сказал:

– Не злись, отец, пусти. Зла во мне нет. А пришел я издалека специально по твою душу. Обрати ни с чем, прости, не ворочусь.

– Что значит по мою душу? Пугать вздумал? Так знай, я смерти не боюсь, не смей меня...

– Отец, да что с тобой? – перебил брызжущего слюной старика пришедший за

душой. – Или вконец уши загнулись? Не слышишь разве, с добром пришел, ты ведь Великий Петр, которого еще Апостолом прозвали?

– Ну... – растерялся Петр. – Возможно. И что с того?

– Так значит верно я пришел! – обрадовался гость и заулыбался еще шире. – Пустишь?

Петру не хотелось уступать настырному парню, но с другой стороны, тот разбудил в нем любопытство.

– Тьфу! – плюнул он в сердцах. – Упертый какой. Ну заходи, все равно ж мне с тобой не совладать.

Парень зашел, оттеснив старика вглубь косою избушки, огляделся, глянул на Петра с сочувствием:

– Не богато у тебя тут. Не развалится ли?

– Чего хотел? – ворчливо спросил Петр. – Неужели не забыли меня еще в миру-то?

– Забыли? О чем ты говоришь, отец? Таких людей не забывают столетиями!

– Каких это «таких»? – передразнил его Петр, хотя и было ему весьма приятно слышать подобное. Однако же, радость он показывать давно разучился.

– Известных Сказочников, которым в программе Академии целый урок посвящают! Чьи сказки Академики по словам и точкам перед учениками препарируют, до сути докапываясь. Таких, сочинения которых в Хрестоматиях печатают, вот каких.

– Неужели? – Петр все же начал таять. А кто бы выдержал? – Неужели прямо таки печатают и преподают? Свежо предание, да верится с трудом. Ты-то откуда знаешь?

– Так я недавно из Академии. Выпускник прошлого года, отец, так что ты угадал, сведения у меня самые что ни на есть свежие, хе-хе, высший сорт, брака не держим. Да что мы все стоим, сядем, может?

– Погоди устраиваться, говори, зачем искал меня?

– Так я же говорю, – парень все-таки отыскал глазами чурбан и плюхнулся на него. – Сказочник я, выпускник. Хочу таким, как ты стать, великим. Ты, наверное, не помнишь, но ходит среди студентов такая легенда, что однажды один из нас придумает такую Сказку, что сможет лечить больных бесконечное число раз, даже будучи написанной, она...

– Я помню, – разом утратив всю хилую доброжелательность, буркнул Петр. – Еще как помню, только неправда это!

– Почему?

– Потому что я искал ту Сказку всю свою жизнь... байка это, самая настоящая сказка, причем глупая, безо всякой морали. Уходи, тут ты ее не найдешь! Уходи, говорю, а не то палкой прогоню!

– Ну и что, что ты не нашел? – парень проигнорировал угрозы, будто бы и не слышал их. Как ни странно, это остудило пыл Петра. Всерьез его брань гость не воспринимал, не боялся. – На тебе свет клином не сошелся. Может, я найду? Но, чтобы не начинать все с начала, хочу у тебя поучиться науке.

– Мне запрещено... лечить. А значит, и учить нельзя. Не Сказочник я больше.

– Фи, будто бы Академики все как один сказочники. Перечники они старые, науку знают, а таланта нет, вот и сидят в Академии, строят из себя великих и могучих. Нет, отец, не зря я пришел, талант-то запретить невозможно, изжить его нельзя, тлеет в тебе его искорка, вот и я хочу от нее зажечься.

– Звать-то тебя как, умник? – Петр понял, что быстро ему от гостя не отделаться, а звать-то как-то надо.

– Звать? – вдруг стушевался гость. – Э-э, зови меня Гошей. Да, так будет лучше всего. Гоша я.

– То есть, настоящее имя называть не желаешь, а туда же, в ученики мылишься?

– Почему не желаю? Трудное оно просто, нездешнее. Но с Гошей созвучное.

– Да и шут с тобой! Так вот, Гоша, помрут ли все люди, в конце концов, от Болезни или нет, мне наплевать. А лучше бы и померли, да жаль, мне этого уже не застать. Про искорки ты будешь девкам плести, а мне до тебя никакого дела нет. И учить я тебя

не буду, так и знай. Силком выпроваживать не стану, видно, издавека ты шел, устал, поди, намаялся, раз перед стоящим калечным стариком сесть не постеснялся. Погости денек, ладно уж, отдохни. А там и иди дальше своей дорогой. Все понял?

– Как не понять? – улыбнулся Гоша. – Понял, отстал. А что у нас на завтрак?

«Наглеш!» – восхитился Петр.

– Я не завтракаю.

– А на обед? – не растерялся парень.

– Что поймаешь в лесу, то и съедим.

Гоша тяжело вздохнул, потянулся и сказал:

– Ну, тогда я часик посижу, а потом пойду обед ловить, лады?

На обед было мясо молодой косули. Петр подобного не едал, казалось, сто лет, поэтому объелся так, что едва не откинул копыта. Но сваренный на ужин легкий супчик из мяса все той же лесной красавицы, старик все же пригубил да так, что Гоше едва хватило остатков. Оно и понятно – соскучился Петр по нормальной еде.

Ну, а молодой Сказочник слово держал, в тот день ни разу о сказках и сочинительстве не говорил, хотя и болтал без умолку. Поведал старику все новости большого мира, рассказал академические байки своего курса, вспомнил даже о ценах на хлеб и говядину. Развлекал, в общем, старого калеку, как мог. Петр благосклонно внимал.

А проснувшись утром следующего дня, обнаружил, что Гоши и след простыл.

«Ушел, – с неожиданной тоской подумал Петр. – Что ж, порядочный оказался парень. Да и занятый к тому же. Всегда завидовал таким, как он, а теперь и не завидую даже. И все-таки жаль, что не остался он еще на пару дней. Скучно здесь».

Решительно уговорив себя не ходить сегодня к морю за моллюсками, старик лежал и думал, грустил о своей жизни, с улыбкой обсасывал ощущения от собственной известности – пусть это и не прошало в его глазах предателей, а все же было приятно. Лежал он так без движения до самого полудня, лишь единожды встав до ветру.

В полдень дверь распахнулась, и в избу шумно вломился Гоша.

– Проснулся, отец? Ну, и горазд же ты дрыхнуть! А еще говорят, у стариков со сном проблемы. Принимай подарок, сегодня у нас дичь.

– Э-э... – только и смог выдавить Петр, глядя на румяного, по-хозяйски деятельного, улыбающегося парня с двумя ошипаннми тушками в руках. – Ты что?..

Петр хотел спросить «не ушел разве?», но осекся и закончил иначе:

– Силки ставил или на лету бить умеешь?

– Ха-ха, какие силки, отец, я бы до вечера возился. Не поверишь, камнем сбил! Не пуганные они у тебя тут, глушь, никак, люди-то далече.

Прошел второй день их сожительства. Затем третий, четвертый, пятый...

– Вот скажи, отец, – спросил как-то Гоша. – Никак не могу понять, чем хорошая сказка от плохой отличается? Почему одна лечит, а другая нет?

– Неужели не рассказывали тебе в Академии? Или забыл уже все, деревенщина? Сказка в первую очередь должна быть проста, незамысловата, понятна, понимаешь?

Гоша кивнул.

– И должна она содержать мораль. Но не всякую заумь, а элементарную, простую же мораль, смысл, ради иллюстрации которого сказка и рождается. Мораль поучительную, однозначную, ни в коем случае, не двусмысленную. Именно на этом часто горят сочинители, все умничать пытаются, не понимая, что это удел других жанров, а не тех сказок, что призваны лечить. Засунут, понимаешь, один смысл под другой, разведут философию и ждут чуда, глупцы. Пусть мораль будет банальна, пусть истинность ее будет сомнительна, не страшно, главное, не похоронить ее под ворохом слов. Это во-первых.

– А во-вторых?

– Не перебивай, – Петр вдруг понял, что ученичество-то вот оно, началось. Вот же, хитрюга какой, пройдоха негодяйский... Впрочем, он уже был не против, слишком уж сильно грело его расположение наголоватого парня. – Во-вторых, и может быть, в главных, в сказке должно быть волшебство, хоть какое-то чудо, пусть неявное, но такое, чтобы любой человек понял – в жизни так не бывает. Это лишний раз оттенит смысл

сказки, мораль, о которой я только что говорил. К тому же, чудо согревает душу, даже если умом понимаешь, что его нет и быть не может. Вот два основных составляющих любой сказки.

Они проговорили весь вечер. Гоша спрашивал, Петр отвечал, порой они срывались в спор, но недолгий, Гоша неизменно уступал.

Наконец, молодой Сказочник попросил Петра рассказать ему ту легендарную сказку о ежике, многоцветная чудотворность которой так и осталась необъясненной. Петр по инерции согласился, хотя и пожалел вскоре.

Простейшая вроде бы сказка вспоминалась с трудом.

Жил-был ежик, совсем одинокий... или нет, была у него мама. Вроде и папа был. Но все равно одиночество переполняло его жизнь так, что хоть вешайся. Не принимали его в игру ни зайчики, ни бельчата – прогоняли, мышата его боялись, а цыплята убежали. Всем он был неугоден, потому что некрасив был и колюч не в меру. И спрашивал он маму, за что мне наказание такое, отчего сир и убог? За что наказан иголками, калечен за что? Не убог ты, отвечала ему мама, а блажен, не наказан, а награжден. И не слушай дурачье неразумное, недостойны они твоего внимания и твоей обиды.

– И вот однажды, – продолжал Петр, давно он сказок не рассказывал, тяжело слово рождалось, – увидел ежик, что злой волк загнал в ловушку зверюшек, тех самых, что гнали его и ругали, и собирается съесть их. Зверюшки увидели ежика, закричали ему умоляя: спаси нас, ежик, не оставь злодею на съедение! Ты ведь колючий, оборони нас своим даром, отгони волка. И волк замер, ожидая, как поступит еж, ведь он и вправду боялся его колючек. Но ежик покачал головой и сказал зверям, что не станет он подставлять шкуру свою из-за них, не будет спасать тех, кто гнал его прочь, ругал и обижал. Фыркнул им ежик на прощание, да и ушел. С тех пор все уважают ежей, не смеют обижать их словом поганым, ибо никогда не знаешь, кто пригодится тебе в жизни, а кто станет другом напрасным и бесполезным.

– Ух ты! – воскликнул Гоша дослушав. – А в Академии совсем по-другому рассказывают. Да я и сам читал, в книге конец иной.

– Ты что же, думаешь, я собственной сказки не знаю? – возопил возмущенный Петр. – Не знаю, что там и где записано, я лучше знаю, как следует ее закончить!

Помолчали.

– А как там записано? – все же спросил старый Сказочник.

Гоша рассказал. Хорошо рассказал, куда лучше Петра. А конец, и вправду, оказался лучше, добрее.

«Что-то изменилось во мне, – подумал Петр. – Что-то важное ушло. Надежда, что ль? Озлобился я совсем. Нехорошо как-то, перед молодым коллегой стыдно».

Еще помолчали. Ночь звонко пела голосами цикад, и вторили ночные птицы. Где-то тоскливо завыл волк, плача о своей тяжелой судьбе. Хотелось что-то сказать, но Петр не знал что.

– А давай-ка, отец, теперь я расскажу тебе одну сказку, – встрепенулся Гоша и, не дожидаясь одобрения, начал: – Жил был один Сказочник. Был он добр и талантлив, верил в чудо и дарил людям надежду. А люди, неблагодарные обыватели, принимая его труд в течение многих лет, однажды ответили Сказочнику злом.

– Ну-ну, умник, – усмехнулся Петр. – Можешь не продолжать, о своей жизни я могу рассказать куда больше тебя. Да и о твоей тоже, только не тороплюсь судить, потому что стар и мудр, понимаю, что...

– Подожди, отец, я не закончил. Впрочем, осталось немного. Тот Сказочник ответил миру тем же, то есть озлился на людей. Стал им мстить, довольно мелко, потому как что он мог? И тем не менее, мстил, упиваясь болью отчаявшихся, отказывал им в лечении.

Петр судорожно вспоминал, рассказывал ли он об этом Гоше? Вроде нет! Тогда откуда знает? Может, он шел через те деревни, из которых люди приходили к Петру? Да, не иначе.

– Не понимал злой старик, которым стал некогда чистый душой Сказочник, что не людям мстит, а себе. Что выедает душу свою, выскребает из нее все то, что возвышало его над миром. Дураком он был, тот Сказочник.

– Послушай, шенок! – зашипел Петр, но осекся. Гоша молчал, ожидая продолжения. – Плохая сказка. Ты меня не слушал. Пусть даже в твоём рассказе есть мораль, хотя я ее что-то не угляжу, подслеповат, видать, стал. Но где тут чудо? Чудо где?

– Чудо? Ты еще надеешься на чудо, – усмехнулся парень. – Что ж, вот тебе чудо. Пришел как-то к старику молодой Сказочник и стал жить с ним, помогая по хозяйству, ухаживая за стариком, пытаясь излечить его добром. Старику стало лучше, но он был слишком заражен злом, чтобы вылечиться вот так сразу. Тогда молодой Сказочник рассказал старику сказку, чудесную сказку, которая излечила больного и вернула его миру. Старик жил долго и успел сделать еще много полезного для ненавистного некогда человечества.

– Ага, ты значит Спаситель мой? Понятно.

Петру стало горько и неудобно. Он не знал, как реагировать.

– Плохое чудо. Скорей походит на то, что яйцо принялось учить курицу, не находишь?

– В твоей версии сказки про ежика тоже плохое чудо. Его там и нет вовсе. Разве что говорящие звери...

– Его и в старой не было, однако же работала сказка так, что тебе до этого еще расти и расти, – возмутился Петр, позабыв, что та сказка была его первенцем, то есть ему никуда расти не пришлось, чтобы сочинить ее.

– Там было хорошее чудо, – покачал головой Гоша. – Очень хорошее. Чудо прощения.

Помолчали.

– Ну, а если тебе не нравится мой конец сказки о жизни старого Сказочника, если не устраивает мое чудо в ней, тогда придумай свое чудо и другой конец.

– Зачем? – тихо спросил Петр. Гоша не ответил, да старик и не ждал ответа.

Наутро Гоши в доме не оказалось. Петр сразу понял, что на сей раз молодой Сказочник не просто вышел на охоту, а ушел вовсе. Да и зачем ему тут оставаться? Молодой Сказочник должен лечить больных, а не возиться с отчаявшимся, обозленным на весь мир стариком, который не способен научить парня ничему хорошему.

Видимо, Гоша разочаровался в нем. От этой мысли Петру вдруг стало больно, неизмеримо больнее чем даже тогда, когда его отлучили от диплома, когда его выгнали прочь. Тогда он был обижен несправедливо, а теперь – за дело. Гоша был прав, а Петр нет.

Старый Сказочник потерял последнее, на чем зиждилось его существование – злость.

И надежду на то, что в будущем будет хоть что-то, на то, что Сказка все же одарит его своим рождением. Нет, не одарит. И ничего уже не будет ни сейчас, ни потом, одна только беспросветность и смерть в конце пути.

Петр со всей очевидностью понял, что и смерть не заставит себя ждать. Он буквально увидел, как Болезнь ходит около него, ожидая лишь удобного момента, чтобы охватить душу. Но умирать почему-то больше не хотелось. Только не так, только не сейчас, не с этим чувством собственной никчемности, не с осознанием совершенных ошибок!

Он собрал небольшой узелок и отправился в путь. Сказочник знал, что у него теперь есть только один выход, единственный способ хоть что-то выкупить у собственной совести. Он шел в Столицу, в Совет Академии, чтобы попросить последней милости – назначения на должность Экзаменатора. Он готов был умолять их и готов был принять опасность, подстерегающую Экзаменатора – смерть от Болезни. В конце концов, Совет не мог отказать ему, хотя бы в память о прошлых заслугах Петра.

И правда, не отказали. Наоборот, встретили хоть и настороженно, но по-доброму. Да и в пути Петр с удивлением замечал, что люди не отшатываются от него, как казалось раньше, а стараются посылить помочь старику. В Столице же никто не вспомнил о наказе Правителя не пускать опального Сказочника в город. Никак позабыли? Время лечит всякую обиду.

Ректор Академии даже отговаривал его поначалу, приглашал в Совет, сулил звание Академика, правда, без права на лекарскую деятельность. Но увидев, что Петр настроен твердо, перечить перестал и в должности утвердил. Тем более, что Петр поспел вовремя, вот-вот должны были случиться очередные Экзамены.

В качестве экзаменуемой досталась ему молодая девушка, еще совсем девочка, по имени Соня. Увидев Петра, Соня испугалась так, что едва не растеряла всю решимость стать Сказочницей. Она задрожала и первое время, после того как их заперли, не смела вымолвить ни слова. Ну а Петр, устроившись полулежа в кресле Экзаменатора, вспомнил себя на ее месте – словно глянул в зеркало через десятилетия назад. Такая же напуганная, такая же робкая и нерешительная, как он когда-то. Ее можно понять, подумал Петр, пусть я не столь стар, как мой Экзаменатор, не шамкаю пока, и слюна изо рта не капает, однако красавцем не был и в юности, а уж теперь...

– Не бойся меня, Сонечка, я хоть и страшный, но добрый. И никогда не буду ругать тебя, договорилась? Ты, главное, рассказывай сказки! Иначе мне будет плохо, и я заболею. А это значит, что тебе не дадут диплом, а мне очень хочется, чтобы ты стала Сказочницей, ведь я вижу, талант у тебя есть.

Соня лишь кивнула, не решившись заговорить. В тот вечер сказки она так и не рассказала. Петр забеспокоился.

Но волновался он напрасно, девочка долго запрягала, но ехала быстро. Уже на следующий день он услышал сразу две сказки, две прекрасные, наивные и добрые сказки о могучем волшебнике и его друге единороге. Очарование их было тем сильнее, что рассказывались сказки красивым девичьим голосом, сладким медом вливающимся в истрадавшуюся душу старика.

Время шло медленно, однообразное существование, отсутствие всякой деятельности, постоянное возлежание делали свое дело – Петр скучал с самого утра и до вечера. И всякий раз чувствовал, как Болезнь украдкой заползала в его тело. Но потом приходила ночь, а вместе с ней – сказка, и Болезнь отступала.

К началу второго года Петр поверил в то, что все пройдет успешно, и уже стал думать о будущем, о том, чем займется после Экзамена. Может, и правда, стоило стать преподавателем?

Перевалил за середину третий год. Еще немного и миру будет дарована новая Сказочница. Нарастающая радость Петра, которому было очевидно, что девушка не просто талантлива, но замечательно даровита, сменилась беспокойством. С ученицей что-то происходило, она стала раздражительной и апатичной, грустной. Ее сказки стали полны непонятной в этом возрасте тоски, философичности. А итогом всему стало и вовсе небывалое – Соня заболела!

Считалось, что Сказочник, пусть даже и не имеющий диплома, но регулярно и талантливо сочиняющий, заболеть не может. Оно и понятно, сочиняя сказку, он прежде всего прививает от Болезни себя самого, причем, ежедневно. А Петр видел, что не смотря на свое состояние, Соня сочиняет все так же исправно, и сказки ее стали не настолько хуже, чтобы отроковица вот так вот вдруг заболела!

Что же тогда случилось? Почему? Неужели Болезнь как-то мутировала, словно обыкновенный вирус?

Соня лежала на своей кровати уже второй день и почти не реагировала на обращенные к ней слова. Петр крепко задумался, что делать. Он не имел права двигаться сверх необходимого для отправления естественных нужд, но, когда речь шла о жизни молодой ученицы, подобные формальности переходили в ранг малозначительных. С другой стороны, позвать на помощь, значит прервать ход Экзамена, то есть лишить Соню надежды на получение диплома, ведь ни о каких вторых попытках и речи быть не могло! Что делать?

Впрочем, едва задавшись этим вопросом, Петр уже знал, как он поступит. Да, лицензии и диплома его лишили, но разве кто-нибудь узнает о том, что он попытался вылечить Соню самостоятельно? Нет. Чем он рискует? Ничем. В случае неудачи у него будет достаточно времени, чтобы передать больную девочку в руки «профессионалов».

– Ты слышишь меня, Соня?

– Мм...

– Тебе нездоровится, позволь мне немного развлечь тебя занятной историей. Ты не возражаешь?

Соня молчала.

– Однажды, в далеком прошлом, в простой семье, у обыкновенной мамы и столь же обыкновенного папы, родился сын. Он был далеко не первым их ребенком, но стал последним, ведь родители были уже не молоды, – повел свой рассказ Петр. Он говорил долго, с небывалым жаром и вдохновением рассказывал больной девочке историю своей жизни, совсем немного приукрашивая ее сказочным вымыслом. – И вот однажды утром в его дом, посланный небесными ангелами, явился настоящий волшебник. Чародей был молод и необычайно красив, и, главное, он был бесконечно добрым и жалел старого Сказочника так, словно тот был ему родным отцом. Волшебник сразу понял, что простым колдовством не изгнать злого дракона, который поселился в душе старика, не помогут здесь проверенные веками экзорцизмы. И тогда волшебник стал лечить Сказочника самым трудным, самым долгим, но и самым сильным заклинанием. Это было заклинание Любви. Чтобы произвести его, не требовалось ни редких ингредиентов, ни сложных пассов, не требовалось и знания особых слов. Но необходим был особый настрой души, ежедневный посыл энергии сердца – особая магия, трудная, доступная не всякому волшебнику. Чародей творил Заклинание каждый день на протяжении недели и совсем выбился из сил. Оно помогало, но слишком слабо, чтобы победить дракона, рожденного обидой, и волшебник уже было отчаялся. Оставалось последнее средство – отправить свой астральный дух в душу Сказочника, чтобы сразиться с драконом лицом к лицу. Так он и сделал. Дух нашел логово злодея и увидел, насколько тот огромен и силен, а увидев, ужаснулся. Такого чудища ему было не победить, не хватило бы сил. К тому же дракон постоянно что-то жевал и продолжал расти. Незаметно подкравшись поближе, он увидел, что ящер питает себя несбывшейся мечтой, целью, которой жил всякий Сказочник – мечтой найти ту заветную, чудотворную Сказку, что навсегда прогонит Болезнь. Дух волшебника вернулся к своему хозяину и рассказал ему обо всем, что увидел, и волшебник обрадовался. Теперь он знал, что поможет Сказочнику победить дракона – другое заклинание, совсем простое для посвященных: заклинание Правды. И сказал он всего несколько слов, и увидел тогда старый Сказочник правду, и понял, что зря искал единственную Сказку, потому что нет ее и никогда не будет в том виде, в котором он ее искал. Но все же Сказка существует, надо лишь уметь ее разглядеть, а этого Сказочник как раз и не умел, пока Волшебник не произнес своего заклинания. И правда оказалась проста: всеспасительная Сказка давно найдена и живет среди людей, она рождена из душ множества Сказочников, она состоит из миллионов обыкновенных сказок, она способна возрождаться бесконечное число раз, откуда рождаются Сказочники. Старик понял, что он, отрекшись от мира, предал Ее Величество Сказку, ведь он еще достаточно силен, чтобы послужить ей, помогая родиться на свет хотя бы одному новому Ее Родителю, молодому Сказочнику или Сказочнице. Тогда злой дракон, мучивший бедолагу, умрет сам по себе, от голода, ибо мечта старика воплотится. Если только старому Сказочнику сумеет помочь другой волшебник, совсем еще неоперившийся, но уже способный на чудо ученик Академии...

Сказка в устах Петра закончилась хорошо, ученик, конечно же, спас старика, убил дракона и все вновь зажили счастливо.

На следующий день Соня попросила принести ей еды, так как сама она вконец ослабла. А еще через день девочка вновь была бодра и весела, много шутила и наградила Петра аж тремя сказками подряд, в каждой из которых могучая волшебница спасала кого-то, а то и весь мир сразу, от злого огнедышашего дракона.

Экзамен начинался на излете лета, а заканчивался в самое прекрасное, самое яркое время года – поздней весной. Утомленным застенками ученику и Экзаменатору и мрачное серое и морозное февральское небо показалось бы необыкновенно чудес-

ным и красивым. А уж весеннее ударило по глазам с такой невероятной силой, что дух перехватило. Петр глубоко с наслаждением дышал, он был счастлив. А Соня, не забывая поддерживать старца, без умолку чирикала, отдавая всю себя восхищению природой и миром. Пожалуй, стоило пережить то, что они пережили, чтобы, наконец, понять, насколько совершенен мир, насколько мелки и суетны проблемы, которыми живет обычный человек, забывший радость созерцания. Хотелось кричать: оглянитесь, люди, вот оно счастье, вокруг нас! Вдыхайте его, живите им, цените его...

Они шли по каменной галерее прямоком в главный корпус здания Академии. Петру оставалось сделать последнее, чтобы Соня наконец стала настоящей Сказочницей – отвести ее в Совет Академии и в торжественной обстановке доложить Совету, что кандидат достоин диплома. И это была не формальная церемония, хотя и обставлялась с помпой, достойной пережившей свое традиции, Экзаменатор и правда имел право на последнее слово, и от его заключения зависело теперь все. Впрочем, Соне бояться было нечего, Петр в ней уверился давно и прочно.

Они уже дошли до лестницы, начали подниматься по ней – очень медленно, – потому что Петр все никак не мог заставить слушаться свою застоявшуюся большую ногу. Он наступал на нее, но ничего не чувствовал. Фактически, Соня ташила старика на себе, а он лишь немного ей помогал. Без Петра Соня взлетела бы по лестнице в момент, легкой птицей, на крыльях.

Возможно, тогда бы не случилось того, что случилось...

Началось все с истошного крика невидимой горожанки, крика настолько пронзительного, что Петр споткнулся, едва не опрокинув и Соню. Потом закричало еще несколько голосов, как женских, так и мужских. Послышалась нецензурная брань, за ней последовал громкий непонятный звук, будто бы какой-то великан дунул что было сил. Затем раздался мощный хлопок и треск – упало что-то большое. И в завершение они услышали огонь.

Не увидели, а именно услышали, как можно слышать костер, подойдя к нему совсем близко. Впрочем, через пару мгновений застывшие старик с девушкой получили возможность и увидеть...

Только что они увидели, Петр понял не сразу. Что-то большое взмыло вдруг над крышами домов ближайшей улицы, что-то невероятное и невозможное!

– Это... это дракон?! – прошептала Соня, то ли спрашивая, то ли утверждая.

Дракон!

– Не бывает, – забормотал Петр, бессознательно пытаясь спрятать, загородить своим телом Соню. – Их не может быть... быть...

И выдохнул:

– Невероятно!

Дракон, тем временем, был, и плевать он хотел на то, что по поводу его существования думала двуногая мелочь. Горделиво зависнув над улицей, он повернул голову в сторону застывших на лестнице Петра с Соней и торжествующе заклекотал.

Больше никого на улице не было, все жители города моментально забились в дома и темные, узкие переулки.

– Беги, Соня, беги!

В тот же миг дракон ринулся на них.

Соня дернулась из рук Петра, сжимающих ее вопреки устному приказу, перелетела сразу через несколько ступеней. Дракон, не обращая на нее никакого внимания, с невероятной скоростью и неотвратимостью падал на старика.

– Нет! – закричала Соня. – Не дам!

Петр хотел закрыть глаза, но не мог. Не получалось. А потому он увидел, как с кончиков пальцев сбегающей вниз, обратно к Петру, девушки сорвались ломанные светящиеся нити молний. Как они впилась в темно-серое огромное тело дракона, как шелушилась, сгорая в местах прикосновения нитей, его чешуйчатая кожа. Все это заняло сушие мгновения, но в сознании Петра они растянулись так, что каждая мелочь воспринималась им совершенно ясно, во всей полноте мелких деталей.

Дракон яростно зашипел и резко ушел в сторону, уворачиваясь от молний. Вновь

набрал высоту, развернулся и пошел на второй заход. Само по себе оказанное ему сопротивление ничуть его не смутило и не заставило отказаться от своей цели.

Соня, тем временем, тяжело дыша, всем телом навалилась на Петра, будто бы отдав невозможному волшебству большую часть своих сил.

«Бежать! Бежать!» – крутилось в голове старика, но они продолжали обреченно стоять на месте.

Дракон вновь приближался, разевая дымящуюся пасть.

– Бегите, дурни! – закричал кто-то снизу, с улицы. Петр опустил голову и увидел бегущего к ним со всех ног здорового молодого парня. Его длинные волосы взлетали и опускались на плечи в такт с огромными прыжками, в руках добрый молодец держал здоровенный лук. А одет он был... впрочем, Петр не заострял на том внимания, и мы не станем.

– Падайте! Падайте, идиоты! Быстро!

Этой команде Соня с Петром подчинились, послушно грохнувшись на прохладный мрамор ступеней.

Луковый герой, в смысле, парень с луком, понимая, что все равно не успеет добежать до старика с девушкой, остановился и развернулся к дракону. Натянул тетиву, прицелился и выстрелил. Мгновенно выгашил из колчана вторую стрелу и выстрелил еще раз. Затем еще раз и еще.

Стрелы, казалось, не причиняли дракону никакого вреда, пока одна из них, выпущенная с совсем уж близкого расстояния, не попала ящеру прямо в антрацитовый глаз. Дракон взвыл, судорожно взмахнул крыльями не в силах остановить своего движения, пронесся над ними, вильнул в сторону и врезался в здание Академии на уровне третьего этажа. Попытался взлететь, но запутался в крыльях и упал.

Не веря своим глазам, Петр приподнялся, встал на колени и посмотрел в сторону поверженного дракона. Луковый герой уже бежал туда, добывать чудище. Соня тоже успела вскочить раньше старика и теперь тряслась крупной дрожью, не зная, что делать и куда бежать.

– Это... дракон! – вновь сказала она.

Петр хотел ответить ей, но услышал опасный звук трескающегося камня. Совсем рядом, над их головами!

Декоративная скульптура, украшающая фасад здания, пока медленно, нехотя, отрывалась от своего исконного места – как раз там, куда ударило тело дракона, – чтобы упасть прямо на голову многострадального Сказочника и его ученицы.

– Соня! – закричал он, отталкивая девочку. Сам он устал от происшествий настолько, что и не думал о своем спасении. Лишь бы сил хватило уберечь ее, молодое дарование.

Но Соня никуда не побежала. Она тоже увидела падающий кусок древнего искусства и теперь неотрывно смотрела на него, словно пыталась остановить взглядом.

Статуя могучей полуголой женщины и впрямь совершенно противоестественно замедлила падение. У Сони по вискам потекли капельки пота, лицо покраснело от натуги. Женщина крякнула, окончательно расставаясь с приютившим ее зданием, и повисла в воздухе. Затем Соня резко выкрикнула:

– Ха!

И статуя отлетела на несколько метров горизонтально, чтобы потом уже спокойно упасть на ступени, не причинив никому вреда.

Петр был спасен!

А Соня упала на его руки. Она находилась в глубоком обмороке, который случается от сильного истощения.

Петр аккуратно положил ее к себе на колени и неизвестно у кого спросил:

– Что же это такое? Что же это происходит-то?!

– Это самое обыкновенное чудо, – раздался совсем рядом спокойный насмешливый голос. – Волшебство. Ты ведь всю жизнь провел с ним бок о бок, вспоминая о нем едва ли не в каждой второй сказке, что же тебя удивляет теперь?

Рядом с Петром, возвышаясь над ним, стоял... Гоша. В той же самой простой, но крепкой, дорогой одежде, точно так же простецки добродушно улыбаясь и чуть-чуть жмурясь от яркого солнца. Собственной персоной.

– Ты? Откуда ты знаешь?

– Поверь мне, Петр, я знаю. Совершенно точно и достоверно.

– Но... откуда? Почему?! Разве такое...

– Возможно! Я знаю точно, невозможное возможно, хо-хо, – засмеялся чему-то Гоша. – Но это уже не важно. Главное, что ты молодец, ты справился.

– Я?

– Да-да, ты. Вернее, и ты тоже. Став предпоследним камешком у истока лавины. Она, – он указал на Соню, – стала последним и в то же время первым. Вернее, первой.

– Не понимаю, – отчаялся Петр.

– Все просто. Сказка стала былью. Вера в нее стала настолько сильной, что она ожила, понимаешь? Вера каждого человека, особенно твоя и... ее, и всех вместе. Всего человечества. Родился новый мир. Поздравляю, отец, ты приложил к этому руку!

И он вновь засмеялся.

– Вставай, нам пора.

Петр послушно встал, даже не спросив куда, собственно, ему пора. И, вложив свою руку в Гошину, ступил на первую ступень взмывавшей в небо золотой лестницы.

– А она?

– С ней все будет хорошо, – кивнул ему Гоша.

А там, внизу, молодая Сказочница... нет, молодая Волшебница Соня сидела на земле рядом с телом великого Сказочника. Того самого, память о котором надолго останется в сердцах людей. О котором она читала и много слышала еще будучи ученицей, который стал (о, ужас!) ее Экзаменатором и покинул, едва выпустив в мир.

В новый мир. Мир Сказки и Волшебства. Мир, в котором существуют драконы и гремлины, гномы и лепреконы, маги и волшебники, ведьмаки и чудовища, рыцари и прекрасные принцессы. Мир, рожденный из другого, умершего родами мира старого, рационального.

Совсем иной, новый Мир.

(Конец)

Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ

Сергей Сутулов-Катеринич – поэт, главный редактор международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель» //45parallel.net. Член трех творческих союзов – Союза писателей XXI века, Союза российских писателей и Союза журналистов России.

Родился в 1952 году в Северном Казахстане. Живет и работает на Северном Кавказе. Окончил сценарный факультет ВГИКа и филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института.

Автор сборников стихов «Дождь в январе», «Азбука Морзе», «Русский рефрен», «Полная невероятность», «Райский ад. Лю-блюзы» (совместно с Борисом Юдиным, США), «Двенадцать – через ять», «Ореховка. До востребования». Участник проекта Юрия Беликова «Дикороссы. Приют неизвестных поэтов».

Публиковался в газетах и журналах: «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «У», «Альбион», «Крешатик», «Новое русское слово», «Новый журнал», «Побережье», «Континент», «Новый берег», «Трибуна», «Литературная газета», «Ковчег», «Острова».

Ввел в литературный оборот новый термин «поэмлада».

Трижды становился лауреатом премии имени Германа Лопатина. Лауреат премий: «Золотое перо Руси-2007», журнала «Зинзивер-2008», «Серебряный стрелец-2010» – победитель в номинации «Серебряный слог», конкурса имени Петра Вегина, 2010.

Стаккато для ворчливого сверчка

Гранада, Гранада, Гранада моя...

Татьяне & Ольге

Как объяснение в любви, Мадрид... Но Эйфелева башня
Воспоминания дробит на дрейф обид и миф вчерашний.

Метаморфозы бытия: граница – гранки – гранд – Гранада.
Good evening, Irving! Фортеля рубля и Рубенса бравада.

Как пояснение к любви, Алямбры ля, Альгамбры гаммы.
Синонимичны словари. Алгебраичны анаграммы.

Ассоциаций кренделя... Ау, светловская Гранада!
Квадратный замок короля. Сьерра-Нева... Сьерра-громада.

Как толкование любви, садов восточных стратосфера,
Арабской вязи лабиринт, испанский профиль кабальеро.

Нашатыри поводья. «Старик Хоттабыч» на иврите.
«Япона мама!..» блатаря. Баварский говор: «Битте-дритте...»

Как откровение любви, браслет гранатовый в Гранаде.
Судеб кульбит. Эпох гамбит. Без серенады, бога ради.

Грамматика Востока

Когда умру от нежности к тебе –
Твоим стихам, мелодиям, заскокам,
Закружится над кряжем Коктебель,
Опознавая душу по осколкам.
Когда умру от жалости к тебе...

Когда умру от ревности к нему –
Его ухмылкам, фразам, междометьям,
Циничные потомки не поймут,
Кого, за что, зачем и чем отметим?!
Когда умру от зависти к нему...

Смешны попытки пережить тебя,
Минувя мины и шипы ошибок...
Дрожащие мундиры октября
Горят в рубцах рябиновых нашивок.
Грешны попытки пережить тебя...

Когда умру от жалости к тебе –
Твоим Шерхану, «Шевроле», баштану,
Веселая ватага кобелей
Процессию проводит под Бештау.
Когда умру от верности тебе...

Когда умру от подлостей его –
Бульварных, куртуазных, виртуальных,
У Воланда случится торжество
С участием персон маниакальных.
Когда умру от пошлостей его...

Грешны попытки пережить тебя,
Срываю крыши и свинец стоп-кранов...
Пиратствуют в пространствах букваря
Крутые пожиратели романов.
Грустны попытки пережить тебя...

Когда умру от верности тебе –
Губительной, язвительной, жестокой,
Старательная стая голубей
Начнет зубрить грамматику Востока.
Когда умру от нежности к тебе...

Стаккато для ворчливого сверчка!

Как заповедь: не помнить о тебе!
Как проповедь: не думай обо мне...
Подаренный тобою скарабей
Печалится в бутылке «Каберне».

И клинопись шумерская хранит
Признания мои в твоих ночах,
И сфинксы, запеченные в гранит,
О том же выразительно молчат.

Мажорную сонату доиграй
На жаяшей безжалостной струне.
Подаренный тобою самурай,
Качается в распахнутом окне.

Безумствуя, бездарно истребляя
Портреты, пиктограммы, письма...
Как заповедь: ни часа без тебя!
Как проповедь: веками – без меня...

Но летопись сгоревшая твердит
О стене Ярославны на стене,
Но буквицу зажег метеорит:
Счастливая восплачет обо мне...

Пред Господом – над городом! – развей
Печалей недолет и перелет.
Подаренный тобою соловей
Из блюдечка серебряного пьет.

Особая отметина судьбы,
Охранная строка черновика:
Казавшаяся сказочной быль –
Стаккато для ворчливого сверчка.

Цитата из подстрочника скорбей:
«Сакральные разлуки воскресят
Любовников над дыбами дробей,
Виновных пятьдесят на пятьдесят...»

Перчатка как предтеча

*Памяти бабушки –
Валентины Трофимовны Катеринич*

Кончилась вечность – зачисли кончину
В первопричину «увы...» и «ура!»:
Что бы сейчас (через час?) ни случилось,
Завтра уже приключилось вчера.

Умная женщина ищет мужчину,
Глупая девочка – образ царя.
Оберегаю от сглаза Кончиту –
Сватаю замуж за кобзаря.

Для звонаря и псаря величины –
Разные, праздные et cetera...
Чистые женщины, чудо-мужчины
Горечью мечены в честном вчера.

Чтобы причина переключилась –
Целишь в поэта? Стреляй в палача! –
Черною речкой морочу кручину –
Черною ночью очнется в Сочах.

Небо с овчинку? Чердак не по чину?
Дочь замочила портянки в боршах?
Следствие, выучи «Санта-Лючию» –
Музыка лечит и учит прощать.

Выключу вечность. Очишу лучину.
Речитативна предтеча добра.
Плачь, Челентано! Скучай, Благочинный...
Счастье – перчатка из позавчера.

возвращение к читателю

Игорь РОГОВ

Как становятся писателями? Ответ, естественно, очевиден – надо иметь природную одаренность. Но не менее важно оказаться в творческой среде. Игорю Федоровичу Рогову (1929 – 2009) повезло. Такой средой для него оказалась литературная и журналистская общественность Ташкента. В этом своеобразном инкубаторе созрел, к месту отметить, талант многих известных мастеров слова. Вспомним Абдуллу Арипова, Александра Файнберга, Дину Рубину, Ходжиақбара Шайхова, Николая Гацунаева и многих других, чьи произведения стали известны далеко за пределами республики.

В нашем городе Игорь Рогов окончил филологический факультет Ташкентского государственного университета, работал в различных газетах и издательствах. В этот период мы и познакомились.

Личность Игоря по-настоящему мне раскрылась во время многолетней совместной работы в журнале «Звезда Востока», где он заведовал отделом прозы. Он производил впечатление серьезного, вдумчивого и ответственного человека. Игорь умел дать аргументированный совет мастистому автору, добрым словом поддержать начинающего писателя, помочь ему увидеть пути дальнейшей работы над рассказом или повестью.

Редакторский труд совсем не легок. Занимая такую должность, хорошо понимаешь, что ты, как акушерка, отвечаешь за новорожденного. Если редактор сумел глубоко проникнуть в замысел автора, помог ему лучше раскрыть тему, то произведение получит шанс на долгую жизнь, многократное переиздание. Рекомендации Игоря Федоровича, опиравшегося на богатый и насыщенный драматическими событиями жизненный опыт, открывали реальную перспективу на такой шанс.

На этот опыт Рогов опирался и при создании собственных произведений. В творчестве писатель всегда шел от жизни, при этом в собственной жизни Игоря все происходило позже, чем у большинства его коллег по перу. В 40 лет он написал первый свой рассказ. Его опубликовал журнал «Юность». В следующем номере престижного для молодых авторов издания в обзорной статье мастистый критик посвящает Рогову добрые напутственные слова. Это, конечно воодушевило, помогло поверить в себя.

Игорь начал писать поздно, но успел многое сделать. Его рассказы и повести публиковались во многих периодических изданиях. На прилавки книжных магазинов поступают сборники рассказов «Последний день лета», «С утра до вечера», повестей «Глубокий горизонт», «Февраль – месяц весенний», «Долина горных духов».

Я не случайно упомянул о драматических событиях в биографии Рогова. Родился он в семье кадрового офицера и это, конечно, во многом определило его жизненный путь. В 1938 году, после гибели отца, коменданта Кремля, и ареста матери, Игорь был отправлен в детский дом, а через два года оттуда его забирает дед и увозит в Туркмению в Байрамали.

К чтению книг Игорь пристрастился с раннего детства. Однако на это не всегда хватало времени. С 14 лет он уже работает слесарем в паровозном депо станции Мары в Туркмении. В послевоенные годы заканчивает военное училище, служит в авиации Северного и Черноморского флотов. Писатель, как и его герой Андрей Слепнев из повести «Глубокий горизонт», избегал проторенных дорожек и всегда отличался повышенной требовательностью к себе. Даже жене свои произведения Игорь Федорович давал читать только после тщательной шлифовки, когда сам считал их готовыми к публикации.

Вниманию читателя предлагается последнее не публиковавшееся ранее произведение Игоря Рогова. Оно, как и все его творчество, основано на богатом жизненном опыте писателя. Об этом читателю, очевидно, будет уже не трудно догадаться.

Анатолий Ершов.

Октябрь – месяц туманов

Появление Владимира Данилова на Севере прошло незамеченным. Впрочем, он был не один, а с целой командой молоденьких авиамехаников, старших сержантов, по распределению попавших на Северный флот.

А началось все год назад, когда после школы он поехал поступать в военное училище. И не просто в училище, а в военно-морское училище, готовящее летчиков истребителей для морской авиации. Ни тогда, ни после Владимир, наверное, не сумел бы толком объяснить, почему он, собственно, решил идти в авиацию. Внутренней потребности, призвания стать летчиком у него никогда не было. И мечтой летать, завоевывать небеса, покоряя пространство и время, как о том поется в песнях, он тоже не горел. Во всяком случае, он не помнил, чтобы горящим взором провожал летящий самолет. Однако было смутное и беспокойное стремление, неопределенное, но настойчивое желание вырваться из обыденной жизни, подняться над рядовой судьбой, испытать себя в настоящем деле, утвердиться в романтической и рискованной профессии.

Он сидел в карантине, куда попадал на несколько дней каждый, кто приезжал поступать в училище, и смотрел в полуподвальное окно на курсантов, проходящих мимо по своим делам. На их хромовые ботинки, надраенные до блеска, на черные брюки с безупречными «стрелками», на белые, в талию форменки с голубыми воротниками-гюйсами и белыми же бескозырками, надетыми, как положено, чуть-чуть набекрень. И завидовал им – бравым, независимым, уверенным в себе, уже определившимся, в отличие от него, в своей судьбе.

Ему все это только предстояло, причем с неопределенными шансами на успех. Но он по своей вечной привычке забегать в воображении впереди событий, уже представлял себе, как приедет в Ташкент бывалым мореманом, прямо с палубы авианосца, и покажется своим школьным приятелям – сухопутным крабам во всем блеске морской формы.

Слухи здесь, как всегда среди абитуриентов, царили самые разнообразные. То проносилось, что брать будут только тех, кто имеет начальную летную подготовку, то выходило, что надо иметь прыжки с парашютом, то оказывалось, что требуется быть спортсменом-разрядником, то утверждалось, что преимущество будут отдавать детям потомственных военных. Слухи эти пугали, смущали, но порой и подбадривали. Владимир-то как раз и был сыном и внуком военных, и ему, так сказать, на роду было написано идти их путем.

Экзамены он сдавал не хуже и не лучше других, шел где-то в верхней половине списка и его, в общем-то, могли принять и не принять. Не приняли. Но не по результатам экзаменов, а по состоянию здоровья. У него нашли юношескую гипертонию. Что это такое он даже толком не знал. Мерили ему давление, кажется единственный раз на комиссии в военкомате. Это был удар. Удар по мечте, по самолюбию, по самоуважению. Не быть ему морским летчиком и вообще не летать. И Владимир оказался в положении человека, которому надо выбирать лучший вариант из худших. Собственно, вариантов было два: или вернуться домой, или пуститься вплавь по житейским волнам.

Возвращаться домой не хотелось. Поступать в институт было поздно – приемные экзамены везде уже закончились. Оставалось сидеть дома и ждать призыва в армию. А что делать до армии он просто не знал. Ну, можно было поступить на какие-нибудь курсы или устроиться лаборантом в школе или техникуме. В общем, как-то перекантоваться до весны.

Другой вариант состоял в том, чтобы не возвращаться домой, начать новую, самостоятельную жизнь. Поехать, например, на стройку. Или пойти матросом на

китобойную флотилию. Все это было романтично, заманчиво, но как-то нереально. Там, небось, давно все места были заняты. Да и на матроса как-никак тоже надо было учиться. Кончилось тем, что Владимир вернулся домой. Да и какой смысл был куда-то ехать, устраиваться, если через полгода его все равно найдут и заберут в армию. Он в душе признавался, что к чувству досады и огорчения от того, что не стал курсантом, примешивалось и чувство облегчения, что он сделал честную попытку стать летчиком, но не его вина, что не получилось, и теперь ему не придется постоянно рисковать жизнью.

Первое время после возвращения домой он не знал что делать, чем заняться. И на работу Владимир устроился случайно. Встретил на улице школьного товарища Диму Березовского, спортсмена, кандидата в мастера спорта по плаванию, и он предложил сходить с ним в редакцию молодежной газеты. Так он впервые очутился в старом редакционном здании. Редакция была расположена на третьем этаже в полдюжине комнат, где только главный редактор и его заместитель имели отдельные кабинеты, а остальные теснились по два-три отдела в одной комнате. Так, отдел физкультуры и спорта, куда они пришли, соседствовал с отделом информации, что, впрочем, им нисколько не мешало.

Первое что, что бросалось в глаза, это демонстративный «антиуют», который, как потом Владимир понял, являлся частью молодежного, скорее молодецкого образа жизни. Мебель в редакции была сборная, с жуткими кругами от горячих чайников на столешницах и следами от погашенных сигарет на бортах. Почти все в комнате курили, но вместо пепельниц на столах стояли посторонние предметы, как-то: автомобильный поршень, фаянсовая кружка без ручки, жестяная тарелочка от шашлыка. Столы были завалены писчей бумагой, блокнотами, снимками, телетайпными лентами, папками с вырезками и газетными оттисками, какими-то журналами и проспектами и еще бог знает чем, так, что не всякий мог раздвинуть локти за столом. И на стенах висели списки служебных телефонов, исправленные и дописанные от руки, и географические карты.

В большом помещении, куда они попали, за столами писали, читали, правили материалы, разговаривали, играли в шахматы, пили чай и просто курили с отсутствующим видом. Не заметно было никакого руководящего начала, так что оставалось предположить, что-либо здесь царила анархия, либо все знают, чем им заниматься.

Дима, который здесь уже бывал, подсел к Геннадию, заведующему отделом, чье отличие заключалось лишь в том, что на его столе стоял городской телефон. Они сразу заговорили о деле – первенстве города по плаванию и рекорде республики, который установил Березовский. Облик заведующего, совсем не соответствовал спортивному отделу. Он выглядел худым, если не изможденным, и казался старше своих лет.

– Сделай небольшой обзор соревнований, – предложил Геннадий Березовскому.

– Нет, мы сейчас готовимся с тренером «на республику», пусть напишет кто-нибудь другой. Да вот мой товарищ Данилов, – указал он на Володю.

Гена перевел на него взгляд.

– Писал раньше?

– Бессменный редактор школьной газеты, – ответил за Данилова Дима, скромно опустив слово «стенной».

– Занимаешься плаванием?

– Второй разряд брассом, – снова встрял Березовский, умолчав, что разряд не оформленный.

– Напиши строк двести и принеси завтра утром. Поставим в номер, – улыбнувшись, заключил Геннадий короткую беседу.

Так Данилов попал в журналистику. И если прав был Карел Чапек, который

утверждал, что в журналистику не приходят, а в нее совращают, то он, в общем-то, был совращен.

На соревнованиях он побывал и корреспонденцию написал, провозившись с непривычки целый вечер. Факты он описал с помощью Димы, а краски добавил от себя. Здесь были и флаги, трепещущие на флагштоках, и голубая чаша бассейна, и солнечные блики на воде, и молодые загорелые тела, и накат волны перед плечом пловца. Он даже раза два назвал пловчих ундидами. Геннадий корреспонденцию похвалил и пропустил почти в натуральном виде, справившись, правда, об ундидах. И на следующий день Владимир с тайным удовольствием рассматривал свое творение в газете и ненавязчиво показывал его родным и знакомым.

Геннадий предложил сотрудничать, и Владимир стал похаживать в редакцию. И вскоре его увлек этот новый и необычный для него мир. Мир, где молодые люди рассуждали обо всем свободно, судили самостоятельно, оценивали независимо, где отрицание и сомнение были ведущими мотивами и где насмешка, ирония, сарказм неизменно относились к так называемым общественным ценностям.

Владимир, только-только разбуженный двадцатым съездом, слушал их речи с захватывающим чувством, как когда-то вернувшуюся из лагеря бабушку, с той, правда, разницей, что теперь эти речи не были смертельно опасными. И, разумеется, он не мог не заметить, что все эти молодые люди, которые судили обо всем так резко и независимо, берясь за перо, сочиняли нечто послушное, благонамеренное, и никогда не покушались на устои и опоры. Впрочем, Данилов не был таким уж наивным, чтобы всерьез воспринимать всю эту словесную критику, весь этот поверхностный нигилизм. На самом деле лишь немногие, два-три человека, были убеждены в пороках советской власти. Для других это было скорее приметой наступившей «оттепели», модой, стилем поведения.

Для Владимира эти месяцы были временем утраты иллюзий. Точнее продолжением утраты, которая началась с воспоминаний бабушки, а потом с немногих, но очень значимых для него рассказов отца. Веры в социализм и коммунизм он тогда не потерял, но утратил и навсегда веру в непогрешимость вождей.

Спустя два месяца, после того, как Данилов пришел в редакцию, его неожиданно приняли на работу. Один из сотрудников ушел в долгий отпуск – писать и защищать диплом, произошла передвижка, и Владимира взяли крайним – учетчиком писем. Но работал он конечно не учетчиком, а корреспондентом как бы на подхвате у разных отделов, но в основном в том же отделе физкультуры и спорта. Теперь он был не каким-то жалким призывником, годным лишь на то, чтобы разносить повестки из военкомата, а в некотором роде фигурой – сотрудником республиканской молодежной газеты, с которой – хочешь не хочешь – приходилось считаться и многим взрослым людям.

Сложных заданий ему не давали. Но зато быстро и бестрепетной рукой Владимир сочинял информации, набрасывал событийные заметки, плодил всякие там зарисовки. В редакции к нему благоволили. Он был, что называется со способностями, как-то быстро схватил дух молодежной газеты и был безотказным в выполнении заданий. Он брался за любое задание, ездил в командировки, сам предлагал необычные материалы, например, лазил на телевизионную башню или спускался в подземные коммуникации. Кроме того, его считали как бы «сыном полка», воспитанником редакции.

Его юношеское тщеславие было удовлетворено. Он иногда доставал свое удостоверение и читал, что «Данилов Владимир Сергеевич действительно работает в редакции в должности литературного сотрудника». О том, что он числился учетчиком писем, в удостоверении, естественно, не писали.

* * *

Повестка, как водится, в таких случаях, пришла неожиданно, хотя Владимир ее, конечно, ждал. В редакции сообщение, что он уходит в армию, встретили сочувственно и решили помочь ему избавиться хотя бы от шагистики и караулов, от марш-бросков по пересеченной местности. У Геннадия нашлись знакомые в военкомате. И Владимиру предложили на выбор: либо служить в штабе ТуркВО, либо ехать в Севастополь в школу авиамехаников, а там, куда распределят. И он выбрал Севастополь. Это же Черное море! Это же мачты на рейде! И, наконец, авиация!

Севастополь, бело-голубой, как Андреевский флаг, с блеском солнца на асфальте, веселым ракушечником домов, свежей синевой моря, которое куда бы ты ни шел, всегда с тобой, чистый, ясный, бодрый, пленил Владимира с первого взгляда. Это был его город!

Впрочем, видел Данилов его не часто, в основном во время экскурсий по историческим местам да в редкие часы увольнений, поскольку учили в школе основательно, по десять часов в сутки. Да и находилась школа авиамехаников не в самом городе, а за шесть километров, на Северной стороне, где стояла авиационная часть и был военный аэродром. Местечко это было вовсе не живописным. Виноградники вдоль берега с костистой винной «изабеллой», невысокие холмы, поросшие кустарником и мелколесьем, глинистые откосы, спускающиеся к морю, и радужные разводы на прибрежной волне от проходящих кораблей.

... В Севастополе, когда Владимир уезжал, стояла золотая осень, солнечная, теплая, сухая, и море все еще синело за Приморским бульваром. А здесь, в Мурманске, уже в разгаре зима и снег все устилает и устилает землю с какой-то монотонной безнадежностью. И, кажется, не убирай его, так он засыплет дома до крыш, с крышами, похоронит все живое. Временами ветер доносил с причалов острый запах соленой трески.

И вот, переминаясь в хромовых ботиночках на снегу в ожидании автобуса, Владимир вспомнил строй на плацу перед школой, и как их вызывали по флотам и выдавали удостоверение авиационных механиков и лычки старших сержантов. Конечно, все бы хотели остаться на Черноморском флоте, но он прошел, и его там не было. За ним последовал не менее желанный Балтийский флот, затем, по меньшей мере безразличный Тихоокеанский, и наконец, прозвучали неприятные слова: Данилов – Северный флот.

Счастливики не скрывали своей радости: «Эх, море Черное, волна и пляж!..». Другие бодрились: «Ладно, послужим на северах. Чего служить-то зима-лето, зима-лето...» Но толком Север никто не представлял. И когда сопровождающий команду мичман посоветовал всем надеть нижнее белье, мало кто послушался. И Данилов, теплолюбивый южанин, стоя на автобусной остановке в Мурманске на снегу, почувствовал голыми ногами, как бедна теплом эта стывшая, промерзшая земля. Нет, не понравился ему Север, не глянулся. Не лег на душу. Век бы его не видеть! И единственным желанием было – развернуться назад и с первым же поездом уехать подальше от этого белого безмолвия.

Дело авиационных механиков – было самолеты, все остальное, в том числе и девушки, – потом. За самолеты, за их исправность и готовность с них спрашивали по всей строгости. Летчики, в ожидании команды на вылет, сидели в домике, а механики и техники по очереди дежурили у самолетов, отчасти для охраны, отчасти для того, чтобы быстро «оживить» самолеты, подключив к ним тележки с аккумуляторами. Дежурили, как в карауле, по суткам. На самом что ни есть передовом рубеже. Всякое может случиться – от нечаянного нарушения границы до начала большой войны.

...Проклятый ветер! Как ни старался Данилов отвернуться от него, как ни показывал спину, а он все равно задувает под куртку, забирается за шиворот, заползает в рукава.

– Не век же мне томиться в дежурном звене, не век же служить в армии, не век торчать на Севере. Сам же потом буду рассказывать разным салагам, как я блестяще служил на Северах, – думал Владимир, растирая онемевший подбородок и щеки, твердые как слоновая кость...

* * *

... После армии Владимир, естественно, поступил на отделение журналистики, Нина была старше его курсом и моложе на два года, но в некоторых вещах он был перед ней подростком. Они всегда встречались случайно, на факультете, в коридоре, вестибюле, в сквере перед зданием университета, иногда на улице. Эта игра началась с первого дня их знакомства на студенческом вечере и продолжалась довольно долго, потому что каждая следующая встреча была непредсказуемой, постепенно повышаясь в градусе, становясь все более темпераментной. Поцелуев и объятий, даже самых страстных, им уже было мало. Но торопливую близость где-нибудь на чужой квартире, на несвежих простынях, со счетом времени, она отвергала.

А своей «хаты» у них не было. Да и где было взяться собственной квартире у простых советских студентов. «Мы не в Чикаго, моя дорогая», – вздыхал Владимир вслед за мистером Твистером.

Случай или удача помогли им. Они встретились в вестибюле и прочли объявление, что в Чимгане открывается студенческий спортивно-оздоровительный лагерь.

– Поедем? – беспечно предложил Данилов.

– Поехали, – легко согласилась Нина.

Студенчество в горы ехало на автобусе, и чем дальше от Ташкента, тем дорога становилась хуже. От песен в начале пути не осталось и следа. Большинство сомлело и дремало, вздрагивая при каждом толчке. Нина тоже спала на плече Данилова в знак приязни и доверия. И ему бы заснуть, но не спится. Близость Нины его как всегда волновала. Он ощущал чистый запах ее волос, чувствовал округлость девичьего плеча, легкость расслабленной руки, лежащей на его колене.

Ему радостно и беспокояно от того, что должно произойти, быть может, уже сегодня. Владимир был не мальчик и не юнец, но такой силы желание он испытывал впервые и боялся, как бы не сорваться. И наказывал себе ни в коем случае не торопиться, не форсировать события, а предоставить им идти своим чередом. Захочет Нина романтических отношений, пусть будут. Захочет платонической любви, пусть будет платоническая любовь. Он смотрел, как за вырезом майки расходится ее высокая, широкая в основании грудь и думал:

– Господи, да с ее ли темпераментом и платоническая любовь? Ведь мы, наконец, уже сто раз прелюбодействовали с нею в сердце своем! Все будет хорошо. Все должно быть хорошо.

И весь вечер устраиваясь – разбивая палатки и раскладывая вещи, потом ужинавшая в пахнувшей свежими досками столовой, они старались не упускать друг друга из поля зрения. И как только стемнело, отправились на заранее намеченное место. Это было расположенное на склоне поле с уже сжатой, но еще не убранной пшеницей, где вдоволь было соломы.

Внезапно перед ними возник сторож – почтенный узбек с седой бородой. Сразу все поняв, он пропустил их, наказав только не шуметь и не курить, на что они с готовностью согласились.

Владимир и Нина отошли подальше, выбрали копну и уселись на соломе. Было тихо, только неведомо где трещали шикады, да вдалеке шумел Чаткал. Сверкали, как всегда яркие в горах, звезды. Светила луна. Было если и не совсем удобно, то вполне романтично. Данилов обнял свою возлюбленную и почувствовал, что у нее под сарафаном ничего нет. Ее плоский живот заканчивался складкой, или валиком, круто ниспадавшим к лону. И само лоно было, как коралл! Во время близости у нее перехватывало горло, и она стонала, словно задыхаясь. Однажды он спросил у нее, может ли она так не стонать? Она улыбнулась и сказала:

– А зачем сдерживать восторг любви?

А во время их первой близости, в тот же вечер, он думал только о том, чтобы быстрее начать все сначала.

Их студенческая группа была первой в этом спортивно-оздоровительном лагере, и поэтому все участвовали в оборудовании лагеря: устраивали баскетбольную и волейбольную площадки, помост для занятий тяжелой атлетикой, устанавливали гимнастические снаряды. Но самым большим их достижением было создание бассейна. Перегородили безымянную речушку, впадающую в Чаткал, забутили плотину мелкими камнями. Получилась запруда, в которой можно было купаться и даже плавать, если не сильно бултыхать ногами. Возле этого озера студенты и проводили свои дни, загорая до черноты, до «змеиной кожи».

В столовой кормили одними макаронами, но это не имело большого значения. И все пили сладкое вино. Даже Данилов, бывалый воин, случалось, пивавший и спирт, тоже предпочитал вместе со всеми токай и мускат.

И с вечера до утра Владимир с Ниной занимались любовью, подавая пример другим парам.

– А у вас хорошо получается, – одобрительно заметил Витька Громов, сокурсник Данилова. Как у них получается он, конечно, не видел, но судил, должно быть, по глазам. Как писал поэт: «В них сияет пламень томный – наслажденья знак нескромный». Возлюбленная Данилова была страстная, неутолимая в любви женщина. Сколько бы раз они ни достигали экстаза, она всегда была готова все начать сначала...

От пресыщения их спасло то, что срок путевки кончился. Владимир видел, что в Чимгане они были счастливы и верил, что они любят друг друга, и что после того, что между ними произошло, естественным продолжением будет брак, семья. Проще говоря, он не мыслил теперь свою жизнь без Нины.

А она мыслила. Во всяком случае, когда он на первом же свидании в Ташкенте предложил ей выйти за него замуж, она встретила его слова с понимающей улыбкой, но безо всякого выражения счастья. И как-то незаметно перевела разговор на житейские дела: как они будут жить, где будут жить и на что?

Владимир был несколько смущен: та ли это Нина, с которой они читали Блока и Ахматову?

*Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, ай.*

Здесь, простите, воспетые еще Пушкиным, «смычки о любви», а тут, понимаете, – жилплощадь. Нет, он не был таким уж наивным, романтичным юношей и вовсе не считал, что с милой рай в шалаше. Конечно, он представлял их совместную жизнь, но как-то отвлеченно, в общем виде. Ну, у Даниловых три комнаты, у родителей Нины – четыре. Как-нибудь поделятся. Но оказалось, что родители Нины, у которых было еще двое детей, вовсе не горели желанием разменивать

свою большую квартиру. Хотите жить – живите, но не более.

Против размена была и мать Владимира. Она не верила в любовь подруги сына, и вообще считала этот брак преждевременным.

– Она тебя ценит, но не любит, смотри не ошибись, Володя, – предупреждала она.

Любит, не любит. Но он-то любит. И он уже знал, считал, что когда кого любишь, никакими силами никто не заставит тебя верить, что тот, кого ты любишь, может не любить тебя. Но Нина и в самом деле вела себя лукаво и мало чем ему помогала.

Через год, летом, они снова на день поехали в Чимган. Предложил поездку Владимир из самых романтических побуждений. Она, как будто оживившись, тоже согласилась.

Чимган был все такой же. И лагерь был все тот же. И речушка... Впрочем, речушка как раз оказалась другой. Год назад она была прозрачная и чистая. А тут, видимо, в горах прошли сильные дожди, вода разлилась и вспенилась, неслась бурой массой. Купаться в такой речке не было никакой охоты.

И поле, куда они вечером пошли, было, вроде все тем же, но встретил их не благообразный старик, а подросток. Он, как видно, так и не разобрался, что они, собственно, собираются делать в сжатом поле, и они поняли, что он будет за ними следить. Им пришлось уйти подальше, а дальше был грохочущий Чаткал, заглушающий все звуки любви.

И, наконец, утром они так и не дождались университетской машины и возвращались в Ташкент в жарком и душном рейсовом автобусе. Ехали молча. Нина, как всегда в дороге, дремала, а Владимир смотрел в окно и в голове вертелись строчки из какого-то романа.

*Нет к прошлому возврата
И в сердце нет огня.*

Впрочем, он был не слишком обескуражен. Ничего особенного не случилось: съездили и съездили. Не очень удачно? Ну что ж, это будет уроком. Все можно вернуть: и горы, и ночь, и звезды, и луну, и бег ручья и треск цикад. Нельзя только вернуть самих себя, таких, какими они были год назад. Прошлое не возвращается. Потому что любовь – это процесс, а не состояние. Об этой поездке они почти не вспоминали. Нечего было вспоминать. И еще одна или две свечи погасли в люстре их чувств.

«Жил-был мальчик, и жила-была девочка. У мальчика были большие глаза и уши, а он думал, что они у него маленькие. А еще у него были густые волосы, куда девочка любила запускать свои пальцы. А потом однажды она ушла и больше не вернулась». Так говорила Нина Макарова, студенческая подруга Данилова...

литературоведение. литературная критика

Александра ДАВШАН

Давшан Александра Николаевна доктор филологических наук, видный литературовед, общественный деятель, активно исследующий актуальные проблемы русского литературоведения и взаимодействия культур и литератур в Узбекистане.

Диалог культур в современном литературном процессе Узбекистана

Диалог культур как общение между субъектами культур многоаспектное понятие. «Сегодня меняется строй разума – от человека образованного к человеку культуры, сопрягающему в своем мышлении и деятельности различные, не сводимые друг к другу культуры, формы деятельности», – считает В.С. Библер. В многонациональном центральном среднеазиатском регионе образ жизни, исторические события, религиозная принадлежность способствовали постоянному взаимодействию нескольких культур.

Сражение национальных миров в поэтической авторской картине отличает индивидуальный стиль современных прозаиков и поэтов, представляющих русскоязычную литературу Узбекистана. Этим авторов не много. Среди них Марта Ким, в поэтическом мире которой встретились представления и образы мировой культуры.

Так случилось, что поэт оказался отлучен от своего национального языка и родным стал русский, а филологическое образование обеспечило знание мировой культуры. При этом мы наблюдаем абсолютное отсутствие разделения на «свое и чужое».

Русский менталитет, русская образность ее поэзии связана с использованием идиоматических выражений («хлеб-соль», «рубить с плеча», «бабье лето»), упоминанием классических литературных образов («поверженный Демон», «печаль есенинской березы», «белая стая стихов», «вечерний звон»), обращением к символам народного творчества («журавлиная стая», «прошальный крик журавлей», «попынь-трава», «плакучая ива»), включением в собственный текст, чаще в усеченной форме или одним характерным словом, цитат из русской классики («минувших дней воспоминанье», «память сердца», «невстреча»). Присутствие распространенных библейских изречений («все суета сует», «разбрасывать камни», «собирать камни») свидетельствует об усвоенных идеях и ценностях общемирового культурного уровня.

Восточные реалии создают особое восприятие, видение предмета, а не его узнавание, что, по В. Шкловскому, является «целью образа». Например, в развитии характерного восточного образа цветущей вишни создается собственная драматургия, трагическая завязка: «Над веткой сакуры плакал старик». Затем контрапунктом становится ощущение: «Счастье – это снова цветение вишен». Чудо красоты раскрывается как чудо познания жизни: «Дай мне руку. И пойдем мы по жизни // Вдвоем. Одни...// В осеннем саду зашвела вдруг вишня // При свете луны». Зрелость добавляет спокой-

ной мудрости, и тогда проставляются акценты на аксиологическом понимании образа: *«Все то, что черпала из книг, // В одном цветке японской вишни».*

В мировой поэзии тополь – частый гость. В стихах М. Ким он в разных вариациях: пух тополиный, свежесть тополя и т.д. Вспоминается меткое наблюдение Н. Лукьянова: *«Азиатские тополя // Заставляют скучать о соснах».* М. Ким пишет о природе, которой была лишена: *«Я больна Японским морем, Сопками, Камчаткой, Сахалином».* Но чувство здесь выражено по-русски, где *«болеешь, значит, грустишь, скорбишь, печалуешься, заботишься сердцем».*

Привычным становится в ее стихах образ дождя. Он многопланов, и корни происхождения теряются или в глубинах восточной философии, где инь и янь объединяет дождь, или в климатических причудах Страны утренней свежести, или в смене природных сезонов, или в мировых космических явлениях. Для автора жизнь, проходящая серо, скучно, сравнивается с облаком без ливня, дождь с одиночеством, ответственностью за спящий уставший город. М. Ким, видимо, принадлежит к «поэтам дождя», и исследование этого образа настолько же сложно, насколько многообещающе по результатам.

Самое близкое – самое тайное не разменивается, не повторяется. В сборнике *«Седьмое небо»* лишь раз прозвучит имя Родины, и автор скажет, конечно, другими словами *«Под низкорослым деревом трава, // Привыкшая к людскому откровению, // Как женщина, смиренно прилегла... // В минуты слабости, душевного смятенья // Она вернет покой. И тишину».*

М. Ким следует эстетическому кодексу Востока – все прекрасное бессмертно. Детали бытовые (*«скрипучая арба»*), по-восточному символические (*«бамбуковый веер»*), сугубо поэтические (*«стон тростника»*), истинно корейские (*«рис или звездная россыпь»*), исключительно сегодняшние (*«время сорняков»*), типичные для азиатского региона (*«седовласый аксакал»*, *«най»*) и многие-многие другие, казалось бы, должны создать пестрый мир. Но этого не происходит потому, что все объединяет душа лирической героини. Состоянием, настроением души все проверяется, все оценивается, а сама душа распята или уже состарилась, или наследница обманутой мечты. Она всегда в движении и всегда остается «тайной тайн».

Образная картина мира, вырастающая в лирике М. Ким, наполнена звуками из разных культурных систем: напористостью русской частушки (*«Выйду к речке горевать, // Горевать – не целовать!»*), чуть слышным шелестом Востока (*«Счастье – когда ты рядом. А я – тише воды»*), переключкой с ахматовским словом, цветаевской ритмикой. Характерная черта ее образа мира – переосмысление привычных устоявшихся представлений и понятий. Так дом на песке заменяется дворцом на песке и представляет, таким образом, гораздо большую катастрофу. Синуцу, которая в соответствии с русской пословицей, в отличие от журавля в небе, должна быть в руках, оказывается, надо отпустить в небо. Упадок творческого вдохновения (когда не пишутся стихи) и невозможность мечтать о море дают автору исключительно трезвое жесткое зрение: *«Я понимаю суть толпы – // Немилосердной и суровой».*

Поэтический почерк М. Ким ассоциативен и предполагает дальнейшие поиски. Название нового сборника стихов *«Седьмое небо»*, упоминание семи холмов, семи флейт, семи фей заставляет вспомнить значение гептады, великой семерки, идеально-го выражения господства духа над формой или числа жизни, как утверждают разные религии.

В поэтических текстах и легко и сложно отыскивать разные культурные уровни, определять их жизнеустойчивость и переменчивость. В исследовании диалога культур это один из способов обнаружить истинное лицо автора, в данном случае Марты Ким, узнать ее **«лицо без маски, сердце без шита».**

К прозе, замеченной, оцененной и связанной с Узбекистаном, принадлежат *«Ташкентский роман»* Евгения Абдуллаева (2005) и роман Дины Рубиной *«На солнечной стороне улицы»* (2006). Помня утверждение М.М. Бахтина о том, что функция романа есть познание, мы привлечем еще одно произведение этого жанра, упомянутое выше и написанное чуть ранее – в 1999 г., – *«Возвращение»* Динары Абдуловой.

Весьма разные авторы, выросшие в Ташкенте, представили мироустройство с одинаковыми ценностями и выбрали героев внутренне близких друг другу. Временные рамки романов также одинаковы, точка отсчета – Вторая мировая война. В отличие от жесткого реализма («Ах, война, что ты, подлая, сделала...») или трагического лиризма («Мой милый, если б не было войны...»), характерных русской литературе, создатели названных романов разбираются в судьбах не столько участников войны, сколько их потомков. Главным героем становится поколение «детей».

Три романских персонажа – Сабир, Лаги, Вера – люди творческого потенциала, близкие искусству, культуре. Однако, почти по Т. Карлейлю, «героическая душа полагается в крайне странном одеянии».

Роман Д. Абдуловой – это история взрослеющего молодого человека. Е. Абдуллаев делает героиней девочку, девушку, женщину по имени Лаги, чей путь все-таки определится. В переплетении судеб нескольких персонажей Д. Рубина ищет свою героиню. Не похожие на сверстников, они похожи друг на друга – ошибками (у мальчика), замислением (у девочек), первой любовью, а главное, одиночеством и надеждой выбраться из него. Авторы любят и оберегают своих героев от резкого осуждения и расправы за неординарность поступков. И читатель начинает любить Сабир, дарящего людям радость, и мадонну по имени Лаги, и будущую художницу с обязывающим именем Вера.

Где зародыш любви ко всему миру? В романах новый генетический код – война, Вторая мировая, на полях которой пали, хуже, если пропали без вести, и дети Узбекистана. Но чужие края оставшимся в живых обеспечили новое зрение, доступное только тем, кто внутренне зорок, или, если обратиться к астрономии, видит в Плеядах невооруженным глазом девятую звезду: по преданию, она доступна только чистому сердцем.

Мир смертоносной войны выпестовал мир необыкновенной – это не значит счастливой – любви. У отца Сабир – к зеленоглазой певунье Валентине, у отца Лаги – к девушке по имени Луиза. Отцы принесли в семейные традиционные бытовые рамки неосуществленный («Ташкентский роман») или разрушенный («Возвращение») романтический идеал любви и красоты. А детей воспитывают не мать, а заботливая мачеха или чужие добрые люди. Тоска отцов, потерявших прежний юношеский романтический мир, передалась детям, не знавшим его, не воспринимающим его.

Лаги ненавидит свое «финтифлюшечное» имя. Воспоминания об отце, когда девочка играет бетховенское «К Элизе», не лучшая ему характеристика (запрокидывает голову, пускает слезу, т.е. улетает в мечтах, непонятных дочке). Сабир обижают, не понимает жену и родственников. Расхристанность Веры – результат полного семейного беспредела. Незащищенность, ранимость, отсутствие типичных черт героя (мужественности, рассудительности, ответственности) и героини (необыкновенной красоты, покорности, преданности домашнему очагу) сделали Сабир, Лаги и Веру героями своего времени.

Отсюда и новая форма повествования, где главное внимание отдано исследованию души каждого героя. Из нее, «особенной», – сновидения, озарения, путешествия в неведомое. Нет завершенности в мыслях, четкости в размышлениях. Главные герои – истинные дети неустоявшегося времени – вспоминают, припоминают, догадываются о чем-то сугубо своем, внутреннем, и оно, внутреннее, перерастает для читателя в знамение времени, в его главную будущую черту.

Так выстраивается перспектива: крах отцовских идеалов – ошибки детей – общее течение времени, расставшегося с поколением отцов, убегающего от современных детей. Конкретизация дается через оценочные детали: курит потихоньку от Лаги свекровь, умудренная зрелая женщина. Курит, скажет Лаги, как пионерка. Но и Лаги, тихонько допивающая вино, такая же: знает, что нельзя, что плохо, но хочется, и, значит, можно. Человек волен делать, что хочет и как хочет, вопреки условностям, традиции и мудрости? Нет, конечно! Но раз делает, то кому от этого хуже? Нет в этих романах наскучивших нравоучений, куда полезнее читателю самому понять, что хорошо и что плохо.

С точки зрения российского исследователя М.М. Голубкова, **«изменение культурного статуса литературы привело к потере важнейшей ее функции: формирова-**

ния национального сознания...». Национальное сознание названных нами героев не является ориентиром для их авторов, которые сами формировались в исключительно пестром интернациональном культурном пространстве. Строго говоря, о каком узко национальном взгляде может идти речь, если у Сабира мать украинка, у Лаги – немка, у Веры отец, по словам матери, «морское чудовище». При этом Д. Рубина не избежала еще и «модной» тенденции, сообщив «под занавес» о дворянском происхождении Веры.

Для всех авторов ценнее распахнутость мира и доступность мировой культуры на самом разном уровне. Для Сабира – на бытовом. Отсюда в романе пиры – узбекский, украинский, еврейский, грузинский. Для Лаги – книги. Для Веры – живопись. Все герои – люди, мыслящие широко, современно, цивилизованно.

Для этих романов характерна растянутость времени. То неизвестное, далекое и прекрасное для отцов время протягивается к настоящему и нарушает хронологические рамки. Если попытаться определить реальный возраст персонажей в соответствии с финальной атмосферой, то герои окажутся намного старше изображенных авторами.

Д. Рубина, вспомнив об этом, хочет объяснить самой себе молодость чувств и таланта своей героини. Д. Абдулова оставляет Сабира перед закрытой дверью и читатель сам прогнозирует его судьбу. Лаги со своим взрослым сыном, обретенным мужем переносится через десятилетия. Таким образом, растянутое для читателей время для героев сжато, уплотнено, из-за чего они и успевают проявить новое в своих характерах.

Современные герои из времени отцов взяли главное. Для Сабира это тоска отца по красоте, а красота в радости, которую сын дарит другим. Лаги напрямую встает на дорогу отца. Ведь он был не только бухгалтером, он был переводчиком и нес своему народу чужую мудрость, радость, смех. Вера побеждает сумбурность времени и ограниченность пространства: она становится художником.

Такие повороты в судьбах главных героев знаменательны, т.к. проявляется главное качество, которым сегодня дорожит мир и ценит его в человеке – это творческое начало, это созидание нового в жизни. Новое еще не скоро утвердится и станет традицией. Пока оно есть, пока его чувствует автор, его герой будет современным.

Новыми гранями открывается Азия у писателя каждого поколения. Из образа таинственного и загадочного она всё больше превращается в реальный, но при всех условиях сохраняет и расширяет свою поэтическую сущность...

Ольга ГРИГОРЬЕВА

Ольга Ивановна Григорьева родилась в 1954 году в Ташкенте. Окончила ТГПУ в 1976 году. Доцент кафедры русской и зарубежной литературы ТГПУ им. Низами. Автор многочисленных литературоведческих статей. Печатается в республиканских газетах и журнале «Звезда Востока».

Автор романа «Синдром страха, или закон матрешки», а также сборника стихов «С открытым сердцем».

«Мне душу наполняла осень...»

(Природа в поэтических строках
Николая Ильина)

Узбекская земля богата талантами. Уникальная красота нашего края, щедрое солнце, открытость и доброта людских сердец, безусловно, способствуют рождению на этой земле Истинных Художников – будь то живописцы, музыканты, прозаики, поэты, мастера чеканки или резьбы по дереву... Все они наделены особым даром – умением видеть и «слышать» Красоту окружающего их мира и запечатлеть ее и на полотне, и в волнующих звуках чудесной мелодии, и в замысловатых узорах, рождаемых умелым резцом, и, конечно же, в слове.

*Отрадой дремлющих соцветий,
Смычком с небесной высоты
Заденет полночь нежный ветер,
И оживут на миг листья.*

*Волной полночного романса
Вдруг в полусне расслышишь ты
Скрипичные раздумья Брамса
О вечной юности мечты.*

Так ощущает Красоту мира Николай Ильин – талантливый поэт Узбекистана, которому дано и видеть, и слышать, и запечатлеть.

*Чтоб жизнь понять, не надобен рецепт,
Лишь надо слышать звуки, а не ноты,
Смотреть не на палитру, а на цвет,
Искать слова в душе, а не в блокноте.*

Поэтические строки Ильина и есть слова, «подсказанные» душой. И, может быть, это особо ощутимо, когда читаешь его стихи, посвященные природе. Именно в них сконцентрированы не только страстная влюбленность поэта в «живое многоцветье

мира», но и его искренняя боль за бездумную – разрушающую, уничтожающую – деятельность человека. С горькой иронией, переходящей в сарказм, Ильин пишет:

Спилите сад, срубите все деревья
И отведите в сторону канал,
Пускай пойдут гуськом в поселок древний
Бульдозер, экскаватор, самосвал.
.....
И пусть асфальт скует природе душу,
И толш стекла от неба оградит:
Бетонных улиц знойное удушье
Придаст пространству «современный вид».

И вот тогда прораб, от счастья гордый,
Пусть снимется на фоне из плиты:
Снесите чудо – и постройте город,
И назовите *городом мечты*.

Читая эти строки, невольно – и зрительно, и душой – фиксируешь такие «убийственные» фразы, как: «спилите сад», «срубите все деревья», «отведите в сторону канал», «асфальт скует природе душу», «бетонных улиц знойное удушье», «снесите чудо». В этих фразах резким, отрывистым, беспощадным стаккато звучат слова – «спилите», «срубите», «отведите», «скует», «снесите» – демонстрирующие жесткое, а порой и жестокое обращение людей с окружающим их «живым миром». В результате получается, что «современный вид пространства» в восприятии человека, его «город мечты» – это асфальт, бетонные плиты и отгороженность от неба толшью стекл.

Строки Ильина, приведенные выше, невольно ассоциируются в сознании с отрывком из романа Льва Толстого «Воскресение», в котором тоже говорится о целенаправленном желании людей «вырубать», «забивать», «уродовать», «уничтожать»; но как ни старались люди изуродовать землю – «...весна была весною даже и в городе» – это своеобразная антитеза всему предшествующему тексту; она говорит о великой, всепобеждающей силе природы, которая, невзирая на разрушительную деятельность человека, все-таки пробивается к нему солнцем, травой, зелеными почками на деревьях, цветами – все-таки *живет!*

И не просто «живет», но (и это уже по очень точному определению Ильина) «*вплетает*» человека в удивительный, неповторимый мир своей Красоты:

Весенние цветы
Восстали из земли
И знаком красоты
Себя в наш мир вплели.
.....

Им отвести свой век
И кануть в немоту;
Они цветут для тех,
Кто верит в красоту.

Обратим внимание на последнюю строку: цветы цветут для тех, кто «*верит в красоту*». Именно «*верит*», а не просто «видит», «созерцает». Красоту надо принять, познать, почувствовать душой, потому что в человеческой жизни она...

Не для земного «я»,
Не для красивой лжи,
Но чтоб отзывалась жизнь
Созвучием слов и дождя.

Это созвучие «слов и дождя» великолепно звучит в стихах Николая Ильина. Его любовь к природе и, прежде всего, к красавице осени переплавилась в удивительные по своей образной и эмоциональной силе строки.

Опавшим сентябрем лежит листва.
Зеленой окисью на медных днях нависли
Остатки лета, поздняя трава,
И тусклый свет касается едва
Дождями выбеленных листьев.

У поэта свои отношения с осенью.

Я осенью, как детством, зачарован,
Печаль и красота меня сильнее,
Я сам не свой – меня целует осень,
И я смущенно улыбаюсь ей.

Это удивительное время года воспринимается им как живое существо:

«...встревоженный Сентябрь, прологом Осени спешит на авансцену»; ноябрь «в наивной жажде выглядеть значительным» «транжирит золото листвы»; осень, «моршась от забот, птиц осенних собирает»; «вздыхают кронами деревья»; дождь стучит «в слепые окна» и барабанит «по душе»...

Поэт может бесконечно любоваться меняющейся, ускользающей, неверной и такой потрясающе-неповторимой красотой этого времени года, когда...

Красно-алые закаты,
Сдернув занавес из листьев,
Обнажают листопада
Золотое закулисье...

В то же время, встреча с осенью для Ильина – это грусть, навеянная тем, что «юность выцветает в мыслях, рожденных линькой сентября». Порой эта грусть окрашивается в мрачные тона печального осмысления скоротечности человеческой бытия:

Открыта дверь на сумрачный балкон,
В просветах листьев осень солнце ловит;
Но я не в состоянии сбросить сон
И к осени сознание приготовить.

В бесцветный день душа погружена,
Где тусклый свет и угасанье мысли,
Как исчезающая желтизна,
Готовят к пустоте небесной выси.

Тревожно-тоскливое состояние души Поэта «приглушает», «обесцветчивает» все вокруг. Обратим внимание: балкон «сумрачный», день «бесцветный», свет «тусклый», желтизна «исчезающая», то есть *блеклая*, лишенная своих ярких солнечных красок. Чувствуется, что автору этих строк (как и любому человеку!) сложно принять тот факт, что и весна, и лето его жизни уже отшумели («Но я не в состоянии сбросить сон и к осени сознание приготовить»), что он уже вошел в те «пределы», за «границей» которых – зима. Отсюда и тоска, и печаль, и «угасанье мысли», готовящейся «к пустоте небесной выси».

Выделенные нами слова не требуют особого разъяснения. Именно они, прежде всего, причина смутного состояния души Поэта, состояния – повторимся – близкого и понятного любому человеку, осмысливающему свою жизнь, чувствующему неумолимую быстротечность равнодушного времени. Быстротечность, подобную... листопаду.

Облетанье и паденье,
Желтизны скольжение в пропасть.
Безысходные сомненья,
Безответные вопросы...

Сомненья «безысходные», вопросы «безответные», однако, осмысливая как единое целое жизнь человека и природы, поэт все-таки приходит к определенному выводу и потому обманчивым иллюзиям весны предпочитает суровую реальность осени.

Не верьте солнечной весне:
Она поманит и обманет,
И вам еще досадней станет,
Что вы забылись в теплом сне.

Но верьте осени. Она
Теплом обманывать не станет,
И солнце лишь затем проглянет,
Чтоб зримей стала желтизна.

В то же время осень для поэта – не только очередной «осыпавшийся год», что «умирает под ногами», не только ощущение «близкой стужи» и «жесткой тяжести в груди», это просто *прекрасное время года!*

«Унылая пора! Очей очарованье!» – сказал когда-то А.С.Пушкин. Действительно, пора «унылая», но полная столь потрясающего «очарованья», что ей «в любви клялись не раз» такие признанные мастера слова, как: Тютчев, Фет, Некрасов, Майков, Плещеев, Есенин, Бунин, Бальмонт, Блок, Пастернак...

Все поэтические «осенние мотивы», созданные разными поэтами в разные времена и века, по сути дела есть своего рода признание в любви удивительному и неповторимому в своей изменчивой цветовой палитре времени года.

И, как мы уже успели убедиться выше, свое «признание» слагает и Николай Ильин. «Мне душу наполняла осень», – говорит он и, тонко ощущая все нюансы сложного «переплетения» из цвета, запахов и чувств, рисует нам ее то яркой: «У осени окраска лисья...», «Крыла листья багровые, румяные, бордовые...», «... блики красно-бурых листьев»; то блеклой: «Иссякла красок несравненность...», «Сжималась и блекла листва...», «Выцветший воздух белес...», «Сморщенным солнцем осунулась осень...», «Желтеет время в сентябре и блеклой кроной опадает...»; то с привкусом горечи: «Познание осени – усилье стольких лет, Круговорот прозрений и ошибок»; то символичной в тайном «подтексте» своего «пышного увядания»:

Забудьте солнечные дни,
Оставьте знойные туманы,
Уже зовет и в осень манит
Предошущенье желтизны.

Уже сентябрь влечет ко сну,
Уже листва близка к паденью,
И смысл осенних откровений
Доверьте сердцу своему.

Осень может способствовать чудесному лирическому настроению, и тогда в строках Ильина звучит музыка – «увяданья желтеющий звук»:

Слагались звуки в звукоряд,
От суеты неотличимый,

Как листья в блеклый листопад
С его сентябрьской причиной...

Природа – особая тема поэзии Николая Ильина. Прекрасные строки написаны им и о зиме, и о весне, и о лете (при этом следует отметить оригинальность и неповторимость «движения» его творческой мысли!). Но, знакомясь со сборниками его стихов, безусловно, ощушаешь, что самое любимое время года поэта – все-таки осень:

Осенней власти повеленьем
Прозрачен свет и воздух чист,
В саду густой виолончелью
Legato осени звучит.

По грифам сумрачных деревьев
Скользит перстами листопад,
И близит сад инстинктом древним
Исход листвы к твоим стопам.

Поэтические строки Ильина, посвященные природе, – это не просто «красивые картинки», очередные вариации на тему «времени года»; они дают пищу уму, склоняя к раздумьям, к философскому осмыслению бытия, они трогают душу, очищая ее от серого налета повседневности, помогают и увидеть, и услышать, и почувствовать Прекрасное.

Ирина РОДИНА

Родина Ирина Витальевна родилась в Ташкенте в 1979 году. Окончила факультет русской филологии УзГУМЯ. С 2003 по 2005 проходила обучение в магистратуре УзГУМЯ по специальности лингвистика. В настоящее время осуществляет педагогическую и научную деятельность в качестве старшего преподавателя кафедры русской и зарубежной литературы факультета русской филологии УзГУМЯ, совмещая ее с должностью заместителя декана по учебной работе. Имеет ряд публикаций по проблемам современной русской религиозной прозы.

Духовно-культурологические основы «религиозной» тематики в современной русской и узбекской литературе

Когда же я «верю» – одним или другим образом, – то в веру вступает все мое бытие, целостность моего бытия. В самом деле, вера становится возможной лишь потому, что в отношение, называемое «верой», вовлечено все мое бытие.¹

Мартин Бубер.

В социокультурном пространстве второй половины XX-го века, не только общественное религиозное сознание возродилось в совершенно новом качестве (качестве более духовном, нежели конкретно обрядово-религиозном), но и культурологическая «религиозность» предстала в совершенно *новом духовно-мировоззренческом качестве*. Все это позволяет говорить о возрождении в культурологическом пространстве конца XX века уникального явления (не единичного в истории мировой культуры) – о «религиозном Ренессансе». В истории развития человеческого общества ему, как правило, предшествует определенное духовное истощение общественного сознания, неизбежно сопровождающее переход от одной системы социальных отношений к другой. В художественной литературе этого периода интерес к религиозной тематике разворачивается в парадигме двух ключевых инвариантов – в системах этико-философских и эстетических координат «религиозной прозы» и неомифологических тенденций (как основы интертекстуальной мифопоэтики).

Литературный процесс рубежа XX – XXI веков, вне зависимости от «национальных» координат, характеризуется пристальным вниманием к вечным вопросам человеческого бытия – постижение Смысла жизни, поиски Бога, обретение Его и осознание Человеком самого себя частицей божественного мира. В пространстве «культурологического миллениума» двух, экзистенциально означенных веков, религиозный вопрос – Что есть Бог? – становится вновь актуальным не только для русской литературы, которая на протяжении всего своего развития отражала духовный

¹ Бубер Мартин. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 234. – (Мыслители XX века).

путь человека к самому себе, к познанию высшего смысла бытия через проблему обретения в себе и для себя Бога, но и для современной узбекской литературы, в ином духовно-культурологическом ключе выстраивающей модель взаимоотношений «Бог – Человек».

Религиозная тематика в парадигмальной системе духовно-культурологических концептов определяла в истории и русской и узбекской литератур два инварианта своей художественной репрезентации: первый – собственно религиозная модель художественной картины мира (и такую литературу мы называем религиозной или церковной) и второй – неомифологическое культурологическое обыгрывание религиозных концептов различного уровня (сюжетного, образного, символично-метафорического) в произведениях светского плана с акцентацией на ценностно-аксиологические координаты бытия человека.

История развития религиозной литературы в русской и узбекской культурах достаточно исследованное явление, нашедшее свое отражение в общей истории мирового литературного процесса.

Примеры современного художественного воплощения религиозных идей нашли отражение в трех произведениях – «Пожар» В. Распутина, «Печальный детектив» В. Астафьева и «Плаха» Ч. Айтматова, которые ознаменовали собой переход к новому периоду в литературе, явившемуся отражением и следствием социальных изменений жизни общества и государства. Они находились как бы на стыке социальной критики и апологии духовных поисков порубежного предперестроечного периода.

Современные авторы религиозного направления, наследуя традиции своих предшественников, всей русской классической литературы в целом и духовный опыт православия, пытаются донести до своего читателя мысль о том, что вера в Бога – единственно верный путь к духовному возрождению.

Достаточно сложный путь развития религиозная тематика прошла в узбекской литературе: от религиозно-дидактических произведений Ахмеда Яссави (умер в 1166), в которых он раскрывал идеи суфизма, до джадидов начала XX столетия, концентрирующих внимание на антирелигиозной сути литературы с просветительской целью, предполагая, что развенчание религиозной догматики может служить культурному просвещению народа. Религиозные концепты стали основой для социально-литературной сатиры. Широко известны такие сатирические антирелигиозные произведения узбекских писателей, как «Вознесение на небо» Фитрата, «Дурной сон» Гайрати, «Уловки шариата» Гафура Гуляма, «В раю» Сабира Абдуллы и другие. Именно в этой мировоззренческой системе развивалась и эстетическая основа новой узбекской литературы; «на этом пути складывались, в частности, приемы лепки сатирических характеров мулл, ишанов, религиозных фанатиков, которые воочию воплощали все то мертвое, что еще цеплялось за живое. Воюя с пережитками прошлого, сатирики выкорчевывали его корни в настоящем. <...> И у наших новеллистов расчет с прошлым велся ради настоящего, ради утверждения новых жизненных идеалов»².

А в конце XX века и в русской и в узбекской литературах в системе совершенно иных «новых жизненных идеалов» актуализируется обращение к религиозной тематике вне сатиры, вне социального проектирования, с репрезентацией бытийных и персонологических, порой подчеркнута экзистенциальных, ценностно-аксиологических координат.

В этом плане интересно рассмотреть специфику отражения религиозной идеи в романах узбекского писателя Улугбека Хамдама «Бунт и смирение» и русского писателя Ф. Светова «Отверзи ми двери», произведениях дифференцированных «инонациональной» ментальностью в художественно-культурологическом познании

² Гранта. Узбекские рассказы. – Т., 1967. – С. 5-6.

этико-религиозных основ бытия, но совпадающих в попытке обрести единственно верный путь к духовному возрождению современного человека, и в двух разных «образах веры» постичь ее истинный смысл. Для писателей этого нового уровня художественной реальностью становится процесс «богословского моделирования» в системе текстовой художественной картины мира онтологических, литературно-эстетических и личностно-экзистенциальных констант бытия в единую парадигму духовно-культурологических идей, соотносимых с концепцией «Религиозного Ренессанса» XX века – возрождение культуры, мира и, как следствие, личности и мира через «новое религиозное сознание». Это своеобразная попытка писателей противостоять идее «дегуманизации искусства». В их творчестве обозначена полифункциональность художественного Слова, призванного не только осуществить задачу личностного духовного обретения Бога и мира, но и наметить путь преодоления кризиса дегуманизованного мира, осуществить победу Гармонии над Хаосом, воплотить идею духовно-культурологического возрождения мира. Активно используемая писателями синкретическая библейская модель сотворения мира посредством божественного слова (Вначале было слово...) – выполняет текстообразующую функцию, и позволяет организовать новую эстетическую систему художественного миромоделирования, значительно расширяющую специфику неомифологизации художественного текста, одну из эволюционно значимых тенденций развития литературного процесса XX–XXI веков. Концептуальную мирообразующую роль в текстовой парадигме новой религиозной прозы выполняет концепция *богоискательства*, организующая в единую художественную систему авторские духовно-культурологические идеи, религиозные концепты *веры, покаяния, катарсиса и возрождения* (наиболее системно актуализированные в романе Ф. Светова), а также *бунт и смирение* (концептуализированные в романе «Бунти смирение»).

Герой романа Феликса Светова «Отверзи ми двери» не просто мучим проблемой постижения смысла Божественного бытия, проблемой веры, – для него это вопрос обретения духовного и «жизненного» пространства в целом. Льву Ильичу Гольцеву важно было не только познать христианство как свою «личностную» веру, но и полностью переосмыслить жизнь с иных, теперь уже духовно-христианских позиций.

Динамика сюжетного развития романа развивается в контексте внешних (фабульных) и внутренних (исповедальных) координат жизни Льва Ильича, *богоискательство* которого определяется *самопознанием*, когда он «в напряженном поиске истинной веры, настойчиво и мучительно пробивается к смыслам христианской истины»³.

Путь главного героя к «вере» эволюционно обозначен в контексте противодействия двух полюсов – «веры» и «неверия», метафорически локализуемых автором в «бинарной» образной системе – отец Кирилл и Костя.

Отец Кирилл – воплощение любви и терпения. Говоря о сущности и значении веры в жизни человека, он разъясняет главному герою, какое значение для верующего человека имеет случай: «Когда человек живет с верой, у него иное отношение к жизни, как бы другое зрение, ему постоянно открывается чудесное в каждой мелочи...»⁴. Он уверен, что каждому дано свое испытание, что невозможно дать ответ на все противоречия человеческой жизни. Единственное спасение – молитва Господу, которая непременно будет услышана. Причину внутренней дисгармонии главного героя отец Кирилл видит в его логическом заблуждении, в неспособности понять устремления собственной души, которые исходят от незнания самого себя.

Являясь представителем официальной Православной Церкви, отец Кирилл не

³ Солженицын А.И. Феликс Светов. // Новый мир. – № 10. – 1999. – С. 168.

⁴ Светов Ф. Отверзи ми двери. // Новый мир. – 1991. – № 10. – С. 82. – (В дальнейшем цитируется данное издание с указанием в тексте в скобках страниц)

отрицает роль общественного прогресса, но, тем не менее, считает, что сила Церкви именно в ее консервативности. Религиозное служение для отца Кирилла – не обрядовость, а сама жизнь. Религия, по его твердому убеждению, «гнозис, не отвлеченное знание, а конкретное, органически полное постижение и испытывание смысла жизни личной и мировой»⁵.

Молитва и Церковь соотносятся в своем содержательном аспекте с религиозной архетипической символикой, ассоциативно определяя уровни «слияния» сознания героя с Богом – церковь, например, означает пространственное единение (поскольку церковь – это храм божий на земле), а молитва – коммуникативное (предполагает сакральное обращение к Богу на уровне «диалога сознаний»). Церковь сама по себе не дает и не гарантирует спасение, но определяет пространственное соприсутствие человека и Бога. Отцу Кириллу кажется, что в «диалогически» значимом пространстве именно он выполняет миссию проводника божественного откровения и именно он, выполняя задачу Церкви нести истину, говорить о спасении, учить молитве и поклонению, выполняет поручение Господа и является просителем за верующих перед Богом.

Исходя из норм христианской морали, отец Кирилл выстраивает этические каноны светской жизни, считая, что в оценке своих и чужих поступков не должно быть осуждения и критики. Он *открывает* заново и по-новому крестившемуся Льву Ильичу христианские заповеди о любви к ближнему, о смирении и всепрощении, но подчеркивает, что всякий обращенный должен пройти через испытания. Таковыми становятся для главного героя теологические споры с Костей, который отрицает современную церковь. Его путанные противоречивые толкования истории религии каждый раз вносят сомнение в душу главного героя. Костя считает себя человеком избранным, которому предстоит в будущем передать волю Божию всему человечеству. После споров с Костей Лев Ильич всякий раз оказывается на грани отречения от веры, христианской религии в целом. Но парадоксальным образом именно эти «искушающие» дух диалоги с Костей, а не «душеспасительные» беседы с отцом Кириллом, определили для героя путь катарсического обретения истинного образа веры, веры вне сомнения и поисков иных истин. Вскоре Лев Ильич убеждается, что учение Кости выстраивается из «придуманных, живых звеньев ... У вас логики хватает отрицать благодать и поносить сегодняшнюю церковь, а дальше пойти смелости не достает, или своя корысть – куда вам тогда деться со своим избранничеством?» (С. 116). Противоречивость высказываний Кости заставляют главного героя заново искать ответы на вечные вопросы человеческого бытия, в частности, о смысле жизни, о сущности веры. Осознание двойственности Костиной теории привело Льва Ильича к пониманию того, что и в основе его модели «нового» мира лежит та же «двойственность», несущая Хаос и дисгармонию человека и мира.

В противоборстве добра и зла, утверждения и отрицания формируется собственное понимание Веры и Бога в сознании главного героя. Пройдя сложный путь «познания через отрицание», герой Ф. Светова претерпел духовную эволюцию – от грехопадения до возрождения через очищение. Истинная вера, которую обрел герой, выступает в рамках данного художественного текста, как единственный способ обрести самого себя.

В романе «Бунт и смирение» поиски истинной веры также совпали с поисками смысла своего сокровенного Я, и отразили мучительный путь человека к постижению сущности бытия, локализуемый в пространстве художественного текста в координатах двух концептуально значимых констант – бунта против Бога и божественной предопределенности и смирения перед ним, перед его высшей мудростью. В христианской философии библейское представление о человеке как образе и подобию

⁵ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999. – С. 17.

Бога, внутренне раздвоенном вследствие грехопадения, сочетается с учением о соединении божественной и человеческой природы в образе Христа, следовательно, возможности внутреннего приобщения каждого человека к божественной благодати. Человек – одно из явлений этого мира, и вместе с тем оно превышает все явления природы. «Странное существо, двоящееся и двусмысленное, имеющее облик царственный и облик рабий, существо свободное и закованное, сильное и слабое, соединившее в одном бытии величие с ничтожеством, вечное с тленным»⁶. Все христианство, по мнению Н.А. Бердяева, связано с этой двойственностью человеческой природы.

В романе «Бунт и смирение», по сути, дается художественно-психологическое и художественно-этическое исследование природы этой двойственности. Главный герой романа Акбар, как и многие его современники, озабочен вопросом, откуда берется Зло и «может ли быть найдено такое Слово, которое удовлетворило бы всех, раскрыло бы смысл жизни»⁷. Только пройдя долгий путь длиною в человеческую жизнь, он осознал, что единой формулы достижения Гармонии не существует, и цель каждого отдельного человека – «туго повязать эти две точки – начало и конец, соединить их» (С. 101). Только так он сможет найти успокоение в своей душе. Бунт – это лишь начало пути к смирению, которое в понимании автора есть постижение самого себя: «Бунт и Смирение» – вот исключительно трудный путь к тому, чтобы стать человеком, вот судьба, предназначенная человеку» (С. 122).

В основную сюжетную канву повествования о жизни Акбара не случайно вклиниваются отрывки из Библии и Корана. Писатель выстраивает определенную текстовую шкалу соотношения реальных событий жизни человека XX века и религиозных мифосюжетов, как бы сопоставляя «первый» день рождения мира («...И отделил Господь свет от тьмы, и назвал свет днем, а тьму ночью. И это был первый день творения...» (С. 10)) и тот апокалипсический день мира, когда бунтующий человек взял на себя миссию Создателя и сотворил человека (девочку-клона Дженифер) вопреки замыслу божественному: «Теперь человек станет сам себе хозяином. С этого времени в его судьбу не вмешивается даже Господь Бог. ... В результате вы будете жить вечно, человек не умрет, он сравняется с Богом. Теперь человеку Бог не нужен...» (С. 109)

Смерть табиба, верующего человека, обретшего веру истинную через отрицание и сомнение, услышавшего эти слова в последний миг своей жизни-служения Богу, символически равна гибели рода людского. Это знамение грядущего Апокалипсиса за грехи человеческие.

Очень важное символическое значение имеет образ бездетной тети Ларисы, проживающей в ожидании своей смерти последние одинокие дни. Она прожила жизнь в свое удовольствие, нарушая заповедь Бога о продолжении рода и теперь, за свой бессмысленный и бесцельный «бунт», она несет кару – никак не может умереть: «Она очень устала. От мыслей, от сожалений, от волнений, нет-нет, от старости, от бесконечных переживаний в этой уже меркнувшей нескончаемости жизни» (С. 90). Греховная череда «бунтов», безверие привели тетю Ларису к совершению самого тяжкого греха – она кончает жизнь самоубийством.

Безверие Тети Ларисы обычное для человека конца XX века – «...она не была совершенно неверующей атеисткой, но прекрасно обходилась без Бога» (С. 61) – и только приближение одиночества и смерти стали для нее катарсическим прозрением, обернувшимся *попыткой* обрести веру, и она пришла в ...Церковь: «Да, для того, чтобы тетя Лариса отправилась в церковь, понадобилась целая человеческая жизнь... Молитва ее не была молитвой веры, а скорее некой отчаянной попыткой «замолить грехи» и потому не была услышана Господом, который так и не дал ей

⁶ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1985. – С. 89.

⁷ Хамдам У. Бунт и смирение (И азъ воздам). – Ташкент: Zar qalam, 2006. – С. 47. – (В дальнейшем цитируется данное издание с указанием страниц в тексте в скобках)

успокоения. Нельзя сказать, что каждый, кто стал прихожанином Церкви, кто только «пространственно» соприкоснулся с Богом – спасется, ведь сердце и мотивы человека известны только Богу, и только Он видит истинно верующего, пусть даже обретшего веру через протест, как таибб или его ученик, Акбар. Грех человека является путем к смерти, ибо в Библии сказано «*сделанный грех рождает смерть*» (Иак.1:15) и «*возмездие за грех – смерть*» (Рим.6:23.).

Интересно, что путь от безверия (а точнее от сомнения) к вере у Акбара (роман «Бунт и смирение») и Льва Ильича (роман Ф. Светова) лежит в системе дилеммы «бунт-смирение». И только преодоление этого «антиномизма» и есть условие истинной Веры.

Таким образом, художественно-религиозные идеи, отразившиеся в произведениях авторов, имеют различное толкование, но в их основе лежат вечные поиски человечеством Смысла жизни через познание Высшей Божественной мудрости как единственного способа осознать самого себя. В.В. Розанов писал, что чувство Бога есть самое «трансцендентное» в человеке, наиболее от него далекое, труднее всего достигаемое: «Только самые богатые, мощные души, и лишь через испытания, горести, страдания, и более всего через грех, ...достигают этих высот, – чуточку и лишь краем своего развития касаются мирам иным ...при условии чистоты душевной»⁸.

Таким образом, обращение к религии, мыслимой как путь к Богу, к вере, во все времена воспринималось людьми как единственный путь духовного спасения. Вся история человечества – это путь обретения утраченной веры. И вопрос об этом пути в равной степени ставится и в русской религиозной прозе как отдельной системе, и в современных произведениях нерелигиозных, но включающих в свое текстовое пространство религиозные неомифы, поскольку поиски истинной веры современным человеком продолжают независимо ни от эпохи, ни от национальности. И пример тому анализируемые романы.

В современной прозе по-разному представлено художественно-нравственное осмысление духовно-эстетических «моделей богоискательства», актуализирующих не только в литературе, но и в современной культуре в целом, новый взгляд на духовно-культурологический комплекс проблем «Бог – бытие – человек». Анализ этого осмысления позволяет выявить специфику эволюции художественного сознания «кризисной» эпохи рубежа XX – XXI веков.

⁸ Розанов В.В. Эмбрионы. // Юность. – 1990. – № 11. – С. 3.